

ISSN 2499-9997

Научный журнал

2023

№ 1 Основан в апреле 2015 года

UNIVERSUM HUMANITARIUM

UNIVERSUM HUMANITARIUM
2023. № 1

Научный журнал
Выходит 2 раза в год

Главный редактор

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич – член-корреспондент РАН, профессор РАН, доктор исторических наук, директор Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Заместитель редактора

Крадин Николай Николаевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Редакционная коллегия

Молодин Вячеслав Иванович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Лбова Людмила Валентиновна – доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Головко Никита Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры онтологии, теории познания и методологии науки Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Демидчик Аркадий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Октябрьская Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Кошкарева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Хьюг Плиссон – доктор наук, исследователь Национального центра научных исследований, координатор совместной международной российско-французской лаборатории АРТЕМИР, Ле Бюг, Франция

Сукбэ Чжун – доктор наук, профессор кафедры археологии Корейского национального университета культурного наследия, Пуё, Южная Корея

Инук Кан – доктор наук, профессор Университета Кён Хи, Сеул, Южная Корея

Хирофуми Като – доктор наук, профессор Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Джон Олсен – доктор наук, профессор Университета Аризоны, Тусон, США

Габриэлла Импости – доктор наук, профессор русской литературы, заведующая отделением русского языка и литературы Болонского университета, Болони, Италия

Бенсе Виола – доктор наук, доцент Университета Торонто, Онтарио, Канада

Франко Занини – доктор наук, исследователь Лаборатории ELETTRA, Триеста, Италия

ПРОЕКТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
СРЕДИ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

Редактор А. Ю. Борисенко
Макет Е. А. Штри

Содержание

Воспоминания

<i>Молодин В. И.</i> Юлий	8
<i>Орозбекова Ж.</i> Наш агай (учитель) – Юлий Сергеевич Худяков	17

Исследования

<i>Богданов Е. С.</i> Находка раннескифского оружейного набора в погребении тагарской культуры (Аскизская степь)	40
<i>Горбунов В. В., Лихачева О. С.</i> Оборонительное вооружение хунну	53
<i>Илюшин Б. А.</i> Военное дело сяньбийцев Туюяхунь	75
<i>Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.</i> Пластинчатые нарукавья-харабчи XIV– середины XV в. из Шушенского района Красноярского края	99
<i>Бобров Л. А., Пилипенко С. А., Мартюшов Р. А.</i> Позднесредневековый центральноазиатский колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея	121
<i>Кулешов Ю. А.</i> Проблемы атрибуции пластинчатого доспеха из коллекции Музея оружия Алавы, Испания (к вопросу о чешуйчатых панцирях на западе средневековой ойкумены, X–XIII вв.)	142
<i>Ермолаев Ю. С.</i> Мундир первых солдат Петровской эпохи в Сибири. Историческая реконструкции мундира, комплекса вооружения и снаряжения Сибирского драгунского гарнизонного полка 1715 г.	166

От редакции

Этот номер нашего журнала лишний раз показывает, насколько значимой фигурой в российской археологии и оружиеведении был доктор исторических наук, профессор Юлий Сергеевич Худяков и как велика потеря для отечественной и зарубежной науки с его уходом. Невозможно вместить в один выпуск журнала статьи всех учеников и коллег, которые хотели бы своим участием в мемориальном номере еще раз выразить ему свое глубокое и искреннее уважение.

Юлий Сергеевич был увлеченным исследователем, плодотворным автором и щедрым учителем.

Разработанные им принципы анализа и систематизации комплекса вооружения средневековых номадов и сегодня остаются актуальными и применяются его учениками в своих исследованиях. Признание заслуг выражалось в его членстве в экспертных советах ведущих научных фондов России и почетном членстве зарубежных Академий наук.

С одинаковым уважением к нему относились на ведущих научных форумах и в маленьких школьных музеях Кыргызстана, где его книги входили в постоянные экспозиции.

Заинтересовавшись древней историей в детстве, Юлий Сергеевич с готовностью откликался на встречи со школьниками, на которых рассказывал об истории средневекового кочевнического оружия Центральной Азии. Юлий Сергеевич был убежден, что необходимо знакомить широкую общественность с научными достижениями и поддерживал научно-популярные проекты по оружиеведению.

С глубоким уважением к памяти выдающегося ученого,

Редакция журнала «Universum Humanitarium»

Воспоминания

Юлий

В. И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН

Yulij

V. I. Molodin

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS

Юлий Сергеевич Худяков – выдающийся ученый-археолог, доктор исторических наук, профессор, внес неоценимый вклад в развитие археологии и исторической науки в целом. Ему недавно исполнилось бы 75 – возраст настоящей мужской зрелости, когда позади – колоссальный багаж содеянного, а впереди – новые научные планы, экспедиции, ученики... Однако судьба распорядилась иначе. Постигшие планету и Россию эпидемии привели к безвременному уходу в мир иной многих, способствуя обострению болезней. Беда коснулась сначала жены Юлия – Ольги, а затем и самого Худякова... Потеря Юлия была огромной утратой для российской и мировой науки и, конечно же, нашего института, в котором он успешно трудился в отделе палеометалла, для его родного Новосибирского государственного университета, который он закончил и в котором преподавал до самого ухода. Осиротела его семья, осиротели его многочисленные ученики, у которых он всегда пользовался неизменным уважением и любовью. Разумеется, это огромная утрата и для его дочери – Алисы Юльевны Борисенко, которая достойно идет по пути отца, защитив в 2023 году докторскую диссертацию по специальности «археология» [Борисенко, 2023].

Многие годы, работая вместе с Юлием Сергеевичем, неоднократно обращение к его научному творчеству, постоянное общение с Алисой – моей аспиранткой и докторанткой – позволяет мне откликнуться на приглашение написать этот очерк, тем более что по-

Рис. 1. Ю. С. Худяков. В музее г. Бишкек (Фото предоставлено А. Ю. Борисенко)
Fig. 1. Yu. S. Khudyakov. In the Bishkek Museum (Photo provided by A. Y. Borisenko)

добный опыт у меня уже был, когда мы вместе с С.Г. Скобелевым, давним коллегой и другом Худякова, написали своего рода предисловие к его шестидесятилетию [Молодин, Скобелев, 2000. С. 5–14].

Вряд ли я ошибусь, если скажу, что определяющей в жизни нашего героя была семья, в которой отец работал в геологических партиях, а мама была художницей. Отсюда, несомненно, сформировавшаяся у юноши любовь к полю и талант художника, который очень пригодился ему в профессии археолога. Воспитание, полученное в семье, с самого раннего детства сформировало у Юлия любовь к истории, чтение книг по археологии и истории было системным и продуманным. Благо научно-популярная литература выходила в стране большими тиражами и была вполне доступна любому, интересующемуся

далеким прошлым. По-видимому, уже в детстве у Юлия возник интерес именно к военной истории и археологии и к истории Сибири. По-видимому, нельзя назвать случайным выбор университета, в котором молодой человек решил получить высшее образование. Это был Новосибирский государственный университет в молодом Академгородке, где преподавали выдающиеся ученые-гуманитарии, такие как академик Алексей Павлович Окладников и будущие академики Анатолий Пантелеевич Деревянко, Николай Николаевич Покровский. Важным фактом биографии Юлия являлись те обстоятельства, что на студенческую скамью наш герой пришел после работы в геологической экспедиции и службы в советской армии. Выбор профессии был, несомненно, осознанным. Учась в НГУ (на отлично), Юлий отличался еще одним, я бы сказал, уникальным качеством – он стремился побывать и поработать в самых разных археологических экспедициях на территории советского Горного Алтая в отряде, которым руководила блестящий археолог Елизавета Михайловна Берс (кстати, по ходатайству Берс Юлия взяли на временную работу в институт, руководимый А.П. Окладниковым!). Затем, уже на старших курсах, Юлий поработал в Амурской области, в Туве, Таджикистане и на Памире. Поработал он и в Новгородской экспедиции. Эти поездки и пребывание в отрядах маститых ученых формировали будущую неординарную личность, которая впитывала все самое лучшее и передовое и в методике раскопок, и в интерпретации сложнейших проблем археологии и истории.

И еще одна отличительная черта выделяла Юлию среди коллег-студентов. Уже в самом начале творческого пути он выбирает для себя научную тему, связанную с военной историей кочевых народов степного пояса Евразии. И в студенчестве, и уже став молодым специалистом, он стремится работать прежде всего в русле данной проблематики, выбирая соответствующие экспедиции в Туве и Хакасии. В это время Юлий очень быстро приобщился к работе в музейных фондах, в результате многие, порой «бесхозные» археологические коллекции были атрибутированы и увидели свет в многочисленных публикациях, статьях и книгах молодого ученого.

Надо сказать, что на протяжении своей последующей творческой жизни ученый не изменял избранной стратегии: он по-прежнему предпочитал участие в многочисленных экспедициях, в том числе зарубежных, и хотя широта его научного поиска ежегодно расширялась, главным для него всегда оставалось оружиеведение, проблемы военного искусства южной Сибири и прежде всего периода средневековья.

После блестящей защиты дипломной работы Юлий талантливый молодой ученый возглавил Хакасский археологический отряд ИИФиФ СО АН СССР, а также студенческую археологическую практику у историков и востоковедов НГУ. Практикой он руководил почти до самого ухода от нас... Скольким молодым людям это открыло путь в науку!

Следующей важнейшей вехой в становлении нашего героя стала защита Худяковым кандидатской диссертации, написанной им под руководством академика А. П. Окладникова и посвященной анализу вооружения енисейских кыргызов. На основе этой работы Юлием была опубликована его первая монография «Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв.» [Худяков, 1980]. Книга вызвала особый интерес у специалистов, в том числе в Кыргызстане, с которыми впоследствии Юлия Сергеевича связали крепкие узы творческой дружбы и сотрудничества. Научные интересы Худякова в значительной степени переключились на позднесредневековую археологию Кыргызстана, где он с 1980 по 1990 годы регулярно принимал участие в составе экспедиций и Академии наук, и Кыргызского национального университета. Эти работы были озаглавлены серией многочисленных статей и монографий, назову лишь некоторые, с моей точки зрения, наиболее значимые [Худяков, 1982; 1986]. В принципе то же можно сказать и о Казахстане. В результате проблемы этногенеза и культурогенеза тюркоязычного населения Центральной Азии становятся одним из важнейших направлений в научном творчестве Худякова.

Но, конечно же, главной магистралью исследовательской деятельности ученого явилось изучение военного искусства и вооружения населения Южной Сибири и Центральной Азии. Так что в поле внимания Юлия попала и Монголия. С монгольскими коллегами у него всегда были теплые и дружеские отношения, включая ученых самой высшей квалификации.

Стоит отметить еще одну важную веху в творческой жизни ученого. В 1990–1991 годах он участвовал в экспедиции ЮНЕСКО в Китае и Средней Азии, где познакомился с многочисленными коллекциями в центральной части Китая, а также Синьцзяна, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана.

Существенным итогом научного творчества Ю. С. Худякова явилась подготовка и защита им докторской диссертации на тему «Военное дело кочевников Южной Сибири и Центральной Азии (II до н.э. – X в.н.э.). Успешная защита диссертации состоялась в 1988 году, а затем основные идеи работы помимо многочисленных статей были опубликованы в серии специальных монографий в девяностые годы [Худяков, 1991, 1993; 1995а, 1995б; 1997].

Творчество Юлия Сергеевича отличалось выраженным мультидисциплинарным подходом, касающимся, прежде всего, вопросов военного дела. Приведу лишь один, но наиболее яркий пример. Так, совместно с Ю. А. Ведерниковым и А. И. Омелаевым были проанализированы аэродинамические и проникающие свойства различных типов наконечников стрел, а затем опубликованы в совместной монографии [Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995]. Еще одним примером такого сотрудничества явилось изучение функциональных свойств защитного вооружения номадов Центральной Азии [Коробейников, Худяков, 2001]. Более того, мультидисциплинарные исследования при участии Ю. С. Худякова использовались для повышения качественных свойств металлических пластин современных бронежилетов [Гизатуллин, Ведерников, Сильников, Худяков, 2001].

Еще одним направлением деятельности ученого стал эксперимент по испытанию натуральных моделей защитного доспеха [Худяков, Бобров, Филиппович, 2004]. Можно отметить, что данное направление широко привлекло особенно студенческую молодежь. Вообще, думаю, уместно добавить, что Юлий Сергеевич при своем, казалось бы, сдержанном характере пользовался неизменным уважением (если не сказать любовью) студентов, специализирующихся в университете по археологии. По-особенному это звучит сегодня, после ухода Юлия от нас.

При всех своих несомненных способностях и таланте Худяков никогда не замыкался в себе, он всячески способствовал развитию оружейведческого направления в стране и в Сибири в частности. Он инициировал серию выпусков оружейведческих сборников научных трудов, которых в Институте археологии и этнографии СО РАН и в НГУ было выпущено более десятка. Занимаясь активно подготовкой научных кадров, Худяков вырастил десятки высококлассных специалистов – кандидатов и докторов наук по оружейведческой тематике. В связи с этим я бы особо отметил одного из его учеников, ставшего доктором исторических наук, – Леонида Боброва, талантливого продолжателя дела своего учителя. Одна из их совместных монографий [Бобров, Худяков, 2008] является образцовым исследованием, посвященным оружейведческой тематике.

И еще об одном ученике мне особенно хотелось сказать в настоящей работе. Ученик, точнее сказать, ученица эта – явление уникальное. Читатель, думаю, уже догадался, что речь идет о дочери Юлия Сергеевича – Алисе Юльевне Худяковой (Борисенко), выросшей в прекрасного, во многом уникального специалиста по археологии. В 2023 году она блестяще защитила докторскую диссертацию [Борисенко, 2023], я уже не говорю о том, что Ю. С. Худяковым и А. Ю. Бо-

рисенко написаны десятки интереснейших совместных работ, активно востребованных научным сообществом [см., например: Юлий..., 2008].

Юлий Сергеевич на протяжении всего творческого пути отличался удивительной трудоспособностью. Наука археология всегда была главным делом его жизни. Достаточно сказать, что он является автором и соавтором более тысячи (!) научных и научно-популярных произведений самого различного жанра, а также более тридцати монографий. Могу с полным знанием дела сказать, что его лебединой песней явился второй том четырехтомной «Истории Сибири», над новой версией которой сегодня работает наш институт [История..., 2019]. Юлий Сергеевич написал во втором томе серию глав и разделов, где на самом современном уровне в научный оборот введен материал по периоду раннего и позднего средневековья народов Сибири.

Один из блестящих ученых нашего института, преподаватель Новосибирского государственного университета, давший путевку в жизнь плеяде сибирских, киргизских и монгольских археологов, замечательный, добрый и отзывчивый человек, прошедший нелегкими экспедиционными тропами по дорогам Северной и Центральной Азии – Юлий навсегда останется в наших сердцах, в нашей памяти.

Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006)

Список литературы

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2008. 776 с.

Борисенко А. Ю. Изучение древних и традиционных культур народов Сибири и прилегающих к ней районов Центральной Азии европейскими учеными в конце XVII – начале XX века: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. 42 с.

Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И. Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск: Изд-во ИТПМ СО РАН, 1995. С. 235.

Гизатуллин Б. С., Ведерников Ю. А., Сильников М. В., Худяков Ю. С. Исторический опыт и перспективы применения микроплазмодного метода упрочения металлических пластин для бронезилов // Актуальные проблемы защиты и безопасности: Тр. 4-й Всеросс. на-

уч.-практ. конф. СПб.: Изд-во НПО «Специальных материалов», 2001. С. 223–230.

История Сибири / Под ред. В. И. Молодина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 2. С. 648.

Коробейников С. Н., Худяков Ю. С. Анализ функциональных свойств защитного вооружения кочевников Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С. 108–115.

Молодин В. И., Скобелев С. Г. Научная и преподавательская деятельность Ю. С. Худякова. Краткий очерк // Юлий Сергеевич Худяков: Библиография. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 5–14.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 175 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Тибете. Новосибирск: Наука, 1982. С. 238.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 286.

Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 189 с.

Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: НГУ, 1993. С. 88.

Худяков Ю. С. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1995а. 88 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек: Фонд Сороса – Кыргызстан, 1995б. 187 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 159.

Худяков Ю. С., Бобров Л. А., Филиппович Ю. А. Перспективы применения методики реконструкции доспехов для анализа функциональных свойств защитного вооружения кочевников Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. II. Материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 246–250.

Юлий Сергеевич Худяков: Библиография / Под ред. В.И. Молодина, С.Г. Скобелева. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 162 с.

References

Bobrov L. A., Khudjakov Yu. S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya I

Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). SPb.: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 2008. 776 p

Borisenko A. Yu. Izuchenie drevnikh i traditsionnykh kul'tur narodov Sibiri i privileyushchikh k nei raionov Tsentral'noi Azii evropeiskimi uchenymi v kontse XVII – nachale XX veka. Avtoreferat doktorskoj dissertatsii. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2023. 42 s.

Vedernikov Yu. A., Khudyakov Yu. S., Omelaev A. I. Ballistika ot strel do raket. Novosibirsk: ITPM SO RAN, 1995. S. 235.

Gizatullin B. S., Vedernikov Yu. A., Sil'nikov M. V., Khudjakov Yu. S. Istoricheskii opyt i perspektivy primeneniya mikroplazmoidnogo metoda uprocheniya metallicheskih plastin bronezhiletov // Aktual'nye problemy zashchity i bezopasnosti // Trudy Chetvertoi Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb.: NPO «Spetsial'nykh materialov», 2001. S. 223–230.

Istoria Sibiri / Pod red. Molodina V.I. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2019. Tom 2. S. 648.

Korobeynikov S. N., Khudjakov Yu. S. Analiz funktsional'nykh svoystv zashchitnogo vooruzheniya nomadov Tsentral'noy Azii // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2010. № 4. S. 108–115.

Molodin V. I., Skobelev S. G. Nauchnaya i prepodavatel'skaya deyatelnost' Yu.S. Khudjakova. Kratkiy ocherk // Yuliy Sergeevich Khudjakov: bibliografiya. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2008. S. 5–14.

Hudyakov Yu. S. Vooruzhenie eniseyskikh kyrgyzov VI–XII vv. Novosibirsk: Nauka, 1980. 176 p.

Hudyakov Yu. S. Kyrgyzy na Enisee. Novosibirsk: NGU, 1986. 80 s.

Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii. Novosibirsk: Nauka, 1986. 268 p.

Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo Srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1991. 189 s.

Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvitogo Srednevekov'ya. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1997. 159 p.

Hudyakov Yu. S. Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri II v. do n.e. – V v. n.e. Novosibirsk: NGU, 1993. 88 s.

Hudyakov Yu. S. Voennoe delo drevnikh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii. Novosibirsk: NGU, 1995a. 88 s.

Hudyakov Yu. S. Kyrgyzy na prostorakh Azii. Bishkek: fond Sorosa – Kyrgyzstan, 1995b. 187 s.

Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvitogo Srednevekov'ya. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1997. 159 p

Khudyakov Yu. S., Bobrov L. A., Filippovich Yu. A. Perspektivy primeneniya metodiki rekonstruktsii dospekhov dlya analiza funktsional'nykh svoystv zashchitnogo vooruzheniya kochevnikov Tsentral'noy Azii // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. T. X, Ch. II. Materialy godovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2004. S. 246–250.

Yuliy Sergeevich Khudjakov: bibliografiya / Pod red. V.I. Molodina, S.G. Skobeleva. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2008. 162 s.

*Материал поступил в редакцию
Received
13.07.2023*

Сведения об авторе / Information about of the Author

Молодин Вячеслав Иванович, Советник директора ИАЭТ СО РАН, заведующий отделом археологии палеометалла, главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (пр. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия); molodin@archaeology.nsc.ru

ORCID 0000-0002-3151-8457

ResearcherID I-3190-2015

Scopus AuthorID 6506558021

Molodin Vyacheslav Ivanovich, Advisor to the Director of IAET SB RAS, Head of the Paleometallic Archaeology Department, Chief Researcher, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Lavrenteva avn., 17, Novosibirsk, 630090, Russia); molodin@archaeology.nsc.ru

ORCID 0000-0002-3151-8457

ResearcherID I-3190-2015

Scopus AuthorID 6506558021

**Наш агай (учитель) –
Юлий Сергеевич Худяков**

Ж. Орозбекова

Институт археологии и этнографии СО РАН

**Our agai (teacher) –
Yuli Sergeevich Khudyakov**

Zh. Orozbekova

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS

Археология – это многогранный, увлекательный и волнующий мир. В него меня привел ученик Юлия Сергеевича Худякова, мой первый научный руководитель Кубат Шакиевич Табалдыев. В студенческие годы он нам читал лекции по археологии и подкреплял их интересной практикой. Его ученики каждый год принимали участие в археологических экспедициях, в которых заряжались его энергией и вдохновением.

От факультета истории и регионоведения Кыргызского государственного национального университета по инициативе Кубата Шакиевича мою кандидатуру выдвинули для поступления в аспирантуру ИАЭТ СО РАН. Таким образом, наша дорога с Юлием Сергеевичем начинается со знакомства в Академии наук Кыргызской Республики, во время сдачи вступительного экзамена по археологии на аспирантуру ИАЭТ СО РАН. В 2001 г. для приема вступительных экзаменов по разным научным направлениям в Кыргызстан из Новосибирска прилетели около десяти ученых из разных институтов СО РАН. Среди них был и Юлий Сергеевич Худяков. После успешной сдачи вступительных экзаменов (иностранный язык, философия, специальный предмет) мы с Юлием Сергеевичем обсуждали вопросы по моему научному направлению.

Об огромных достижениях Юлия Сергеевича Худякова в научной сфере, а также о его бесценных научных трудах и высоких регалиях в научном сообществе писали неоднократно [Молодин, Скобелев, 2008; Бобров, Борисенко, 2022; Табалдиев, 2022]. В этой статье я хотела бы рассказать о наших совместно проведенных годах научно-исследовательской и экспедиционной работе.

Наш приезд в Академгородок выпал на воскресенье 17 февраля 2002 года. Нас было десять аспирантов по разным специальностям. Когда мы вышли из поезда рано утром на станции «Сеятель», высокие зеленые ели и сосны смотрелись очень красиво на фоне белого снега. Двое из нас остановили местного жителя, чтобы спросить дорогу до управления делами СО РАН. Им оказался Сергей Федорович Меньшов, житель Академгородка. Он пригласил всех нас к себе домой, сообщив, что сегодня воскресенье и все институты не работают. Он оказался очень хорошим и добрым человеком. Показав нам, что и где находится, он поспешил на свою работу, оставив дом полностью в наше распоряжение. Мы все удивились такому отношению и доверию к нам. У всех был огромный багаж, так как мы запаслись необходимыми вещами. Эта дорога была для всех нас первой далекой поездкой. Мы переночевали у Сергея Федоровича. На следующий день я утром связалась по телефону с Юлием Сергеевичем. Он сразу же отправил ко мне машину. Меня встретил Олег Андреевич Митько, кандидат исторических наук, заместитель директора Студенческого городка, а также заведующий сектором археологии и лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. После знакомства он показал мне временную комнату и доставил туда весь мой багаж, обеспечил меня самыми необходимыми вещами, за что я очень благодарна ему.

С этого дня и начался мой научный путь в Академгородке и в Институте истории, филологии и философии СО РАН. Юлий Сергеевич Худяков стал моим научным руководителем (рис. 1). На следующий день он лично отредактировал мою статью, подготовленную заранее в Кыргызстане. Мы отправили её в виде тезисов в Омск на XLII РАЭСК («Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока»). По итогам выступления мой доклад «Надмогильные сооружения кыргызов Алайской долины» был удостоен диплома первой степени [Орозбек кызы, 2002]. Материалы данной работы были собраны в Алайской долине Кыргызстана во время научно-исследовательской этноархеологической экспедиции, начальником которой являлся К.Ш. Табалдиев. Во время учебы мне удалось

присутствовать на многих семинарах Юлия Сергеевича Худякова, выступая с научными докладами.

Так как моя тема была связана с погребальными памятниками и обрядами кыргызов, Юлий Сергеевич разрешил мне участвовать в археологических экспедициях, которые проводились в Кыргызстане. Таким образом, в 2002 г. мой летний полевой археологический сезон прошел в составе Кыргызско-турецкой этноархеологической экспедиции в Алайской долине Ошской области Кыргызстана под руководством К.Ш. Табалдиева. В этой экспедиции, кроме археологических раскопок, были проведены опросы местных жителей о погребальных обрядах кыргызов. В этом же сезоне опросы информаторов были предприняты во время работы в составе палеолитической экспедиции в местности Капчыгай Баткенской области Кыргызстана под руководством А.Н. Зенина, где располагались летние пастбища местных жителей, а также в Ак-Талинском районе Нарынской области и Таласском районе Таласской области Кыргызстана.

В первый раз в археологическую экспедицию с Юлием Сергеевичем я выехала в 2003 г. Тогда мы работали в Чемальском районе Алтайской Республики. В этом сезоне археологические раскопки были проведены с участием студентов гуманитарного факультета НГУ на могильнике Улуг-Чолтух. Наш археологический лагерь располагался недалеко от с. Эдиган. Нас окружала красивая природа: горы, по-

крытые лесом, горная и чистая река Эдиган (правый приток Катунь). В этой экспедиции я впервые познакомилась с археологической работой Южно-сибирского отряда. Новые раскопки, организация труда и быта в лагере – все было для меня в новинку. Когда Юлий Сергеевич работал на раскопках, невозможно было не заметить его полную самоотдачу в работе над исследуемым памятником. Его невозмутимый вид и полная концентрация во время зарисовок археологических артефактов запомнились мне навсегда. По возвращению в лагерь после раскопок порой у нас возникали интересные беседы с Юлием Сергеевичем. Иногда он рассказывал, как выбирал тему для своего научного исследования. Во время археологических раскопок памятников енисейских кыргызов Юлий Сергеевич, увидев хорошо сохранившиеся предметы вооружения вместе с другими находками, он сразу же обратил внимание на отличную сохранность наконечников стрел, ножей, мечей и т. д. С тех пор он не терял интерес к истории и археологическим памятникам этого народа.

В ходе полевого сезона 2003 г. на Алтае при поддержке Юлия Сергеевича был собран и расспросный материал среди старожилов с. Эдиган. В ходе опросов выяснилось, что между алтайцами и кыргызами есть много общего в хозяйственно-культурном отношении (в быту и в языке). Тогда я впервые увидела деревянные юрты алтайцев, которые были установлены во дворе своих домов. В отличие от кыргызских юрт этот алтайский тип был сооружен из больших деревянных брусьев, которые стояли постоянно зимой и летом на одном месте. В том же полевом сезоне мне удалось также поработать в Кыргызстане в Тюпском районе Иссык-Кульской области.

Во время моей учебы в аспирантуре ИАЭТ СО РАН Юлий Сергеевич помогал подготавливать научные статьи для публикаций и тезисы докладов, которые были прочитаны и представлены на международных научных студенческих конференциях в Омске, Кемерове, Барнауле, Новосибирске.

Следующая археологическая поездка на Алтай состоялась в 2008 г. в составе Южно-сибирского археологического отряда Северо-азиатской экспедиции под руководством Ю.С. Худякова. Раскопки велись на могильнике Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган в Горном Алтае, где были исследованы памятники хунно-сяньбийской эпохи. Когда на раскопках долго не удавалось ничего обнаружить, Юлий агай всегда терпеливо говорил: «Кто ищет, тот найдет». И действительно, это было правдой. Так проявлялся его упорный характер.

В том сезоне под руководством Юлия Сергеевича навыки, полученные мною ранее на Тянь-Шане и Алае в Кыргызстане, были допол-

нены новым опытом проведения археологических работ и разведок. Также он вел экскурсионные походы на ранее раскопанные курганы разных культур, палеолитические стоянки и петроглифические памятники. Ольга Владимировна Худякова (Коршунова), супруга Юлия Сергеевича, тоже непременно была в составе отряда. Она поддерживала наш быт и вдохновляла нас. Мы с ней не раз беседовали. Когда она познакомилась с Юлием Сергеевичем, ее заинтересовало то, что наш агай занимается именно археологическими памятниками, связанными с кыргызами, так как она очень уважительно относилась к культуре кыргызов, одним из ее любимых писателей был Чингиз Айтматов.

В 2011 г. я работала с Юлием Сергеевичем в составе первого Южно-сибирского отряда Саянской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН, начальником которого он являлся. Археологические раскопки проводились в зоне проектируемого строительства железной дороги Курагино-Кызыл на территории Республики Тыва. Кроме нашего отряда работали еще три археологических отряда (Красноярский, Тувинский, ИИМК РАН), а также географический отряд, который был создан ИАЭТ СО РАН совместно с географическим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета. Полевые исследования проводились в долине реки Ээрбек в Кызылском кожууне, на памятниках Бай-Даг I и Бай-Даг VI, Хендей-Аксы (рис. 2).

В ходе данной экспедиции были обнаружены курганы скифского, хунно-сарматского времени. В этом полевом сезоне мы с Юлием Сергеевичем Худяковым работали очень плодотворно, совместно с прекрасными археологами О. А. Митько, С. Г. Скобелевым, Ю. В. Тетериным и др. [Худяков и др., 2012; Худяков и др, 2013].

Со временем у нас с Юлием Сергеевичем появились совместные доклады на представительных международных мероприятиях. Одно из таких сообщений было представлено в ноябре 2012 г. в рамках международной научной конференции «Кыргызский каганат в контексте тюркской цивилизации: проблемы кыргызоведения», посвященной 1170-летию образования Великого Кыргызского каганата (рис. 3) [Худяков, 2013; Худяков, Орозбекова, 2013].

В 2013 г. и 2014 г. мы с Юлием Сергеевичем работали совместно с коллегой из Омска – Б. А. Кониковым. Были предприняты исследовательские поездки по Таласской долине Кыргызской Республики (Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко, Ж. Орозбекова). В ходе работы

были проведены встречи с представителями местной Бакай-Ташской средней школы (с. Талды-Булак). Участники отряда посетили национальный историко-культурный комплекс «Манас Ордо» в Таласском районе, где изучили оружейные коллекции, относящиеся к культуре средневекового населения, в том числе кыргызов Тянь-Шаня эпохи позднего Средневековья и Нового времени [Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2014б]. Был осмотрен гюмбёз Эгемберди датка [Худяков, Орозбекова, 2013], значительная коллекция предметов вооружения из памятников древних и средневековых культур в музее школы им. М. Орозбекова с. Кызыл-Адыр Кара-Бурунского района Таласской области (рис. 5). В результате материалы были изучены и введены в научный оборот [Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2013; Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2018а]. Участники экспедиции приняли участие в создании фильма об истории и культуре кыргызов.

В 2013–2014 гг. по рекомендации Юлия Сергеевича я принимала участие в работе археологической экспедиции при Кыргызско-Турецком университете «Манас» в Кыргызстане, начальником которого являлся К.Ш. Табалдыев. Археологические исследования проходи-

ли в Иссык-Кульской области в Тонском районе, недалеко от с. Туура-Суу в местности Боз-Адыр. В этих полевых сезонах работа была очень плодотворной, были обнаружены и раскопаны памятники древнетюркского и монгольского времени. В числе других археологических находок в монгольских курганах были обнаружены женские головные уборы «бокка» [Табалдиев, Акматов, Орозбекова, 2014; Орозбекова, Акматов, 2016].

В 2014 г. мы вместе с Юлием Сергеевичем приняли участие в археологических исследованиях в составе совместной экспедиции Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына, Кыргызско-Турецкого университета «Манас» и Нарынского государственного университета, проводившей археологические исследования под руководством К.Ш. Табалдыева на территории Нарынской и Иссык-Кульской областей. В Нарыне археологические исследования были сосредоточены в основном на памятниках Айгырджал-II и Ак-Кыя. Мы принимали участие в изучении отдельных археологических объектов, которые были отнесены к VII–VIII вв. (рис. 6) [Худяков, Табалдиев, Борисенко и др., 2017]. В Нарынской области мы посети-

ли местные музеи, могильник Ала-Мышык, крепость Кошой-Коргон и исторический музей при ней. Кроме того, мы провели разведочные маршруты, также был осмотрен могильник Калмак-Тобе на окраине пос. Ат-Башы, относящийся к кенкольской культуре хунно-сяньбийского времени.

В научно-исследовательской поездке по Иссык-Кульской области мы посетили и краеведческие, и местные музеи, и частные собрания. Были описаны и изучены древние и средневековые предметы вооружения, каменные изваяния [Худяков, Табалдиев, Борисенко, Орозбекова, 2015б], в местности Боз-Адыр Тонского района Иссык-Кульской области были проведены раскопочные работы, разведывательные маршруты, зафиксированы наскальные изображения [Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2015в], а также зарисованы каменные изваяния в черте с. Туура-Суу, которые были раскопаны К.Ш. Табалдиевым и местными учителями школы (рис. 7) [Худяков, Табалдиев, Борисенко, Орозбекова, 2015а]. Был зафиксирован современный вариант вторичного использования средневековых статуй в погребальном обряде у кыргызов [Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2018б].

В том полевом сезоне нами был пройден маршрут: Оргочор – Каракол – Аксу – Тюп – Талды-Суу – Кен-Суу – Санташ – Чолпон-Ата –

Балыкчи – Бишкек. В данной поездке были зафиксированы в музеях и частных собраниях древнетюркские каменные изваяния, предметы вооружения [Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2017]. Были зарисованы отдельные наскальные изображения в с. Кен-Суу, в котором мы остановились на несколько дней. Кроме того, мы прошли разведочные маршруты от верха этого села до знаменитого джайлоо (летнее пастбище) Каркыра. При этом были осмотрены две каменные насыпи Санташ, сложенные из массивных скальных обломков. Крупная насыпь имела в центре глубокую воронку. По имеющимся сведениям, раньше в центре воронки было возвышение, которое со временем просело вглубь. Вторая каменная насыпь, расположенная южнее от первой, значительно меньшего размера. Согласно бытующей легенде, распространенной среди местных жителей, эти насыпи были сооружены воинами Тимура (Тамерлана), которые направлялись в поход. Каждый воин должен был бросить в насыпь один камень. Таким образом, крупная насыпь была насыпана в начале похода, а малая насыпь сооружена после возвращения. Разница в размерах насыпей должна была определять масштаб воинских потерь во время этого похода (рис. 8).

Во время пешеходного разведочного маршрута на Каркыре Юлий Сергеевич говорил, что его мечта – обнаружить здесь следы енисей-

ских кыргызов. Он считал, что природа (горы, леса и летние пастбища) здесь очень похожа на Минусинскую котловину, их прежние места обитания, и возможно, что во время своих передвижений енисейские кыргызы могли бы здесь останавливаться (рис. 9).

Когда мы приехали в с. Кен-Суу (Тюпский район), где должны были остановиться на несколько дней, хозяева очень гостеприимно встретили нас. Тогда наш агай упомянул, что он второй раз встречает такую хозяйку (Майрам Сарткалмакова), которая очень радуется гостям, и рассказал нам, как он первый раз встречал подобное гостеприимство у памирских кыргызов.

В с. Кен-Суу Юлий Сергеевич 19 августа 2014 г. посещал местную школу имени Туголбая Сыдыкбекова, знаменитого кыргызского писателя. В музее, посвященном писателю, наш агай оставил свое воспоминание и пожелание в специальном журнале посетителей. Он написал, что был знаком с писателем и неоднократно встречался с ним во время своих поездок в Бишкек. Кроме того, Юлий Сергеевич Худяков писал: «Я бывал с ним на встречах, посвященных обсуждению проблем истории енисейских кыргызов и их связей с историей кыргызского народа. Бывал у него в гостях» (рис. 10).

Юлия Сергеевича приглашали читать лекции студентам. Наш агай любил Кыргызстан, кыргызский народ, своих коллег и учеников. Это было взаимно, его очень любили и ждали. Он всегда с большим удовольствием посещал нашу страну и всегда возвращался вдохновленным, энергичным и с новыми научными идеями, а глаза его просто сияли. Первым человеком, с которым он связывался перед поездкой в Кыргызстан, был Кубат Шакиевич Табалдыев, его ученик, коллега и мой первый научный руководитель. Но также во время наших командировок с Юлием Сергеевичем Худяковым неоднократно происходили интересные научные беседы с Асаном Кемеловичем Абетековым, Тынчтыкбеком Чоротегиним, Орозом Солтобаевым и другими учеными Кыргызстана. Он был всегда занятым человеком. На археологических раскопках работал наравне со всеми.

В Кыргызстане местные аксакалы называли его «кыргыз». Во время поездок и командировок в разные районы Юлий Сергеевич Худяков соблюдал кыргызские обычаи, после угощения делал со всеми бата (благословение после угощения). Иногда он носил кыргызский калпак – национальный головной убор, который ему очень хорошо подходил.

Я работала с Юлием Сергеевичем Худяковым вместе много лет бок о бок, в одном кабинете Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Мне очень трудно признать, что с нами больше нет Юлия Сергеевича Худякова, моего научного руководителя, великого и выдающегося ученого, археолога, оружиеведа и энтузиаста своего дела, имя которого вписано золотыми буквами в историю кыргызского народа (рис. 11). Он ушел неожиданно рано, когда у него было еще много творческих замыслов. Он через науку соединял многие страны, проложив между ними вечную дорогу. После него остались ученики из разных стран, в сердцах которых он будет жить всегда, которые будут продолжать его научно-исследовательскую работу. Мы, его ученики, отдаем дань уважения памяти нашего уважаемого агая Юлия Сергеевича Худякова.

Список литературы

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю. Творческий путь в науке (Памяти Юлия Сергеевича Худякова). *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 8–24.

Молодин В.И., Скобелев С.Г. Научная и преподавательская деятельность Ю.С. Худякова. Краткий очерк // Юлий Сергеевич Худяков: Библиография. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С.5–14.

Орозбек кызы Ж. Надмогильные сооружения кыргызов Алайской долины // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XLII Регион. археол.-этногр. студ. конф. / под ред. Е.Ю. Смирновой, С.С. Тихонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 515–516.

Орозбек кызы Ж., Худяков Ю. С. Опыт классификации погребальных сооружений кыргызов Тянь-Шаня эпохи позднего средневековья и нового времени // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 224–226.

Орозбекова Ж., Акматов К. Т. Женские головные уборы у населения Тянь-Шаня в монгольскую эпоху // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2016. Т. 15, вып. 5: Археология и этнография. С. 174–186.

Табалдиев К. Ш., Акматов К. Т., Орозбекова Ж. Деревянные остовы седла из могильника Боз-Адыр на Тянь-Шане // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 186–196.

Табалдыев К.Ш. Мой учитель. *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 25–41.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж., Скобелев С. Г. Бронзовые зеркала из могильника Бай-Даг-1 в долине реки Ээрбек в Туве // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2012. Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. С. 120–126.

Худяков Ю. С. Развитие военного дела кыргызов в IX – X вв. в Кыргызском каганате // Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз Улуттук университетинин Жарчысы. Вестн. Кыргыз. нац. ун-та им. Ж. Баласагына: Материалы Междунар. науч. конф. «Кыргызский каганат в контексте тюркской цивилизации: Проблемы кыргызоведения», посв. 1170-летию образования Великого Кыргызского каганата (15–16 ноября 2012 г.). Бишкек, 2013. Ч. 2. С. 8–14.

Худяков Ю. С., Орозбекова Ж. Түрк жана моңгол эдеринин сөөктү көмүү салтындагы курал-жарактардын колдонулушу // Вестн. КНУ им. Жусупа Баласагына: Материалы Междунар. науч. конф. «Кыргызский каганат в контексте тюркской цивилизации: проблемы кыргызоведения», посв. 1170-летию образования Великого Кыргызского каганата (15–16 ноября 2012 г.). Бишкек: Кыргыз. нац. ун-т им. Ж. Баласагына, 2013. С. 58–61 (на кыргыз. яз.)

Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Митько О. А., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Особенности погребальной обрядности номадов раннего скифского времени в долине р. Ээрбек в Туве (по материалам раскопок могильника Бай-Даг I) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. № 1(53). С. 104–113.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Наконечники копий кыргызов Тянь-Шаня из музейных собраний «Манас Ордо» и «Раритет» в Кыргызстане // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 164–170.

Худяков Ю. С., Орозбекова Ж. Тенир-Тоолук (Тянь-Шандык) кыргыздардын маркум эстеликтеринде жоокерлердин жана мергенчилердин суротторунун чагылдырылышы // Кыргыз Каганаты турк элдеринин орто кылымдардагы мамлекеттуулугунун жана маданиятынын алкагында: Барбордук Азиядагы Улуу Кыргыз каганатынын тузулгондугунун 1170 жылдыгына арналган II эл аралык илимий жыйындагы баяндамалардын тезистери 2013-жылдын 15–16-ноябры, Бишкек ш. Бишкек, 2013. 85–86 б.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Изучение оружейных коллекций в музеях Таласской долины Кыргызстана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013 год. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 354–357.

Худяков Ю. С., Орозбекова Ж. Изображение воинов на памятнике Эгемберди датка в Таласской долине Кыргызстана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013 год. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 358–361.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Изучение символического использования древкового колющего оружия кыргызов Тянь-Шаня // Кыргыз жана Карахандар каганаттары: Көөнөрбөс издер: III эл аралык илимий-тажрыйбалык жыйындагы баяндамалардын жыйнагы: 2014-жылдын 18-21 сентябры, Ысык-Көл / Редколлегия: Т.К. Чоротегин (төрөга), А. Эркебаев, ж.б. Бишкек: «Махprint» басмаканасы, 2014 а. С. 170–172. «Мурас» коомдук фонду. [«Тарых жана мурас» түрмөгү].

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Коллекция средневекового оружия из музея «Манас Ордо» в Таласской долине

Кыргызстана // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2014б. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 197–208.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Средневековое оружие из южной части Иссык-Кульской котловины (из музейных коллекций и частного собрания // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. Т. XX. С. 308–310.

Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Древнетюркские каменные изваяния из с. Туура-Суу в Кыргызстане // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015 а. № 2 (43). С. 109–115.

Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Изображение оружия на средневековых каменных изваяниях из юго-западной части Иссык-Кульской котловины // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015б. Т. XXI. С. 437–440.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Изображения всадников и пеших лучников на петроглифических памятниках в долине реки Тон в Иссык-Кульской области Кыргызстана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015 в. Т. XXI. С. 430–432.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Железные кинжалы и боевые ножи из Таласской и Чуйской долин в музейных собраниях Кыргызстана // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2016. Т. 15, вып. 5: Археология и этнография. С. 187–193.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Каменные изваяния древних тюрков из с. Талды-Суу в Иссык-Кульской котловине (Кыргызстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. № 3 (45). С. 90–95.

Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Борисенко А. Ю. Солтобаев О. А., Орозбекова Ж. Орнаментированные пластины от седла из памятника Ак-Кыя в Кыргызстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 440–443.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Находки предметов торевтики с городища Шельджи в Кыргызстане // Гуманит. науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018а. Т. 25. № 2. С. 38–42.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж. Каменные изваяния на кыргызском кладбище (современный вариант вторичного использования средневековых статуй) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2018б. Т. 17, вып. 3: Археология и этнография. С. 129–135.

References

Bobrov L.A., Borisenko A.Yu. Tvorcheskij put' v nauke (Pamyati Yuliya Sergeevicha Hudyakova). Universum Humanitarium. 2022. № 1. С. 8–24.

Khudyakov Yu. S. Razvitie voennogo dela kyrgyzov v IX – X vv. v Kyrgyzskom kaganate // Zhusup Balasagyn atyndagy Kyrgyz Uluttuk universitetinin Zharchysy. Vestn. Kyrgyz. nacz. un-ta im. Zh. Balasagyna: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Kyrgyzskij kaganat v kontekste tyurkskoj czivilizaczii: Problemy kyrgyzovedeniya», posv. 1170-letiyu obrazovaniya Velikogo Kyrgyzskogo kaganata (15–16 noyabrya 2012 g.). Bishkek, 2013. Ch. 2. Pp. 8–14.

Khudyakov Yu. S., Orozbekova Zh. Tyrk zhana mongol ederinin sookty komuu saltyndagy kural-zharaktardyn koldonulushu // Vestn. KNU im. Zhusupa Balasagyna: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Kyrgyzskij kaganat v kontekste tyurkskoj civilizaczii: problemy kyrgyzovedeniya», posv. 1170-letiyu obrazovaniya Velikogo Kyrgyzskogo kaganata (15–16 noyabrya 2012 g.). Bishkek: Kyrgyz. nacz. un-t im. ZH. Balasagyna, 2013. Pp. 58–61 (na kyrgyz. yaz.)

Khudyakov Yu. S., Orozbekova Zh. Tenir-Tooluk (Tyan'-Shandyk) kyrgyzdardyn markum estelikterinde zhokerlerdin zhana mergenchilerdin surottorunun chaglydyrylyshy // Kyrgyz Kaganaty turk elderinin orto kylymdardagy mamlekettuulugunun zhana madaniyatynyn alkagynda: Barborduk Aziyadagy Uluu Kyrgyz kaganatynyn tuzulgondugunun 1170 zhyldygyna arnalgan II el aralyk ilimij zhyjyndagy bayandamalaryn tezisteri 2013-zhyldyn 15–16-noyabry, Bishkek sh. Bishkek, 2013a. Pp. 85–86.

Khudyakov Yu. S., Orozbekova Zh. Izobrazhenie voinov na pamyatnike Egemberdi datka v Talasskoj doline Kyrgyzstana // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: Materialy itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. 2013 god. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2013b. T. XIX. Pp. 358–361.

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Nakonechniki kopij kyrgyzov Tyan'-Shanya iz muzejnyh sobranij «Manas Ordo» i «Raritet» v Kyrgyzstane // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. 2013a. T. 12, vyp. 7: Arheologiya i etnografiya. Pp. 164–170.

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Izuchenie oruzhejnyh kollekcij v muzeyah Talasskoj doliny Kyrgyzstana // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: Materialy itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. 2013 god. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2013b. T. XIX. Pp. 354–357.

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Izuchenie simbolicheskogo ispol'zovaniya drevkovogo kolyushchego oruzhiya kyrgyzov Tyan'-Shanya // Kyrgyz zhana Karahandar kaganattary: Koonorbos izder: III el aralyk ilimij-tazhryjbalyk zhyjyndagy bayandamalardyn zhyjnagy: 2014-zhyldyn 18-21 sentyabry, Ysyk-Kөл / Redkollegiya: T.K. Chorotegin (toroga), A. Erkebaev, zh.b. Bishkek: «Maxprint» basmakany, 2014a. Pp. 170–172. «Muras» koomduk fondu. [«Taryh zhana muras» turmogu].

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Kollekcija srednevekovogo oruzhiya iz muzeya «Manas Ordo» v Talasskoj doline Kyrgyzstana // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. Novosibirsk, 2014b. T. 13, vyp. 5: Arheologiya i etnografiya. Pp. 197–208.

Hudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Srednevekovoe oruzhie iz yuzhnoj chasti Issyk-Kul'skoj kotloviny (iz muzejnyh kollekcij i chastnogo sobraniya // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2014v. T. XX. Pp. 308–310.

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Izobrazheniya vsadnikov i peshih luchnikov na petroglificheskikh pamyatnikah v doline reki Ton v Issyk-Kul'skoj oblasti Kyrgyzstana // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2015. T. XXI. Pp. 430–432.

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Zheleznnye kinzhaly i boevye nozhi iz Talasskoj i Chujskoj dolin v muzejnyh sobraniyah Kyrgyzstana // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. Novosibirsk, 2016. T. 15, vyp. 5: Arheologiya i etnografiya. Pp. 187–193.

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Kamennye izvayaniya drevnih tyurok iz s. Taldy-Suu v Issyk-Kul'skoj kotlovine (Kyrgyzstan) // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. № 3 (45). Pp. 90–95.

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Nahodki predmetov torevtiki s gorodishcha SHel'dzhi v Kyrgyzstane // Gumanit. nauki v Sibiri. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2018a. T. 25. № 2. Pp. 38–42.

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Kamennye izvayaniya na kyrgyzskom kladbishche (sovremennyy variant vtorichnogo ispol'zovaniya srednevekovykh statuj) // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. Novosibirsk, 2018b. T. 17, vyp. 3: Arheologiya i etnografiya. Pp. 129–135.

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh., Skobelev S. G. Bronzovye zerkala iz mogil'nika Baj-Dag-1 v doline reki Eerbek v Tuve // Vestn. NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. Novosibirsk, 2012. T. 11, vy'p. 5: Arkheologiya i etnografiya. Pp. 120–126.

Khudyakov YU. S., Skobelev S. G., Mit'ko O. A., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Osobennosti pogrebal'noj obryadnosti nomadov rannego skifskogo vremeni v doline r. Eerbek v Tuve (po materialam raskopok mogil'nika Baj-Dag I) // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2013. № 1(53). Pp. 104–113.

Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Drevnetyurkskie kamennye izvayaniya iz s. Tuura-Suu v Kyrgyzstane // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2015a. № 2 (43). Pp. 109–115.

Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Izobrazhenie oruzhiya na srednevekovykh kamennykh izvayaniyakh iz yugo-zapadnoj chasti Issyk-Kul'skoj kotloviny // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2015b. T. XXI. Pp. 437–440.

Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh., Borisenko A. Yu., Soltobaev A. O., Orozbekova Zh. Ornamentirovannye plastiny ot sedla iz pamyatnika Ak-Kyya v Kyrgyzstane // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. T. XXIII. Pp. 440–443.

Molodin V.I., Skobelev S.G. Nauchnaya i prepodavatel'skaya deyatel'nost' Yu.S. Hudyakova. Kratkij ocherk // Yulij Sergeevich Hudyakov: Bibliografiya. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2008. S.5–14.

Orozbek kyzy Zh. Nadmogil'nye sooruzheniya kyrgyzov Alajskoj doliny // Kul'turologiya i istoriya drevnih i sovremennykh obshchestv Sibiri i Dal'nego Vostoka: Materialy XLII Region. arheol.-etnogr. stud. konf. / pod red. E.Yu. Smirnovoj, S.S. Tihonova. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2002. S. 515–516.

Orozbek kyzy Zh., Khudyakov Yu. S. Opyt klassifikacii pogrebal'nykh sooruzhenij kyrgyzov Tyan'-Shanya epohi pozdnego srednevekov'ya i novogo vremeni // Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij. Omsk, 2003. S. 224–226.

Orozbekova Zh., Akmatov K. T. Zhenskie glavnye ubory u naseleniya Tyan'-Shanya v mongol'skuyu epokhu // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. Novosibirsk, 2016. T. 15, vyp. 5: Arheologiya i etnografiya. Pp. 174–186.

Tabaldyev K. Sh. Moj uchitel'. Universum Humanitarium. 2022. № 1. С. 25–41.

Tabaldiev K. Sh., Akmatov K. T., Orozbekova Zh. Derevyannye ostovy sedla iz mogil'nika Boz-Adyr na Tyan'-Shane // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. Novosibirsk, 2014. T. 13, vyp. 5: Arheologiya i etnografiya. Pp. 186–196.

Статья поступила в редакцию

Received

21.03.2023

Сведения об авторе / About the Author

Орозбекова Жазгул,

младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия); bjkut@yandex.ru

Orozbekova Zhazgul,

Junior Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Lavrenteva avn., 17, Novosibirsk, 630090. Russian Federation); bjkut@yandex.ru

ORCID 0000-0002-1509-173X

Исследования

Находка раннескифского оружейного набора в погребении тагарской культуры (Аскизская степь)

Е. С. Богданов

Институт археологии и этнографии СО РАН

Аннотация

Статья посвящена анализу оружейного набора, обнаруженного в ходе раскопок тагарского кургана в аскизской степи в 2020 году. Этот комплекс состоял из двух смежно расположенных оград и детского захоронения в каменном ящике между ними. По характерным особенностям погребального обряда курган можно датировать в пределах VIII – VII вв. до н. э. В могильной яме ограды № 1 около кисти правой руки мужчины был обнаружен бронзовый кинжал с ножом в хорошо сохранившемся кожаном чехле с вышивкой. Типологические особенности позволяют отнести эти предметы к раннескифскому пласту. Кинжал с чуть скошенным валикообразным навершием, плоской пластинчатой ручкой, прямым перекрестием в виде двух шипов, четырехгранным лезвием с двухсторонней заточкой имеет генетическую связь с карасукскими образцами. Весь оружейный набор имеет обширные аналогии как среди случайных находок в аскизской степи, так и в закрытых комплексах на территории Минусинской котловины. Орнамент из четырех «грибовидных» фигур вышитых сухожильными нитями является уникальным для хакасско-минусинских степей. Подобные находки расширяют наши представления о раннетагарском искусстве, которое представляется на начальных этапах очень традиционным. «Вольность» в орнаментации кожаного чехла, анализируемого в статье, определяется «игровыми» моментами, отражающими индивидуальное сознание древнего мастера, являясь специфическим показателем ценностных культурно-мифологических ориентаций. В данном случае удалось зафиксировать совершенно новый сюжет в рамках довольно закрытой изобразительной системы.

Ключевые слова

Аскизская степь, тагарская культура, оружейный набор, кинжал, орнамент, сухожильные нити, тамбурный шов.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта НИР «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Для цитирования

Богданов Е. С. Находка раннескифского оружейного набора в погребении тагарской культуры (Аскизская степь) // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. С. 40–52
DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-40-52

Finding of an Early Scythian weapon set in a burial of the Tagar culture (Askiz steppe)

E. S. Bogdanov

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS

Abstract

The article is devoted to the analysis of a weapon set discovered during the excavations of the Tagar kurgan in the Askiz steppe in 2020. This complex consisted of two adjacent fences and a children's burial in a stone box between them. According to the characteristic features of the burial rite, the mound can be dated within the VIII – VII centuries BC. In the grave pit of fence No. 1, a bronze dagger with a knife in a well-preserved leather case with embroidery was found near the man's right hand. Typological features allow us to attribute these items to the Early Scythian stratum. A dagger with a slightly beveled roller-shaped pommel, a flat plate handle, a straight crosshair in the form of two spikes, a four-sided blade with a double-sided sharpening has a genetic connection with the Karasuk samples. The entire gun set has extensive analogies both among random finds in the Askiz steppe and in closed complexes on the territory of the Minusinsk basin. The ornament of four «mushroom-shaped» figures embroidered with tendon threads is unique for the Khakasko-Minusinsk steppes. Such finds expand our understanding of Early Bulgarian art, which appears to be very traditional at the initial stages. The "freedom" in the ornamentation of the leather cover analyzed in the article is determined by the «game» moments reflecting the individual consciousness of the ancient master, being a specific indicator of value cultural and mythological orientations. In this case, it was possible to fix a completely new plot within a rather closed visual system.

Keywords

Askiz steppe, Tagar culture, gun set, dagger, ornament, tendon threads, tambour seam.

Funding

The article was prepared with the financial support of the research project «Comprehensive studies of ancient cultures of Siberia and adjacent territories: chronology, technologies, adaptation and cultural ties» (FWZG-2022-0006).

For citation

Bogdanov E. S. Finding of an Early Scythian weapon set in a burial of the Tagar culture (Askiz steppe) // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. P. 40–52.
DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-40-52

Введение

В 2020 году в результате охранно-спасательных работ в Аскизском районе Республики Хакасия были исследованы шесть курганов та-

гарской культуры на могильнике Станция Казановская-1 [Богданов и др., 2020]. Несмотря на ограбленность захоронений и «стандартные» вещевые комплексы, нам удалось обнаружить важные с точки зрения хронологии и культурных взаимодействий оригинальные находки, а также выявить интересные детали погребальных ритуалов. В этой связи нами намечена серия публикаций, в первой из которых, была с информацией о найденном уникальном амулете с фрагментом человеческой грудины [Богданов, Выборнов, 2021]. Настоящая статья посвящена анализу оружейного набора из огады № 1, кургана № 16 могильника Станция Казановская-1.

Описание погребального обряда и контекст обнаружения находок

Курган № 16 отличался конструктивно от большей части известных комплексов подгорновского времени. Он представлял собой две смежных огады подквадратных в плане очертаний (из вертикально вкопанных небольших тонких плит), располагающихся в 1 м друг от друга по линии З – В (рис. 1). Высота стенок огады (плит) над древней поверхностью составляла от 0,1 до 0,4 м (ограда кургана очень сильно пострадала при строительстве ж/д в советское время и от грунтовой дороги, действующей в настоящее время). Тонкие плиты были врыты в землю на глубину от 0,3 до 0,5 м. Сохранился обломок вкопанной стелы (углового камня) в СЗ углу огады № 1. В остальных случаях затруднительно говорить о наличии или изначальном отсутствии угловых вертикально поставленных плит.

Ограда № 1 (западная) имела размеры: 6,4 x 7 м, длинной стороной ориентирована по линии С – Ю. В плане стенки огады имели выпуклые очертания. По центру восточной и западной стенки, внутри огады были вкопаны простеночные плиты. Надмогильное сооружение практически полностью провалилось в могильную яму после ограбления в древности (рис. 2). Реконструируется небольшая насыпь из плитняка в 1-2 слоя. Сама могила имела размеры: 2,6 x 2,85 м и ориентирована длинной стороной по линии З – В. В «грабительском» шурфе были найдены: 1) фрагменты костей взрослого мужчины и ребенка; 2) кости *Ovis-Carpi* (правая бедренная, + 2 берцовых, правая, левая от 1 особи + левая лопатка + 5 рёбер + пястная, без нижнего эпифиза, *juv.*); 3) фрагменты от двух керамических сосудов; 4) обломки каменной плиты (плит?) с выбивками в виде «тагарских человечков»; 5) мелкие фрагменты деревянных жердей (остатки деревянного перекрытия). Дно могилы было выявлено на глубине 0,85 м. В цен-

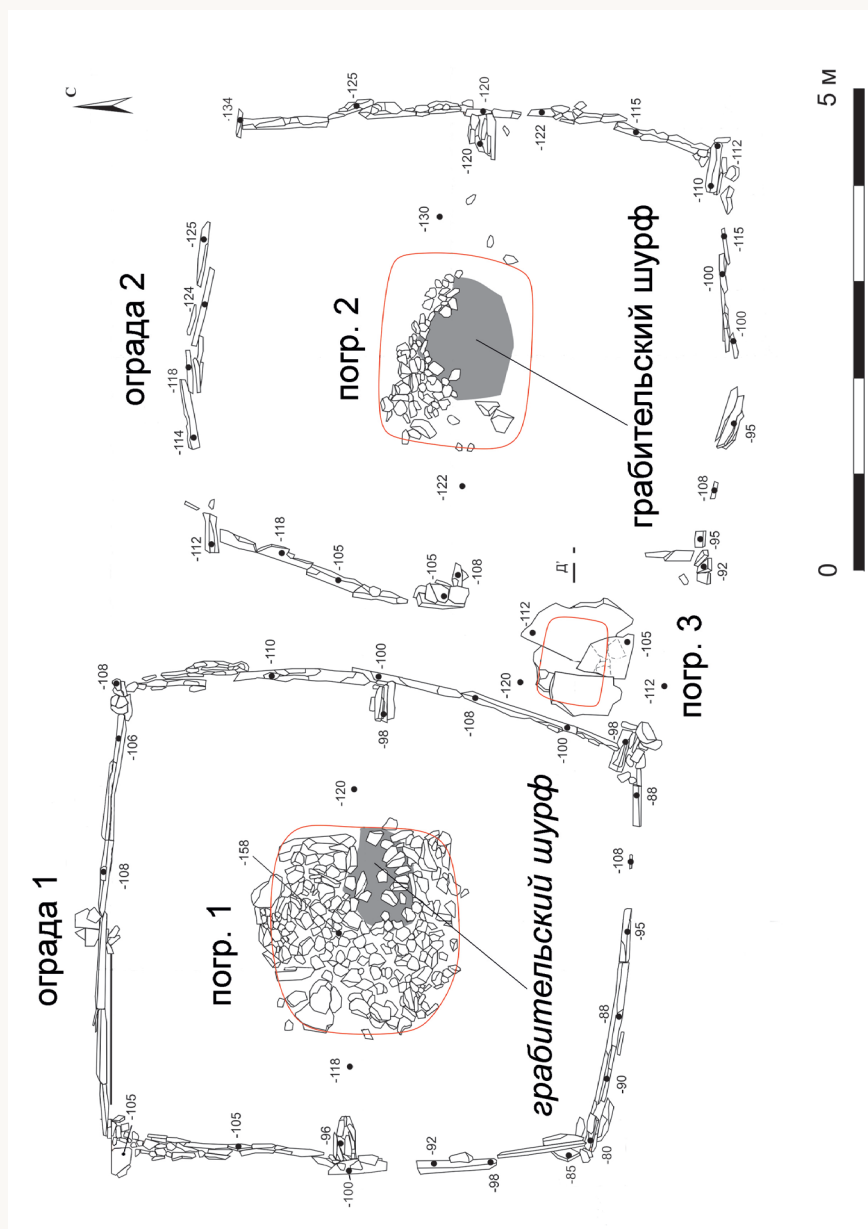

Рис. 1. Могильник Станция Казановская-1, курган 16.
План наземных конструкций на уровне древней дневной поверхности
Fig 1. Burial ground Station Kazanovskaya-1, burial 16.
Plan of ground structures at the level of the ancient day surface rice

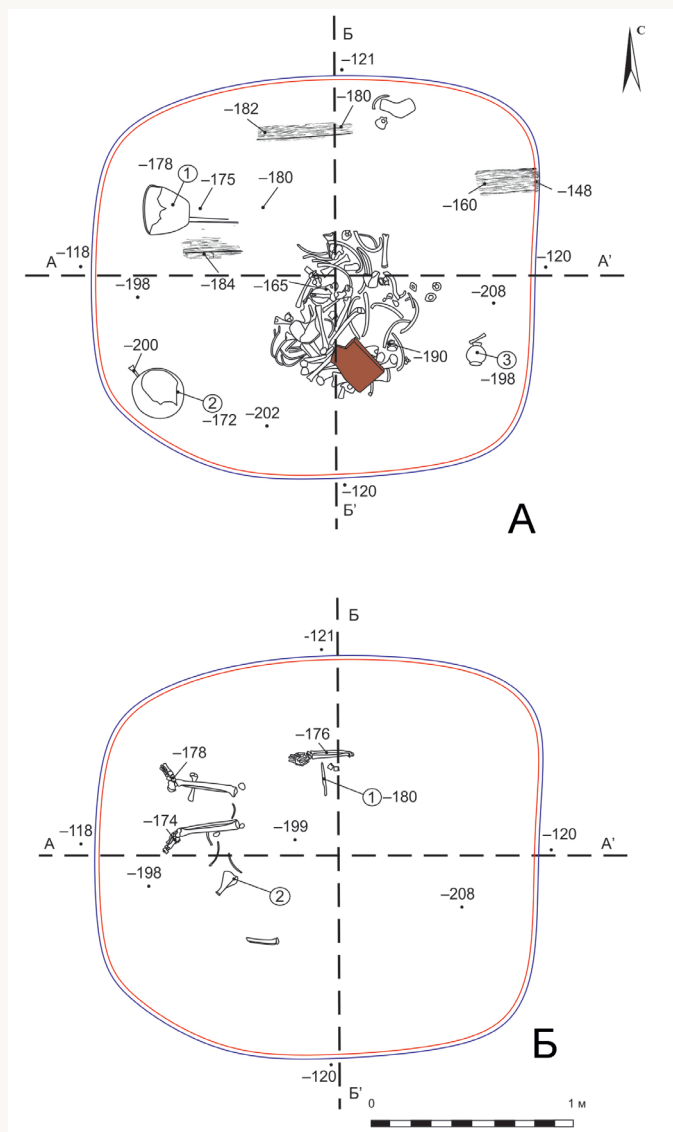

Рис. 2. Могилище Станция Казановская-1, курган 16, ограда 1. А) план погребения № 1 на уровне дна грабительского шурфа: 1, 2 – глиняные сосуды; 3 – глиняная курительница; 4 – бронзовые полушарные бляшки; 5 – обломок плиты с петроглифами. Б) план погребения № 1 на уровне дна: 1 – бронзовый кинжал и нож в ножнах; 2 – кости овцы

Fig. 2. Burial ground Station Kazanovskaya-1, burial 16, fence 1. A – plan of burial No. 1 at the level of the bottom of the robber pit: 1, 2 – clay vessels; 3 – clay incense burner; 4 – bronze hemispherical plaques; 5 – a fragment of a slab with petroglyphs; B – plan of burial No. 1 at the bottom level: 1 – a bronze dagger and a knife in a sheath; 2 – sheep bones

тре могильной ямы, в нижней части «грабительского шурфа» было зачищено скопление костей: мужчины 35-45 лет, ребенка 9 лет и овцы (рис. 2, А).

In situ у северной стенки могилы остались лежать только нижние конечности ног, кости правой руки мужчины и голень ребенка у южной стенки могилы (рис. 2Б). Около ног взрослого индивида и под ними лежали кости *Ovis-Capra* (правая лопатка + левая бедренная + 3 ребра + 2 сегмента грудины). Судя по непотревоженным костям, мужчину и ребенка изначально уложили вытянуто на спине, головой на восток. Около кисти правой руки мужчины лежал кинжал с ножом в хорошо сохранившемся кожаном чехле с вышивкой (рис. 3: 1). У западной стенки могилы обнаружены плоскодонные баночный и шарообразный (с отбитой горловиной) сосуды (рис. 2А; 3: 2, 3). Керамическая курильница (сосудик с поддоном) лежала в ЮВ углу могилы (рис. 3: 4). Три полушарные бронзовые бляшки (рис. 3: 5-7) были найдены в заполнении «грабительского выброса», среди скопления костей.

Ограда № 2 располагалась в 0,5 – 1 м к востоку от ограды № 1 и имела размеры: 6,4 х 7,3 м (рис. 2). Конструкция ограды, надмогильного сооружения и погребальный обряд идентичны вышеописанным. Парное захоронение мужчины и женщины было также сильно ограблено в древности. Из инвентаря сохранились крупные керамические сосуды баночной формы с открытым устьем, с прочерченными пальцем по тулову полосами, три полушарных бронзовых бляшки и мелкие обломки бронзовых пронизок.

Между оградями (вплотную к их стенкам), располагалось детское погребение в каменном ящике, перекрытое крупными плитами на уровне древней поверхности (рис. 2). Оно по характерным особенностям похоронного обряда и сопроводительному инвентарю также относится к раннему периоду тагарской культуры (VIII – VII вв. до н. э.).

Описание оружейного набора. Аналогии и интерпретация

Бронзовые нож и кинжал в кожаных ножнах (общая длина изделия 20,4 см) с цветной вышивкой имели очень хорошую сохранность, столь редкую для тагарских материалов, в виду того, что после ограбления, в могилу произошло затекание глины, которая поспособствовала консервации органики. Типологические особенности кинжала и ножа из ограды № 1 кургана 16 позволяют отнести их к раннескифскому пласту. У кинжала чуть скошенное валикообразное навершие,

плоская пластинчатая ручка, прямое перекрестие в виде двух шипов, четырехгранное лезвие с двухсторонней заточкой и зауженной частью около перекрестия (рис. 3: 1B). Длина изделия 18,8 см. Размеры ручки: 5 x 0,9 см. Макс. ширина лезвия 2 см. Аналогичные по форме и размерам кинжалы были найдены в погребении № 1 кургана № 14 и погребении № 1 кургана № 2 того же могильника Станция Казановская-1. Вместе с кинжалом в ограде № 1 кургана № 16 в комплекте находился нож (рис. 3: 1A). Он петельчатый, обушковый, слабо-изогнутый, лезвие с односторонней заточкой практически не отделено от ручки. Длина 13 см. Макс. ширина лезвия 1,1 см. Подобный тип изделий найден практически во всех погребениях могильника Станция Казановская-1.

Подходы к типологии тагарского оружия, от работ Д.Г. Клеменца до серии публикаций Ю.С. Худякова, были достаточно подробно рассмотрены в монографии А.В. Субботина [Субботин, 2014]. Несмотря на различные виды классификаций и их дискуссионность, большинство исследователей склоняется к подходу Н.Л. Членовой, что именно формы перекрестья и навершия кинжалов показательны с точки зрения хронологии. И именно эти признаки позволяют локализовать артефакты во времени и пространстве в контексте всего развития тагарской культуры. В этом смысле представляется неоспоримым, что прямое перекрестие (с шипами) и навершие в виде валика не при вотивных размерах присуще ранним тагарским формам. А оформление лезвия кинжала (выделенное ребро и «выемка» у перекрестия) указывает на генетическую связь с карасукскими образцами (об этом подробнее, см. [Членова, 1967. С. 14-20; Мацумото, 2015]). Учитывая преемственность в бронзолитейном производстве, не удивительно, что подобная форма кинжалов была достаточно популярна у ранних тагарцев. Например, так же оформлено перекрестие, навершие и лезвие у экземпляра из раскопок В.В. Радлова в минусинской степи [Членова, 1992. Таб. 84: 36], кинжалов Каменки I, Подгорного озера и Есинской группы памятников [Шер, 2021. Рис. 8: 1, 22: 1; Чугунов и др., 2021. Рис. 2; Савинов, 2012. Рис. 23: 6, 8], косокольского кинжала [Каталог., 2006. Рис. 2]. Сопоставима и размерность этих изделий. Интересно, что большая часть подобного типа кинжалов происходит из случайных находок (хранятся в Минусинском, Ширинском, Железногорском краеведческих музеях Республики Хакасия) и довольно редко встречается в погребениях. Целая серия таких кинжалов, только меньших размеров, была найдена Е.Д. Паульсом и М.Л. Подольским при раскопках у с. Топаново (фонды краеведческого музея с. Ширы) и А.И. Мартыновым только уже в лесостепной

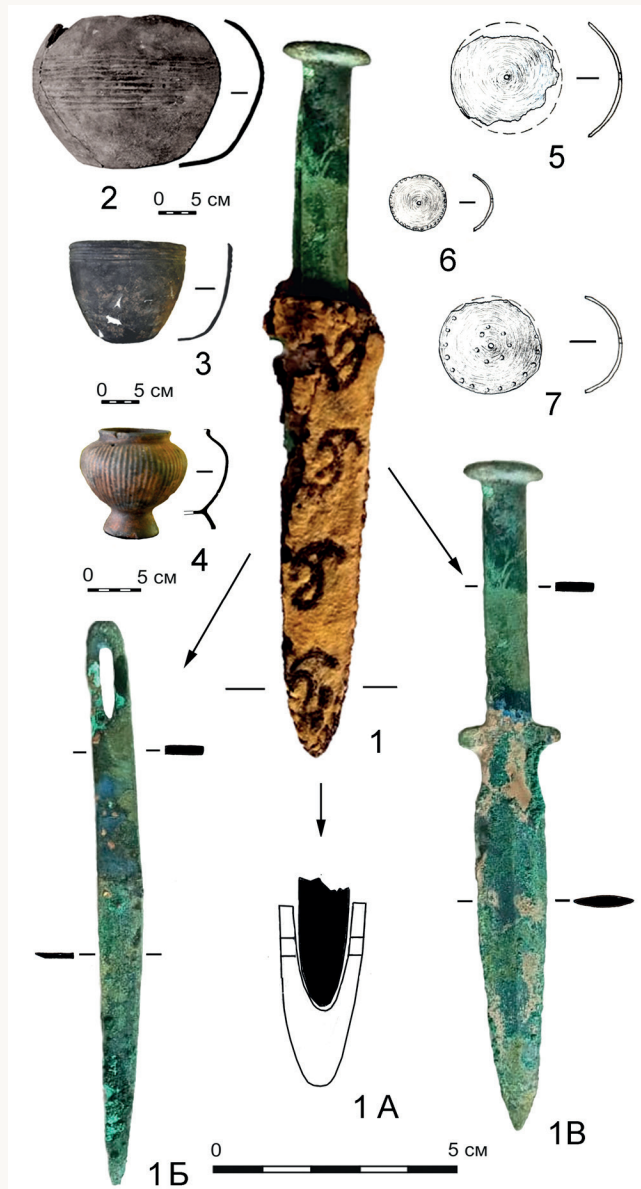

Рис. 3. Могильник Станция Казановская-1, курган 16, ограда 1, погребение № 1.

Погребальный инвентарь: 1 – бронзовый нож и кинжал в кожаных ножнах и вне их; 2, 3 – керамические сосуды; 4 – глиняная курильница; 5-7 – бронзовые нашивные бляшки

Fig. 3. Burial ground Station Kazanovskaya-1, kurgan 16, fence 1, burial No. 1. Grave inventory: 1 – bronze knife and dagger in and out of leather sheaths; 2, 3 – ceramic vessels; 4 – clay incense burner; 5-7 – bronze sewn-on plaques

зоне [Мартынов, 1979. Таб. 8, 9], М.П. Грязновым у Сарагашенского озера [Завитухина, 1983. Кат. 148].

Что касается ножа с удлиненным отверстием на ручке, то подобный тип изделий в крупных размерах повсеместно встречается как в раннетагарских захоронениях, так и среди случайных находок. Хотя датируются они в гораздо более широком хронологическом диапазоне.

Особый интерес вызывают сохранившиеся ножны рассматриваемого оружейного набора (рис. 3: 1, 1Б). Сделаны они из двух сшитых между собой кусков хорошо выделанной тонкой кожи светло-коричневого цвета. К краю внутренней стороны пришита широкая кожаная петля для продевания в ремень. Внешняя сторона футляра украшена орнаментом: четыре «грибовидных» фигуры вышиты на одинаковом расстоянии от друг друга по длине изделия тамбурным швом сухожильными нитями. В тагарской археологии, в виду особенностей грунта, хорошая сохранность органики довольно редкий прецедент. В основном благодаря бронзе остаются лишь отдельные фрагменты, не дающие представления о целом предмете. Первый полностью сохранившийся кожаный футляр с вышивкой для кинжала и ножа удалось найти при раскопках кургана у Сарагашенского озера [Завитухина, 1983. Кат. 148]. Похожий узор в виде «бегущей волны» (или повторяющихся S-овидных фигур) был обнаружен и на остатках кожаных ножен из погребения № 5 кургана 14 могильника Станция Казановская-1. В фондах музея КемГу хранятся фрагменты подобного изделия из курганного могильника Косоголь 2, только орнамент вышит в виде ряда парно расположенных «крючков» [Каталог., 2006. Рис. 3]. Скорее всего, все вышеперечисленные ножны были личными предметами умерших владельцев и не были сделаны специально для погребального ритуала * (* Правда Н.Л. Членова приводит данные о кожаных ножнах из к.б Ужурского могильника. «Кинжал целиком зашит в кожу, футляр плотно облегал лезвие и ручку, а концы прямого перекрестия торчали наружу – для них были оставлены специальные отверстия. Вытащить клинок из ножен было не возможно, не распоров их. Это было сделано специально, чтобы "покойник не мог навредить живым"» [Членова, 1967. С. 22]. Однако нам все-таки представляется, что это единичный случай.) Данные находки расширяют наши представления о раннетагарском искусстве. На начальных этапах оно очень традиционно и возможно было регламентировано особыми нормами в обществе. «Искусство, в этом смысле выступает как мощное орудие для определения «своих» от «чужих» и для сплю-

чения своих с помощью групповых символов...» [Эйбл-Эйдесфельдт, 1995. С. 53]. Так на изделиях из кости (гребни-заколки и головные ножи) мы видим только линейный, геометрический орнамент. Только круг и концентрические окружности могли находиться в области головы погребенного человека. Не случайно головной убор в подгорновское время украшался только полушарными бляшками, в том числе с пуансонным орнаментом. Никаких звериных образов. Крупные керамические сосуды с открытым устьем так же орнаментировались только прочерченными линиями по кругу. На мелких (курильницах-светильнях) допускались и другой геометрический орнамент. И никаких S-овидных элементов, завитков, спиралей или четырехлистников. А вот на бронзовых «ритуальных» предметах (навершия, штандарты) и оружии есть и звериные образы, и геометрические формы (круги, «волна», «решетка»). Такая «вольность» в орнаментации, обогащенная декоративными элементами перешла и на кожаные ножны, поскольку и оружие и чехол является одним неразделимым целым. В этом смысле мы можем говорить об «игре», которая своеобразно моделирует и отражает индивидуальное сознание и сознание общества, являясь специфическим показателем доминирующих ценностных ориентаций. В результате этой «игры», – определенно-го набора операций с предметом и образным смыслом, появляются новые формы и сюжеты в рамках одной изобразительной системы [Богданов, 2004. С. 22]. К сожалению, мы не располагаем надлежащей информацией, знаниями и навыками чтобы «прочитать» изобразительный «текст» на кожаных ножнах из кургана № 16 могильника Станция Казановская-1. Но с постепенным накоплением данных по одежде и другим предметам обихода может сложиться яркая и сложная картина Мира ранних тагарцев, ничем не уступающая пазырыкским аналогам..

Список литературы

Богданов Е.С. Элементы «игры» в творчестве древних кочевников Центральной Азии // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической науч. конф. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. С. 21–24.

Богданов Е.С., Солод Ю.А., Захарова И.П., Выборнов А.В. Исследование курганного могильника Станция Казановская-1 в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Ин-та

археологии и этнографии СО РАН. Т. XXVI. Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. С. 862–868.

Богданов Е.С. Выборнов А.В. Подвеска-амулет из тагарского захоронения (могильник Станция Казановская-1) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова. / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2021. С. 386–392. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII).

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л.: Искусство, 1983. 191 с.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири». Кемерово: СКИФ, 2006. Вып. 2. 124 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.

Мацумото К. Карасукские кинжалы – их происхождение и распространение // Научное обозрение Саяно-Алтая № 1 (9). Серия археология. Вып. 2. 2015. С. 19–34.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб: ЭлекСис. 2012. 180 с.

Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб: ИИМК РАН. 2014. 154 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 253 с.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. М.: Наука, 1992. С. 206–224.

Чугунов К.В., Морозов С.В., Хаврин С.В. Каменка I. Могильник Каменка и его значение для хронологии раннетагарской культуры // Поверив алгеброй гармонию: сборник статей памяти Якова Абрамовича Шера. / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий, К.В. Чугунов. СПб, изд-во ИИМК РАН, 2021. С. 110–132.

Шер. Я.А. Каменка I. Материалы из отчета о работе 1-го Правобережного отряда Красноярской археологической экспедиции ЛО ИА РАН в 1963 г. // Поверив алгеброй гармонию: сборник статей памяти Якова Абрамовича Шера. / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий, К.В. Чугунов. СПб, изд-во ИИМК РАН, 2021. С. 68–109.

References

Bogdanov Ye.S. Elementy «igry» v tvorchestve drevnikh kochevnikov Tsentral'noy Azii // Izobrazitel'nyye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii: Materialy tematicheskoy nauch. konf. SPb.: SPb. gos. un-t Publ., 2004. pp. 21–24. (In Russ.)

Bogdanov Ye.S., Solod YU.A., Zakharova I.P., Vybornov A.V. Issledovaniye kurgannogo mogil'nika Stantsiya Kazanovskaya-1 v 2020 godu // Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Materialy Itogovoy sessii In-ta arkheologii i etnografii SO RAN. Vol. XXVI. Novosibirsk, IAET Publ., 2020. pp. 862–868. (In Russ.)

Bogdanov Ye.S. Vybornov A.V. Podveska-amulet iz tagarskogo zakhoroneniya (mogil'nik Stantsiya Kazanovskaya-1) // Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoye prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyy 80-letiyu professora Dmitriya Glebovicha Savinova. (ed. N.YU. Smirnov). Sankt-Peterburg: IIMK RAN Publ., 2021. pp. 386–392. (Trudy IIMK RAN. Vol. LVII). (In Russ.)

Chlenova N.L. Proiskhozhdeniye i rannyya istoriya plemon tagarskoy kul'tury. M.: Nauka Publ., 1967. 253 p. (In Russ.)

Chlenova N.L. Tagarskaya kul'tura // Stepnaya polosа aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya. Arkheologiya SSSR s drevneyshikh vremen do srednevekov'ya: v 20 tomah. M.: Nauka Publ., 1992. pp. 206–224. (In Russ.)

Chugunov K.V., Morozov S.V., Khavrin S.V. Kamenka I. Mogil'nik Kamenka i yego znachenie dlya khronologii rannetagarskoy kul'tury // Poveriv algebroy garmoniyu: sbornik statey pamyati Yakova Abramovicha Shera. (ed. L.B. Vishnyatskiy, K.V. Chugunov). SPB, IIMK RAN Publ., 2021. pp. 110–132. (In Russ.)

Katalog kollektsiy muzeya «Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri». Kemerovo: SKIF Publ., 2006. Vol. 2. 124 p. (In Russ.)

Martynov A.I. Lesostepnaya tagarskaya kul'tura. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979. 208 p. (In Russ.)

Matsumoto K. Karasukskie kinzhaly – ikh proiskhozhdeniye i rasprostraneniye // Nauchnoye obozreniye Sayano-Altaya № 1 (9). Seriya arkheologiya. Vol. 2. 2015. pp.19–34. (In Russ.)

Savinov D.G. Pamyatniki tagarskoy kul'tury Mogil'noy stepi (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy 1986–1989 gg.). SPb: ElekSis Publ.. 2012. 180 p. (In Russ.)

Subbotin A.V. Nelineynyy kharakter razvitiya tagarskoy kul'tury (po materialam monograficheski raskopannykh mogil'nikov). SPb: IIMK RAN Publ., 2014. 154 p. (In Russ.)

Sher Ya.A. Kamenka I. Materialy iz otcheta o rabote 1-go Pravoberezhnogo otryada Krasnoyarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii LO IA RAN v 1963 g. // Poveriv algebroy garmoniyu: sbornik statey pamyati Yakova Abramovicha Shera. (ed. L.B. Vishnyatskiy, K.V. Chugunov). SPB, IIMK RAN Publ., 2021. pp. 68–109. (In Russ.).

Zavitukhina M.P. Drevneye iskusstvo na Yeniseye. Skifskoye vremya. L.: Iskusstvo Publ., 1983. 191 p. (In Russ.)

Материал поступил в редакцию

Received

12.05.2023

Информация об авторе / Information about the Author

Богданов Евгений Сергеевич, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИАЭТ СО РАН (пр. Лаврентьева, 17, Новосибирск 630090, Россия); bogdanov@archaeology.nsc.ru
ORCID 0000-0001-7073-8914

Bogdanov Evgeniy S., candidate of Historical Sciences, SB RAS IAET (Lavrenteva avn., 17, Novosibirsk, 630090, Russia); bogdanov@archaeology.nsc.ru

Оборонительное вооружение хунну

В. В. Горбунов¹, О. С. Лихачева²

^{1, 2}Алтайский государственный университет

Аннотация

В статье анализируются находки защитных средств, сделанные в археологических памятниках культуры хунну на территории Забайкалья и Монголии. Дается описание основных признаков роговых и железных пластин, демонстрируются их изображения. Рассматривается происхождение разных элементов бронепокровытия и период их бытования. Созданы реконструкции панцирей и шлемов хунну с привлечением полностью сохранившихся аналогов. Хуннские воины применяли ламеллярные и чешуйчатые панцири покроя кираса, пончо и халат, а также ламеллярные шлемы с закрытым куполом и открытым верхом. Отмечается ведущая роль хунну в освоении доспехов из железа на территории Центральной Азии. Выявлено появление у хунну новых деталей ламеллярной брони с оригинальной системой из шести отверстий и формой пластин, заимствованной от чешуйчатого доспеха. Эти пластины заимствовали другие кочевники и китайцы. Делается вывод о том, что уровень развития оборонительных средств позволил хунну сформировать самостоятельные подразделения латной конницы. Более полными по площади бронепокровытия типами панцирей и шлемов, в том числе импортного происхождения, вероятно, владели командиры (представители знати). Рядовые воины использовали доспехи облегченной конструкции, где помимо железа применялись и менее стойкие материалы (рог, кожа, дерево). Несмотря на то что латная конница хунну еще не обладала достаточной пробивной силой в противостоянии с китайской пехотой, их опыт развития оборонительного вооружения оказался полезен для последующей эволюции доспеха у номадов.

Ключевые слова

Центральная Азия, поздняя древность, защитные пластины, панцири, шлемы.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования

Горбунов В. В. , Лихачева О. С. Оборонительное вооружение хунну // Universum Humanitarium. 2023. № 1. С. 53–74
DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-53-74

Defensive armament of the Hunnu

V. V. Gorbunov¹, O. S. Likhacheva²

^{1,2}*Altai State University
Barnaul, Russia*

Abstract

The article analyzes the findings of protective equipment made in the archaeological monuments of the Hunnu culture on the territory of Transbaikalia and Mongolia. The description of the main features of horn and iron plates is given, their images are shown. The origin of various elements of armor plating and the period of their existence are considered. Reconstructions of the armours and helmets of the Hunnu have been created with the involvement of fully preserved analogues. The Hunnic warriors used lamellar and scaly cuirass, poncho, and robe armor, as well as lamellar helmets with a closed dome and an open top. The leading role of the Hunnu in the development of iron armor in Central Asia is noted. The appearance of new details of lamellar armor with an original system of six holes and a plate shape borrowed from scaly armor was revealed in the Hunnu. These plates were borrowed by other nomads and the Chinese. It is concluded that the level of development of defensive means allowed the Hunnu to form independent units of armored cavalry. More complete types of armour and helmets, including those of imported origin, were probably owned by commanders (representatives of the nobility). Ordinary warriors used armor of a lightweight design, where in addition to iron, less resistant materials (horn, leather, wood) were also used. Despite the fact that the Hunnu armored cavalry did not yet have sufficient penetrating power in the confrontation with the Chinese infantry, their experience in the development of defensive weapons proved useful for the subsequent evolution of armor among the Nomads.

Keywords

Central Asia, late antiquity, protective plates, armours, helmets.

Acknowledgements

The work was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 «The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy»)

For citation

Gorbunov V. V., Likhacheva O. S. Defensive armament of the Hunnu // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. P. 53–74.
DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-53-74

Введение

Значительные изменения в военном деле кочевников происходят в период, который можно обозначить как хуннское время (конец

III в. до н.э. – I в. н.э.). Его начало соотносится с образованием державы Хунну, впервые объединившей под своей властью все кочевые племена Центральной Азии. На протяжении 300 лет (209 г. до н. э. – 93 г. н. э.) хунну являлись ведущей военно-политической силой и играли одну из главных ролей в международных отношениях на востоке Азии. Они усовершенствовали вооружение, разработав новую модификацию сложносоставного лука и стрелы к нему, более широко стали использовать железо при изготовлении поражающих частей оружия и деталей доспехов, применяли седла с твердыми (деревянными) луками, повышающие устойчивость всадника при владении оружием верхом. Также они создали сложную, многоуровневую организацию войск, чем существенно повысили эффективность кочевнической тактики боя. Остальные номады и разные оседлые народы заимствовали многие достижения хунну в военной области.

Источниками по военному делу хунну служат находки предметов вооружения из погребальных и поселенческих памятников, изображения воинов на вещах из металла и ткани, в живописи и скульптуре. Эти сведения дополняют китайские летописи. Так, историк Сыма Цянь об экипировке и подготовке хуннских воинов писал: «Все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками», «каждый обучается военному делу для совершения нападений», «из оружия дальнего действия имеют луки и стрелы, из оружия, применяемого в ближнем бою, – мечи и короткие копья» [Материалы по истории сюнну..., 1968. С. 34].

Военное дело хунну уже анализировалось в специальной литературе. Наибольший вклад в его изучение внесли работы Юлия Сергеевича Худякова. Им неоднократно систематизировались данные о луках и стрелах, массово представленных в археологических памятниках, о редких находках древкового и клинкового оружия, рассматривались вопросы о комплексе вооружения, организации войск и военном искусстве хунну [Худяков, 1986. С. 25–52; 1993. С. 109–112; 2021. С. 51–81 и мн. др.]. Значительно реже оружейеды обращались к защитным средствам. Их анализ проводился либо в общем контексте развития доспеха у центральноазиатских кочевников, либо в сравнительном плане с другими номадами, оставившими памятники с более представительными находками [Худяков, 2003. С. 63–64; Рец, Юй Су-Хуа, 1999. С. 42–45; Худяков, Юй Су-Хуа, 2004. С. 185–186]. В настоящее время с учетом новых археологических открытий имеется возможность рассмотреть хуннский доспех как самостоятельное явление, что и составляет цель нашей работы.

Описание и анализ материалов

Памятником хунну, давшим наибольшее число находок оборонительного вооружения, является Иволгинское городище в Южном Забайкалье (II в. до н.э. – I в. н.э.). При его раскопках в шести жилищах и семи ямах было найдено 20 защитных пластин [Давыдова, 1995. С. 33–34, табл. 39, 45, 56, 63, 95, 107, 125, 144, 151, 162, 164, 172, 174]. Самый информативный материал из крупных фрагментов доспеха (около 120 пластин) обнаружен в жилище №49 [Давыдова, 1995. Табл. 104]. Эти находки привлекались оружейоведами лишь в ограниченной степени [Рец, Юй Су-Хуа, 1999. С. 44, рис. 1, 10; Худяков, Юй Су-Хуа, 2004. С. 185, рис. 2, 5–9] и сохранили большие познавательные возможности.

Несколько пластин, которые можно отнести к защитным элементам, зафиксированы в двух погребениях Дырестуйского могильника из Южного Забайкалья (вторая половина I в. до н. э.) [Миняев, 2007. С. 90, 102, табл. 29, 114]. Еще в четырех памятниках хунну: Черемуховая Падь из Забайкалья, Туулын-Хайрхан, Гол Мод-1 и Огурмор из Монголии упоминаются железные пластины и их скопления, в которых предполагаются фрагменты доспехов [Рец, Юй Су-Хуа, 1999. С. 45; Эрдэнэбаатар и др., 2015. С. 161]. Полный панцирь, сломанный на несколько частей (более 350 пластин), был найден в погребении знатного хунну на могильнике Гол Мод-2 в Центральной Монголии (186 г. до н.э. – 3 г. н.э.) [Эрдэнэбаатар и др., 2015. С. 160–165].

Перечисленные вещественные находки оборонительного вооружения позволяют составить представление об основных видах хуннского доспеха для воинов, и начать следует с анализа защитных пластин.

У хунну сохранилась традиция изготовления пластин из рога. Об этом свидетельствуют находки, сделанные на Иволгинском городище и Дырестуйском могильнике. Среди них есть изделия ламеллярной структуры бронирования, которые набирались в полосы и между полос через отверстия при помощи ремешков. Такая пластина имеет размеры 12 × 4,3 см и длинной стороной направлена по вертикали. Она снабжена системой из боковых, верхних и нижних отверстий. Боковые отверстия (горизонтальная пара у одного края и одиночное у другого) служили для соединения пластин в полосу, а верхние и нижние (по четыре в ряд вдоль каждого края) – для жесткого соединения смежных полос. Абрис пластины прямоугольный, на лицевой поверхности орнамент (рис. 1, 1).

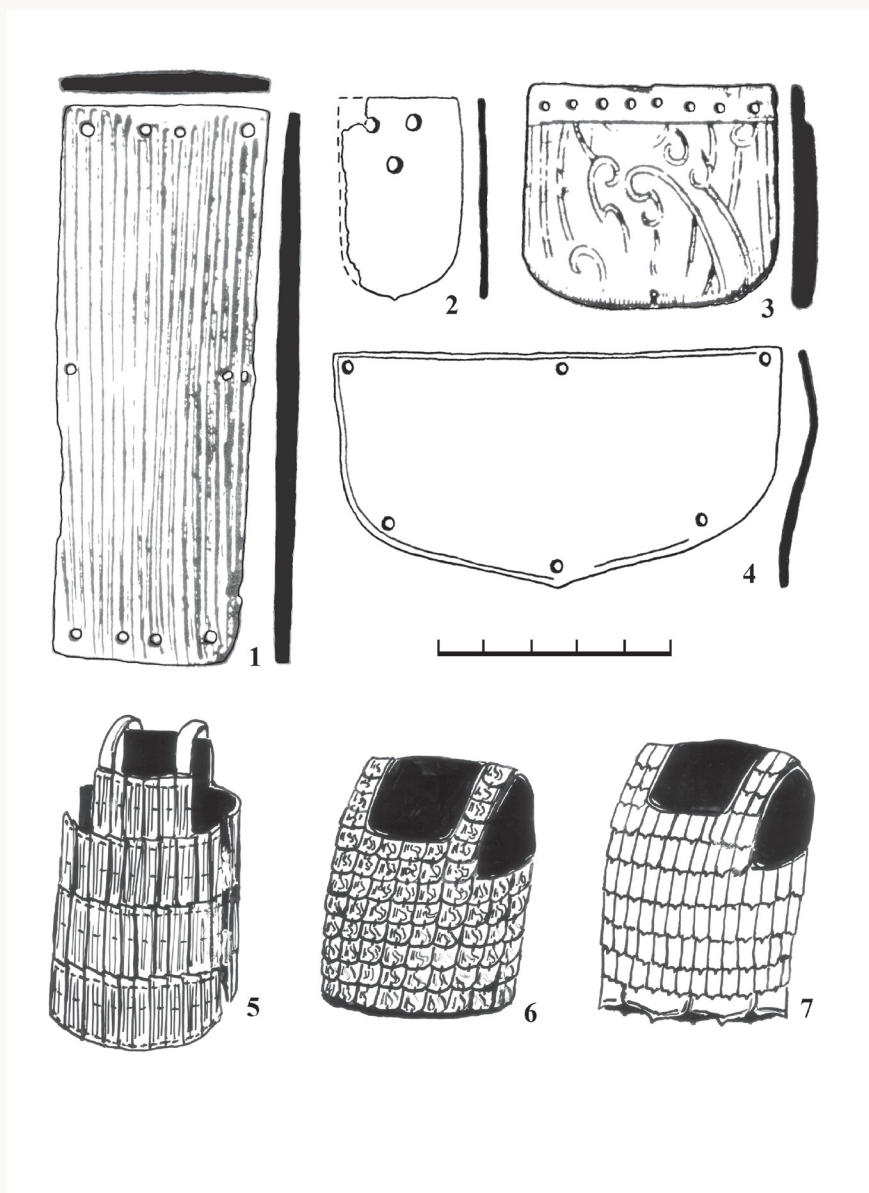

Рис. 1. Роговые пластины и панцири из них: 1, 3 – Иволгинское городище [по: Давыдова, 1995]; 2, 4 – Дырестуйский могильник [по: Миняев, 2007]; 5 – ламеллярная кираса; 6, 7 – чешуйчатые пончо (5–7 – реконструкции В.В. Горбунова, рисунки О.С. Лихачевой)

Fig. 1. Horn plates and armours of them: 1, 3 – Ivolginsky settlement [by: Davydova, 1995]; 2, 4 – Dyrestuysky burial ground [by: Minyaev, 2007]; 5 – lamellar cuirass, 6, 7 – scaly ponchos (5–7 – reconstructions by V.V. Gorbunov, drawings by O.S. Likhacheva)

Разнообразнее роговые пластины чешуйчатой структуры бронирования, нашивавшиеся на мягкую основу и образующие горизонтальные ряды, перекрывающие друг друга сверху вниз. Выделяется мелкий экземпляр (4,4 × 2,6 см), направленный длинной стороной по вертикали и снабженный системой из верхних отверстий, образующих треугольник. Он имеет фигурно-скобчатую форму, где верх прямой, а бока и низ создают фигурный абрис с характерным острым выступом по центру (рис. 1, 2). Две пластины имеют более крупные пропорции (5,5–9,7 × 4,8–5,1 см) и направлены длинной стороной по горизонтали. Они снабжены системой из верхних и нижних отверстий. При этом вверху образуется ряд из восьми или трех отверстий для пришивания к подкладке, а внизу может быть одно отверстие по центру для дополнительного соединения верхней (перекрывающей) и нижней пластины в смежных рядах (рис. 1, 3) или три вдоль края – для подшивания к подкладке крайнего ряда пластин (рис. 1, 4). Форма этих пластин овально-прямоугольная, где верхний край прямой, боковые края параллельны, нижний край закруглен (см. рис. 1, 3), и фигурно-скобчатая (см. рис. 1, 4). Одна пластина также орнаментирована по лицевой поверхности (см. рис. 1, 3).

Появление у хунну прямоугольных ламеллярных пластин из рога связано с древней восточноазиатской традицией. Такие пластины, например, известны на территории Китая с середины III тыс. до н.э. [Горелик, 2003. С. 108–109]. У кочевников Центральной Азии они применялись в VIII–III вв. до н.э., и хунну явно унаследовали эту традицию [Горбунов, Лихачева, 2022. С. 404, рис. 1]. Присутствие в памятниках хунну овально-прямоугольных чешуйчатых пластин из рога находит близкое соответствие в материалах Алтая V–II вв. до н.э. [Горбунов, 1999. С. 49, 53, рис. 1, 10]. Однако сам чешуйчатый доспех был занесен на восток в середине I тыс. до н.э. из западной части Евразии [Горбунов, 2013. С. 81].

Хуннский ламеллярный доспех из роговых пластин мог иметь покроем кираса (рис. 1, 5) или пончо. Последний отличался от двухстворчатой кирасы тем, что связывался как цельная конструкция и одевался через голову. Такие панцири вполне традиционны и для кочевников Центральной Азии, и для населения Китая, по крайней мере с начала I тыс. до н.э. [Горбунов, Лихачева, 2022. С. 405, рис. 1, 6]. Чешуйчатому доспеху из роговых пластин больше подходит покроем пончо (рис. 1, 6, 7), чаще всего использовавшийся там, где применялась эта структура бронирования [Горбунов, 1999. С. 54, рис. 2, 7; Горелик, 2003. С. 92–98]. Панцири из роговых деталей, судя по редкости на-

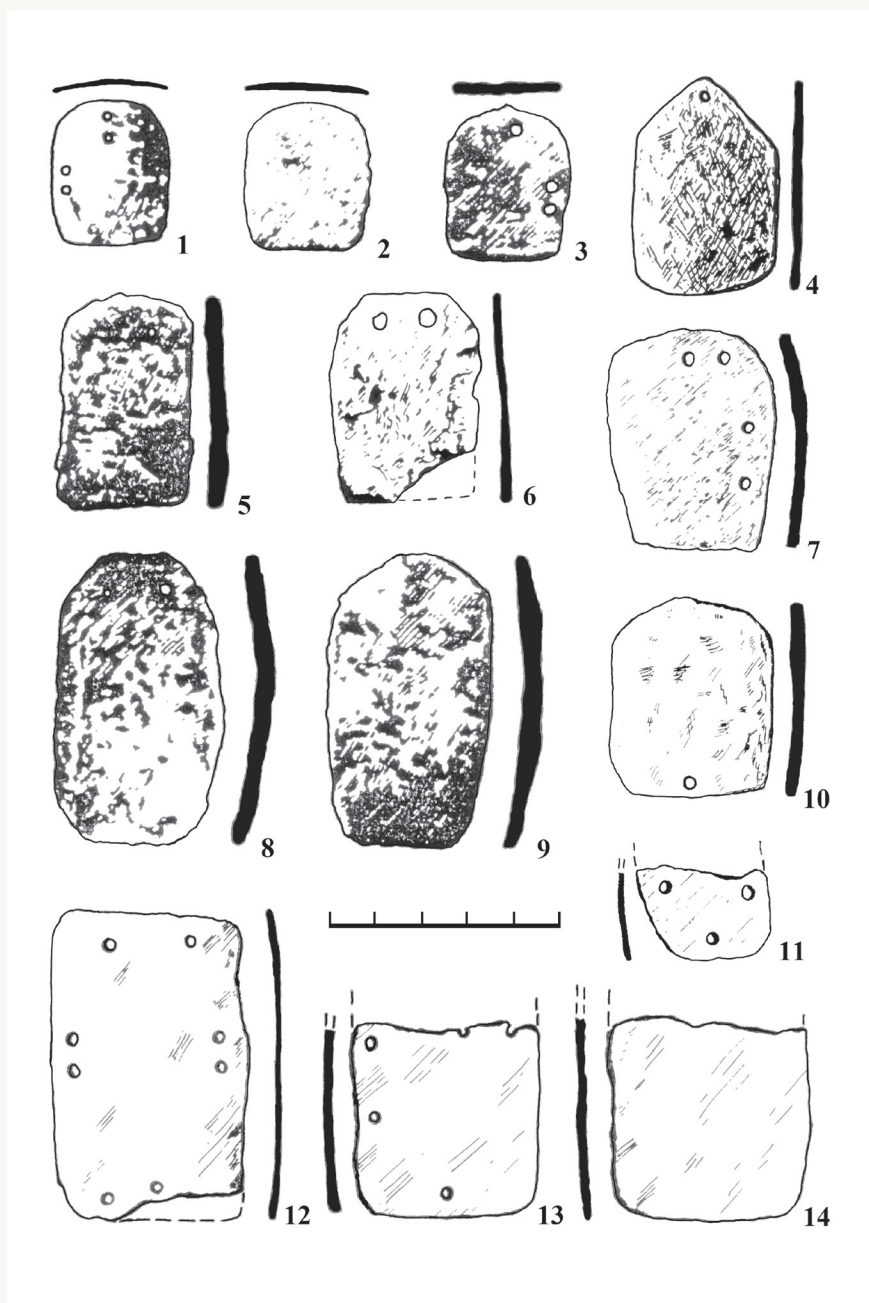

Рис. 2. Железные пластины от панцирей: 1-3, 5-14 – Иволгинское городище [по: Давыдова, 1995]; 4 – Дырестуйский могильник [по: Миняев, 2007]
 Fig. 2. Iron plates from the armours: 1-3, 5-14 – Ivolginsky settlement [by: Davydova, 1995]; 4 – Dyrestuysky burial ground [by: Minyaev, 2007]

ходок, являлись у хунну архаичным доспехом. Он не мог составить конкуренции передовым для той эпохи средствам защиты из железа.

Именно железные пластины абсолютно преобладают в памятниках хунну. Они ламеллярной структуры бронирования с вертикально направленной длинной стороной. Среди них самыми многочисленными являются мелкие изделия ($3-4,8 \times 2,2-3,7$ см), снабженные системой из боковых и срединных верхних отверстий. Боковые отверстия образуют две вертикальные пары (по одной у каждого края), а одна пара расположена посередине верхнего края для подвижного соединения смежных полос. Встречаются варианты с расположением верхней пары вертикально (рис. 2, 1-4; 4, 1-3) или горизонтально (рис. 2, 5-7). Такие пластины чаще всего имеют овально-прямоугольную форму, где нижний край прямой, боковые стороны параллельны, а верх закруглен (рис. 2, 1, 2, 5-7; 3, 9; 4, 1-3). Редко встречается фигурно-скобчатая форма, вероятно, восходящая к роговому чешуйчатому прототипу, отличающаяся фигурным оформлением не нижнего, а верхнего края (см. рис. 2, 3). Также редки пластины пятиугольной формы (см. рис. 2, 4).

Еще одной разновидностью пластин этой группы являются изделия овально-прямоугольной формы, размерами $4,4-6,4 \times 2,3-3,7$ см, с отверстиями, расположенными по всему периметру. У них есть боковые отверстия из двух или четырех вертикальных пар (равномерно у каждого края), верхние отверстия из одной срединной горизонтальной пары, одно или два нижних отверстия, предназначенных для жесткого соединения между полос, но чаще для крепления окантовки (рис. 2, 8-11; 3, 3-8). Такую же систему отверстий имеют пластины прямоугольной формы, размерами $3,7-6,7 \times 2,1-4,4$ см (рис. 2, 12-14). Только среди изделий прямоугольного абриса встречаются наиболее крупные экземпляры размерами $7,8-8,9 \times 2,5-6,5$ см (рис. 3, 1, 2).

Исходной моделью для изготовления овально-прямоугольных элементов ламеллярной брони послужила форма чешуйчатых пластин. Судя по массовым находкам, именно хунну первыми применили ее в железном материале, разработав систему из шести отверстий. Эти образцы достаточно быстро распространились на запад до Алтая, на восток до Приамурья и Маньчжурии, а на юге проникли в Китай. Здесь в период династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) ламеллярные овально-прямоугольные пластины небольших размеров получают систему отверстий по всему периметру и в таком виде заимствуются номадами, в том числе и самими хунну. Также кочевники используют

Рис. 3. Железный панцирь из могильника Гол-Мод-2: 1-9 – пластины [по: Эрдэнэбаатар и др., 2015]; 10 – ламеллярный халат (реконструкция В.В. Горбунова, рисунок О.С. Лихачевой)

Fig. 3. Iron armour from the Gol-Mod-2 burial ground: 1-9 – plates [by: Erdenebaatar et al., 2015]; 10 – lamellar robe (reconstruction by V.V. Gorbunov, drawing by O.S. Likhacheva)

и традиционные для Китая прямоугольные пластины, но сделанные уже из железа [Горбунов, 2013. С. 81–82].

Судить о покрое хуннских панцирей позволяет находка из могильника Гол Мод-2. В ее составе имеются остатки полосы из узких прямоугольных пластин (см. рис. 3, 1), пять полос из широких прямоугольных пластин (см. рис. 3, 2) и около 12 полос из овально-прямоугольных пластин меньших размеров (см. рис. 3, 3–9). Почти полная аналогия этому набору – хорошо сохранившийся панцирь на памятнике Эршицяцзу во Внутренней Монголии. В этом китайском городе империи Хань, существовавшем между 118 г. до н.э. – 24 г. н.э., было найдено два панциря и более 300 отдельных пластин [Рец, Юй Су-Хуа, 1999. С. 45–48, рис. 2, 3]. Упомянутый панцирь представлял собой ламеллярный халат, который застегивался по разрезу на груди, был снабжен шестирядными нарукавьями, трехрядным подолом и стоячим однорядным воротником. Нагрудная и наспинная части панциря набирались из крупных прямоугольных пластин, воротник из аналогичных, но более узких пластин, нарукавья и подол из мелких пластин овально-прямоугольной формы [Рец, Юй Су-Хуа, 1999. Рис. 2]. Панцирь из Гол Мод-2 имеет ту же конструкцию, где к воротнику можно отнести полосу из узких прямоугольных пластин, к нагрудно-наспинной части – пять полос из широких прямоугольных пластин, к нарукавьям – по четыре полосы из овально-прямоугольных пластин и к подолу еще четыре полосы из самых мелких таких пластин (рис. 3, 10).

Панцирь-халат из Эршицяцзу относят к изделиям китайских оружейников [Рец, Юй Су-Хуа, 1999. С. 46]. Однако в его составе помимо прямоугольных пластин (наспинник, нагрудник, воротник), выполненных в китайском (циньско-ханьском) стиле, есть овально-прямоугольные пластины, типичные для хунну (подол и нарукавья). Это, на наш взгляд, говорит об активном взаимодействии оружейных традиций, особенно в пограничной зоне, где был расположен данный город. А вот панцирь из Гол Мод-2 по оформлению более китайский, чем хуннский. Большинство его пластин, включая и овально-прямоугольные экземпляры, имеют более сложную систему отверстий, характерную для циньско-ханьского доспеха [Горбунов, 2013. Рис. 1, 9–24]. Учитывая элитный характер захоронения, где был найден данный панцирь, его можно трактовать как китайский импорт, регулярно попадавший к хуннской знати в виде подарков [Материалы по истории сюнну..., 1973. С. 72].

Корпусную защиту более простого покроя демонстрирует находка из жилища №49 на Иволгинском городище. Она представлена тремя

фрагментами, в каждом из которых четыре полосы. Два фрагмента имеют длину по 12 см, а один – 36 см. Все части состоят из однотипных мелких овально-прямоугольных пластин с шестью отверстиями, характерных для хуннских доспехов (см. рис. 4, 1–3). Практика набора корпусной защиты из одинаковых пластин находит свое подтверждение среди панцирей из западноханьских памятников (конец III в. до н.э. – начало I в. н.э.) и в погребениях кочевников-сяньби (конец I–III вв. н.э.) [Рец, Юй Су-Хуа, 1999. С. 47, 49, рис. 3, 1, 4, 1–3; Бобров, Худяков, 2005. Рис. 11, 2]. Эти панцири имеют покррой кираса, состоящий из двух частей: нагрудника и наспинника, соединенных оплечными ремнями и боковыми завязками. Если китайские изделия могут дополняться пластинчатыми лямками, нарукавьями и воротником, то ранние сяньбийские панцири не имеют этих деталей, они более короткие и прикрывают корпус воина лишь до начала бедер или до талии [Горбунов, 2005. С. 211, рис. 4, 8]. Очевидно, и остатки доспеха из жилища №49 можно реконструировать как простую кирасу (рис. 4, 4). Есть мнение, что этот панцирь состоял только из нагрудника [Худяков, Юй Су-Хуа, 2004. С. 185]. Подобные изделия, будучи технологически менее сложными и трудоемкими, применялись в кочевой среде гораздо шире и могли изготавливаться номадами на своей территории, особенно в ремесленных центрах типа Иволгинского городища.

Помимо археологических свидетельств о хуннских панцирях из железа и рога есть упоминание китайского сановника первой половины II в. до н.э. об использовании хунну кожаных лат и деревянных щитов, которые не выдерживали выстрела из арбалета [Материалы по истории сюнну..., 1968. С. 18]. Эти данные пока не нашли археологического подтверждения. Однако применение панцирей из кожи вполне возможно, о чем говорят китайские доспехи V–IV вв. до н.э., набранные из кожаных лакированных пластин [Горелик, 2003. С. 109, табл. LVI, 16–19]. Относительно щитов можно заметить, что такой общий вид воинской защиты был широко распространен у племен Центральной Азии с рубежа II/I тыс. до н.э. [Горелик, 2003. С. 160, 164; Горбунов, Лихачева, 2022. С. 404] и мог быть унаследован хунну. Изображения хуннских всадников, вооруженных щитами и мечами, встречаются в китайском искусстве рубежа III/IV в. н.э. [Худяков, 1986. Рис. 12, 2; Бобров, Худяков, 2005. Рис. 2, 1].

Шлемы в хуннских памятниках до сих пор не были выявлены. Однако на их наличие указывают находки отдельных железных пластин с Иволгинского городища (рис. 5, 1–3, 7, 8), по своей форме и параметрам схожих с деталями полных шлемов из погребений династии

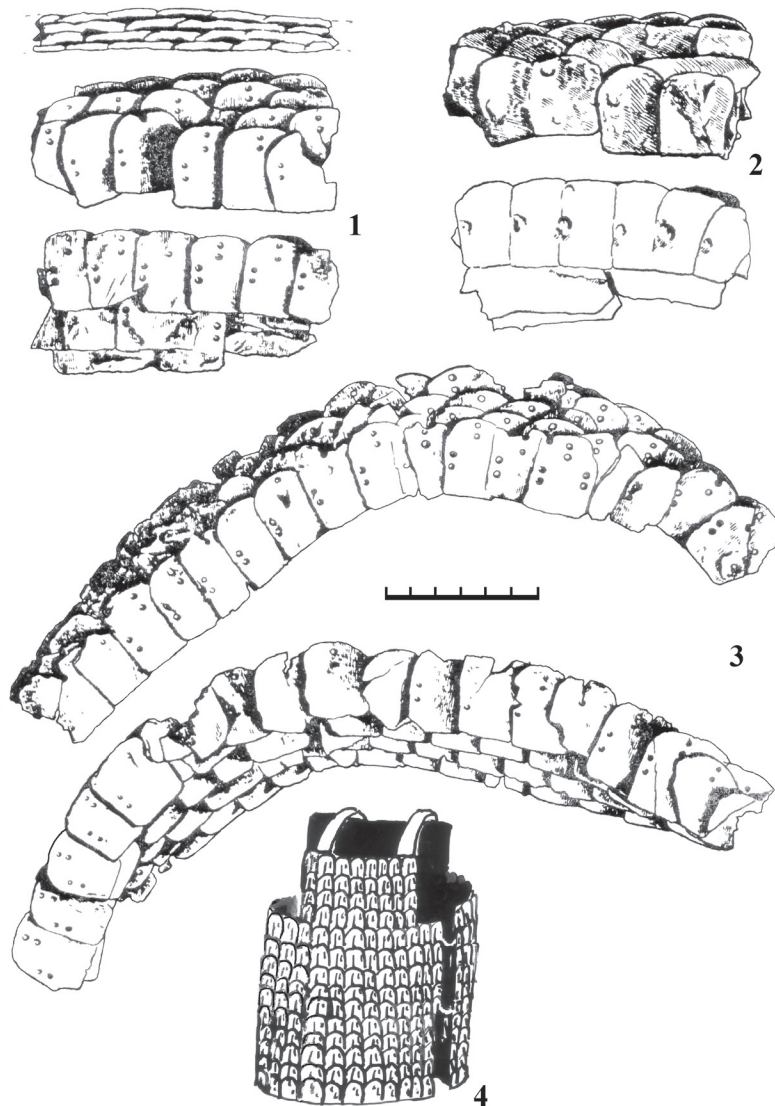

Рис. 4. Железный панцирь с Иволгинского городища: 1-3 – пластины
[по: Давыдова, 1995]; 4 – ламеллярная кираса
(реконструкция В.В. Горбунова, рисунок О.С. Лихачевой)

Fig. 4. Iron armour from the Ivolginsky settlement: 1-3 – plates [by: Davydova, 1995];
4 – lamellar cuirass (reconstruction by V.V. Gorbunov, drawing by O.S. Likhacheva)

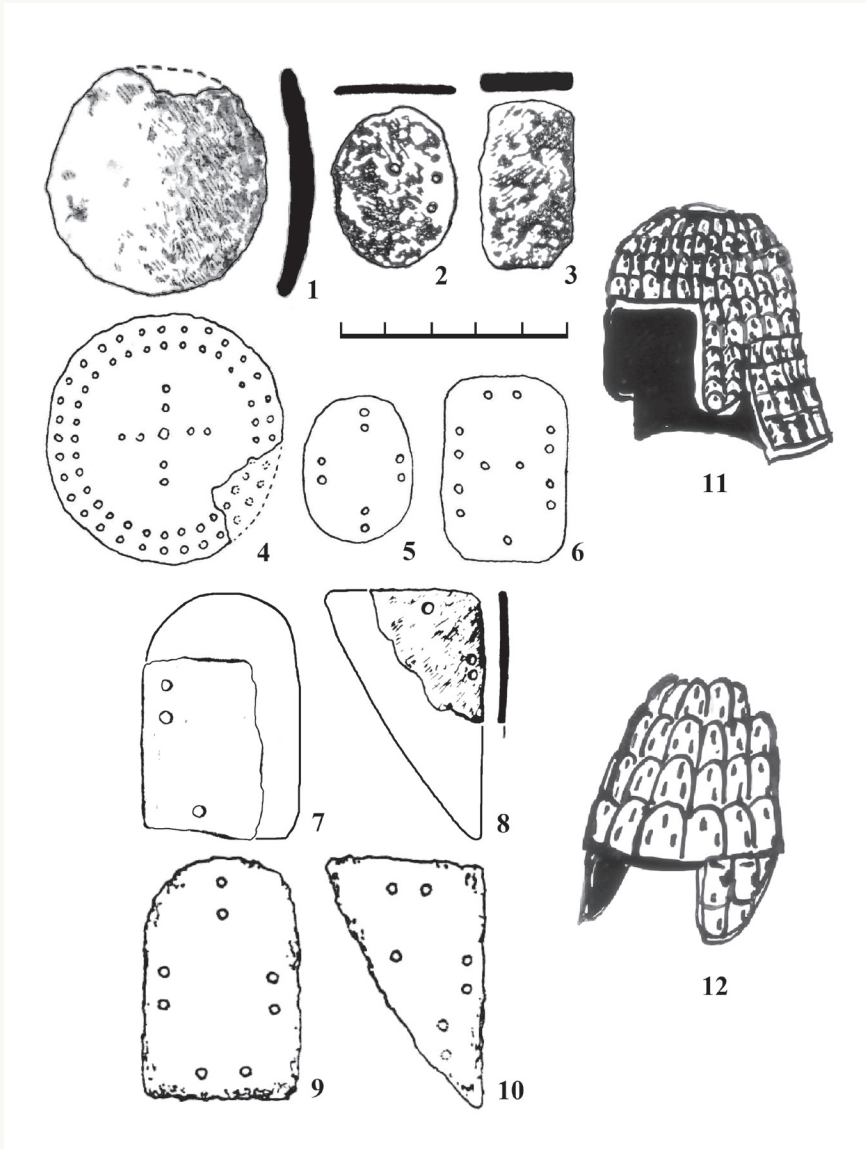

Рис. 5. Железные пластины и шлемы из них: 1-3, 7, 8 – Иволгинское городище [по: Давыдова, 1995]; 4-6 – Сиань [по: Бай Жонцзинь, 1998]; 9, 10 – Шаньдун [по: Реставрация железных доспехов..., 1987]; 11 – ламеллярный шлем с навершием; 12 – ламеллярный шлем-венчик (11, 12 – реконструкции В.В. Горбунова, рисунки О.С. Лихачевой)

Fig. 5. Iron plates and helmets of them: 1-3, 7, 8 – Ivolginsky settlement [by: Davydova, 1995]; 4-6 – Xi'an [by: Bai Zhongjin, 1998]; 9, 10 – Shandong [by: Restoration of iron armor ... 1987]; 11 – lamellar helmet with a pommel; 12 – lamellar helmet-crown (11, 12 – reconstructions of V.V. Gorbunov, drawings by O.S. Likhacheva).

Западная Хань (202 г. до н.э. – 9 г. н.э.) в Шаньдуне и Сиане [Реставрация железных доспехов..., 1987. Рис. 15; Бай Жонцзинь, 1998. Рис. 1, 17–19, 23, 24]. Они набирались ламеллярным способом из мелких пластин (рис. 5, 4–6, 9, 10). Судя по ханьским материалам, применялось два типа шлемов. Первый имел закрытый купол, сферическую форму с плоским навершием, нащечники и назатыльник (рис. 5, 11). Второй тип представлял собой конструкцию с открытым верхом в виде венца с высокой лобной частью и нащечниками (рис. 5, 12). Об использовании хунну закрытых шлемов может свидетельствовать пластина округлой формы, вероятно, являвшаяся навершием (см. рис. 5, 1), о чем говорит ее сходство с аналогичной пластиной-навершием ханьского шлема (см. рис. 5, 4). К такому же шлему могут относиться овальная и прямоугольная пластины (см. рис. 5, 2, 3), близкие к ханьским экземплярам (см. рис. 5, 5, 6). Шлему-венцу могли принадлежать фрагменты пластин (см. рис. 5, 7, 8), похожие на овально-прямоугольные и треугольные пластины от ханьского боевого наголовья такого типа (см. рис. 5, 9, 10). Именно в шлемах-венцах изображались хуннские всадники в китайском искусстве II – начала IV в. н.э. [Горелик, 1993. Рис. 9, 1, 2].

Отдельно следует остановиться на проблематичных с точки зрения защиты предметах. Речь идет о находках в захоронениях хунну на могильниках Ноин-Ула, Ильмовая Падь, Тола, Гол Мод-2 серии похожих бронзовых и железных пластин. Они имеют форму вытянутого овала или трапеции с заметным расширением верхней части (часто заостренной), размерами 23–26 × 3,5–8 см. На тыльной стороне расположены от двух до четырех крупные скобы для продевания ремней, а также малые скобы и иногда штифты для крепления подкладки [Руденко, 1962. Рис. 53, табл. XXX, 4, XXXI, 1, 2; Коновалов, 1976. Табл. XV, 10; Эрдэнэбаатар и др., 2015. С. 128–129, рис. 3, 4–6]. Первоначально их трактовали как защитные детали типа наручей и поножей [Руденко, 1962. С. 63–65; Коновалов, 1976. С. 36], но сейчас уже не остается сомнений в том, что они являлись конскими налобниками [Рец, Юй Су-Хуа, 1999. С. 42–43]. Их закрепляли на голове лошади в качестве украшения узды (рис. 6), но частично они могли выполнять и защитные функции. Это касается главным образом широких экземпляров, тогда как узкие были исключительно парадными элементами. В погребениях хуннской знати встречаются такие вещи из золота и серебра с богатым декором [Эрдэнэбаатар и др., 2015. С. 127–129, рис. 3, 1–3], явно не предназначенные для сражения. В целом у хунну не наблюдается какой-либо специальной защиты для лошади.

Рис. 6. Командир латной конницы хунну, II в. до н.э. – I в. н.э.
(реконструкция В.В. Горбунова, рисунок О.С. Лихачевой)
Fig. 6. Commander of the Hunnu armored cavalry, II century BC – I century AD
(reconstruction by V.V. Gorbunov, drawing by O.S. Likhacheva)

Заключение

Хунну были первыми кочевниками Центральной Азии, освоившими железные доспехи. Они применили для их набора пластины овально-прямоугольной формы, которые дали начало совершенно новой линии развития деталей ламеллярной структуры бронирования. Эта линия повлияла на изменение формы защитных элементов в китайском доспехе и просуществовала без заметных изменений до рубежа III/IV вв. н.э., пока не появилось новое оформление ламеллярных пластин, изобретенное кочевниками сяньби [Горбунов, 2005. С. 210, 222].

Археологические материалы позволяют выделить среди вооружения хунну два основных набора. Первый включает лук со стрелами, боевой нож или кинжал и его можно сопоставить с легкой конницей. На изображениях всадники-лучники хунну чаще всего показаны в обычной одежде и головных уборах [Худяков, 1986. Рис. 12]. Во второй набор, помимо стрелкового и короткоклинкового оружия, входит копье, меч, панцирь, шлем, и его можно соотнести со средней конницей. Защитными средствами у хунну обладал не только командный состав, но и целые подразделения войска, которые китайские письменные источники называют «латной» конницей и упоминают отряды воинов, «одетых в латы» [Материалы по истории сюнну..., 1968. С. 34; 1973. С. 5, 128].

Можно предположить, что командиры латной конницы хунну, бывшие представителями знати, использовали лучшие доспехи из железных панцирей покроя халат и закрытых шлемов (см. рис. 6). Рядовые хуннские латники могли иметь железные панцири покроя кираса и шлемы-венцы (рис. 7). Однако часть из них, видимо, применяла кирасы и пончо из рога, возможно и из кожи, а также деревянные щиты. Должный уровень развития оборонительных средств и позволил хунну сформировать самостоятельные подразделения средней конницы.

Тактика боя хунну базировалась на массированном обстреле противника с дальней дистанции. Его могла вести не только легкая, но и средняя конница. Отряды всадников старались окружить врага, измотать его, нанести большие потери, расстреливая из луков, а затем принудить к капитуляции. Китайские династийные летописи описывают десятки подобных сражений [Материалы по истории сюнну..., 1968. С. 41, 51, 53, 59, 61, 66, 71, 99, 101, 105, 110; 1973. С. 18, 19, 59, 113]. Ближний бой хунну использовали редко, обычно в критической ситуации, и здесь главная роль переходила к конным латникам.

Рис. 7. Рядовой воин латной конницы хунну, II в. до н.э. – I в. н.э.
(реконструкция В.В. Горбунова, рисунок О.С. Лихачевой)

Fig. 7. An ordinary warrior of the Hunnu armored cavalry, II century BC – I century AD
(reconstruction by V.V. Gorbunov, drawing by O.S. Likhacheva)

В 124 г. до н.э. с таким отрядом прорвал окружение ханьских войск правый сянь-ван, а в 119 г. до н.э. отряд в несколько сот всадников пробился через китайские боевые порядки вместе с шаньюем [Материалы по истории сюнну..., 1968. С. 52, 54, 83, 91]. Известен случай (90 г. до н.э.), когда ночью хунну выкопали перед фронтом китайской армии ров, а сами стремительно атаковали врага с тыла, что принесло им полную победу [Материалы по истории сюнну..., 1973. С. 21]. Император династии Хань, говоря о заслугах своего военачальника сильной конницы Хо Цюй-бина (121 г. до н.э.) отметил, что он «в рукопашных боях убил князя Чжэлань, обезглавил князя Луху, уничтожил всех их латников» [Материалы по истории сюнну..., 1968. С. 87]. Тем не менее, средняя конница хунну могла успешно противостоять ханьской кавалерии, что признавали и сами китайцы: «Когда на открытом месте сталкиваются искусные всадники, скрещиваются мечи и летят стрелы, а победа определяется в течении короткого времени, варвары имеют преимущество перед Срединным государством» [Материалы по истории сюнну..., 1973. С. 92].

В целом тактика хунну говорит о том, что их средняя конница еще не обладала достаточной пробивной силой, особенно в противостоянии с китайской пехотой, вооруженной копьями, алебардами, щитами и арбалетами [Материалы по истории сюнну..., 1973. С. 111, 129]. Исход сражения чаще определялся искусным маневрированием и дистанционным боем. Лишь сменившие хунну на просторах Центральной Азии сяньби смогли создать более совершенные доспехи для тяжелой конницы и новую тактику таранного удара, принесшую им победу над китайскими армиями. Однако хуннский опыт, безусловно, оказался полезен для последующего развития оборонительного вооружения номадов.

Список литературы

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 80–199.

Горбунов В. В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 47–55.

Горбунов В. В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 200–223.

Горбунов В. В. Этнокультурные признаки в оформлении железных пластин ламеллярного доспеха // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Вып. 231. С. 78–87.

Горбунов В. В., Лихачева О. С. Средства корпусной защиты у ранних кочевников Монголии (вещественные и изобразительные источники) // Евразия в неолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2022. С. 403–406.

Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 149–179.

Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб.: Атлант., 2003. 336 с.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995. 287 с.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / предисл., пер. и прим. В. С. Таскина. М.: Наука, 1968. 177 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2 / предисл., пер. и прим. В.С. Таскина. М.: Наука, 1973. 171 с.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. 233 с.

Рец К. И., Юй Су-Хуа К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 42–55.

Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю. С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 107–148.

Худяков Ю. С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2003. 202 с.

Худяков Ю. С. Свистящие стрелы Маодуня: военное дело хунну. СПб.: Евразия, 2021. 192 с.

Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа Закономерности и парадоксы развития оружия номадов Центральной Азии (сравнительный анализ ком-

плексов вооружения хунну и сяньби) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3: Парадоксы археологии. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 181–194.

Бай Жонцзинь Реконструкция комплекта железных доспехов из ханьской гробницы в северных окрестностях Сианя // Каогу. 1998. №3. С. 79–89. (на кит. яз.).

Реставрация железных доспехов из гробницы принца Ци династии Западная Хань (Муниципальный музей Цзыбо, Шаньдун и др.) // Каогу. 1987. №11. С. 1032–1046. (на кит. яз.).

Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т., Мижиддорж Э., Олгирбаяр С., Батболд Н., Галбадрах Б., Маратхаан А. и др. Балгасын тал дахь Гол Мод-2-ын хуннугийн язгууртны булшны судалгаа [Исследование элитных погребений хунну на Гол Мод-2 в Балгасын тал]. Улаанбаатар: Улаанбаатарын Их Сургуулийн, 2015. 257 с. (на монг. яз.).

References

Bai Zhongjin Reconstruction of a suit of Iron Armor from a Han Tomb in the Northern Suburb of Xi'an. Kaogu, 1998, No. 3, pp. 79–89. (In Chin.).

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Military xianbei States of Northern China IV–VI centuries AD. In: The military art of Central Asian nomadic xianbei in the era. Novosibirsk: NGU Publ., 2005, pp. 80–199. (In Russ.).

Gorbunov V. V. Armours of the Early Iron Age in Altai. In: Results of the study of the Scythian epoch of Altai and adjacent territories. Barnaul: Altai State University Publ., 1999, pp. 47–55. (In Russ.).

Gorbunov V. V. Xianbei armor. In: The military art of Central Asian nomadic xianbei in the era. Novosibirsk: NGU Publ., 2005. pp. 200–223. (In Russ.).

Gorbunov V. V. Ethno-cultural features in the fashioning of iron plates for lamellar armour. In: Brief reports of the Institute of Archaeology, 2013, iss. 231, pp. 78–87. (In Russ.).

Gorbunov V. V., Likhacheva O. S. Body protection equipment of the early nomads of Mongolia (material and pictorial sources). In: Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies). SPb.: Institute for the History of Material Culture RAS Publ., 2022, pp. 403–406. (In Russ.).

Gorelik M. V. Armour of the steppe zone of Eurasia and the adjacent territories in the first Millennium AD. In: The military population of the

South of Siberia and the Far East. Novosibirsk: Nauka Publ., 1993, pp. 149–179. (In Russ.).

Gorelik M. V. Weapons of the ancient East (IV millennium – IV century BC). SPb.: Atlant, Publ., 2003, 336 p. (In Russ.).

Davydova A. V. Ivolginsky archaeological complex. Vol. 1: Ivolginsky settlement. SPb.: Fond «AziatIKA» Publ., 1995, 282 p. (In Russ.).

Erdenebaatar D., Iderkhangai T., Mijiddorj E., Orgilbayar S., Batbold N., Galbadrakh B., Maratkhaan A. Balgasyn tal dakhi Gol Mod-2-n khunnugyin iazguurtny bulshny sudalgaa [Investigation of xiongnu elite burials Gol Mod-2 at Balgasyn tal]. Ulaanbaatar: Ulaanbaatar University, 2015, 257 p. (In Mongolian).

Khudyakov Yu. S. Weapons of medieval nomads of South Siberia and Central Asia. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986, 268 p. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S. Evolution of the compound bow among the nomads of Central Asia. In: Military affairs of the population of the South of Siberia and the Far East. Novosibirsk: Nauka Publ., 1993, pp. 107–148. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S. Armour of Central Asian nomads. Novosibirsk: NGU Publ., 2003, 202 p. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S. Whistling arrows of Maodun: the military affairs of the Hunnu. SPb.: Eurasia Publ., 2021, 192 p. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S., Yui Su-Khua Patterns and paradoxes of the development of weapons of the Nomads of Central Asia (comparative analysis of the Hunnu and Xianbi armament complexes). In: Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations. Issue 3: Paradoxes of archaeology. Novosibirsk: NGU Publ., 2004, pp. 181–194. (In Russ.).

Kononov P. B. Huns in Transbaikalia (Funerary monument). Ulan-Ude: Buryat Publ., 1976, 221 p. (In Russ.).

Materials on the history of sünnu (Chinese sources). Preface, translation and notes V. S. Tuskin, Moscow: Nauka Publ., 1968, 177 p. (In Russ.).

Materials on the history of sünnu (Chinese sources). Issue 2. Preface, translation and notes V. S. Tuskin, Moscow: Nauka Publ., 1973, 171 p. (In Russ.).

Minyaev S. S. Dyrestuysky burial ground. SPb.: Philological faculty SPbGU Publ., 2007, 233 p. (In Russ.).

Restoration of the iron armor from the Tomb of Prince of Qi of the Western Han Dynasty (The Municipal Museum of Zibo, Shandong and others). Kaogu, 1987, No. 11, pp. 1032–1046. (In Chin.).

Rez K. I., Yui Su-Khua To the question of the defensive armament of the Hunnu and Xianbi. In: Eurasia: the cultural heritage of ancient civ-

ilizations. Issue 2: Horizons of Eurasia. Novosibirsk: NGU Publ., 1999, pp. 48–55. (In Russ.).

Rudenko S. I. The culture of the Huns and mounds noinuli. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 1962, 206 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию

Received

28.07.2023

Сведения об авторах / About Authors

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (пр-т Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия); vadingorbunov67@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4772-6373

Vadim V. Gorbunov, Doctor of History, Professor of Department of Archaeology, Ethnography and Museology in Altai State University (Lenin Ave. 61, Barnaul, 656049, Russia); vadingorbunov67@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4772-6373

Ольга Сергеевна Лихачева, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (пр-т Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия); lihaolga@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3223-7841

Olga S. Likhacheva, PhD in History, Senior Lecturer of Department of Archaeology, Ethnography and Museology in Altai State University (Lenin Ave. 61, Barnaul, 656049, Russia); lihaolga@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3223-7841

Военное дело сяньбийцев Туюйхунь

Б. А. Илюшин

Лаборатория гуманитарных исследований НГУ

Аннотация

В статье анализируются сведения китайских династических хроник о военном деле и вооружённых силах сяньбийского протогосударства Туюйхунь (Тогон), существовавшего в районе оз. Кукунор в Северо-Восточном Тибете в 313–663 гг. В ходе работы были выявлены и проанализированы эпизоды военной истории Тогона, запечатлённые в китайских хрониках девяти династий, включая фрагменты, ранее не переводившиеся на русский язык. Отрывочные сведения по тогонской военной истории вместе с многочисленными аналогиями из современных Тогону сяньбийских, хуннских, цянских и тангутских вожеств и государств, показывают, что тогонское военное искусство соответствовало уровню соседних этнических групп и эволюционировало в том же направлении. В статье учитываются особенности военного дела предшествовавшего переселению на Кукунор периода, его эволюция в сторону создания «абсолютного» доспеха для всадника и коня, рассматривается возможное место в этом процессе Тогона. Письменные источники позволяют делать общие выводы о структуре тогонских вооружённых сил, оружейном комплексе, некоторых тактических приёмах. При отсутствии твёрдо установленных археологических памятников Тогона периода независимо более конкретные выводы пока невозможны. Для лучшего понимания места Тогона в военной истории региона приведён список всех известных её эпизодов. Относительно долгое существование этого политического образования, его важная роль в международной торговле и политике могут свидетельствовать о сравнительно высокой боеспособности тогонских сяньбийцев.

Ключевые слова

Военная история, военное дело, Кукунор, сяньби, Туюйхунь, Тогон.

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021). Выражаю благодарность А.М. Пастухову за перевод части фрагментов китайских хроник.

Для цитирования

Илюшин Б. А. Военное дело сяньбийцев Туюйхунь // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. С. 75–98.
DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-75-98

Warfare of the Xianbei Tuyuhun

Boris A. Ilushin

*PhD in History, Junior Researcher at the Laboratory
of Humanities at the Novosibirsk State University*

Abstract

The article analyzes information from Chinese dynastic chronicles about warfare and the armed forces of the Xianbei proto-state of Tuyuhun (Togon), which existed in the area of Kukunor lake in Northeastern Tibet in 313–663. In the course of the study we identified and analyzed episodes of the military history of Togon, that captured in the Chinese chronicles of nine dynasties (including fragments that had not previously been translated into Russian). Fragmentary information on the Togonian military history with numerous analogies from the Xianbei, Xiongnu, Qiang and Tangut chiefdoms and states (contemporary with Togon), show that the Togonian warfare corresponded to the level of neighboring ethnic groups and evolved in the same trend. The article takes into account the specificity of warfare of the period preceding the resettlement to Kukunor, its evolution towards the creation of "absolute" armor for the rider and horse, and considers the possible place in this process of Togon. Written sources make it possible to draw general conclusions about the structure of the Togonian armed forces, the weapons complex, and some tactical methods. In the absence of firmly established archaeological sites of Togon from the period of independence, more specific conclusions are not yet possible. For a better understanding of the place of Togon in the military history of the region, we have given a list of all its known episodes. The relatively long existence of this political formation, its important role in international trade and politics may indicate the relatively high combat capability of the Togon Xianbeis.

Keywords

Military history, warfare, Kukunor, Xianbei, Tuyuhun, Togon.

Funding

The work was carried out as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021). I express my gratitude to A.M. Pastukhov for translating some fragments of Chinese chronicles.

For citation

Ilushin B. A. Warfare of the Xianbei Tuyuhun // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. P. 76–98.
DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-76-98

Введение

Чуть менее двух десятилетий назад в российской историографии наблюдался некоторый всплеск интереса к военному делу кочевых

народов сяньбийской эпохи. Ю.С. Худяковым и при его активном участии были написаны несколько работ по частным и общим вопросам сяньбийского военного искусства. В последующие годы вышло ещё несколько оружейно-исторических работ по сяньбийскому периоду [Бобров, Худяков, 2005. С. 80–200; Горбунов, 2018. С. 35–38; Горбунов, 2005. С. 201–224; Худяков, 2005. С. 19–55; Худяков, Юй Су-Хуа, 2005. С. 7–18]. Тем не менее, данная тематика, как и сяньбийская эпоха в целом, так и не привлекла значительного интереса кочевниковедов и синологов. В данной статье мы рассматриваем военное дело одной из сяньбийских (древнемонгольских) этнических групп, обосновавшейся в начале IV в. в районе оз. Кукунор в Северо-Восточном Тибете и просуществовавшей как отдельное политическое образование до 663 г. Это сяньби, принявшие в качестве этнонима и политонима имя своего предводителя – Туюйхунь (Тугухунь). В русскоязычной историографии распространён вариант Тогон [Крюков, Малявкин, Софронов, 1978. С. 28; Крюков, Малявин, Софронов, 1984. С. 73; Успенский, 1880. С. 122–123]. Для выполнения этой задачи следует рассмотреть (насколько это позволяют источники) военную организацию, численность войск, снабжение, вооружение, стратегию и тактику туюйхуней.

Исследование базируется на китайских письменных источниках, представленных так называемыми династийными историями. Владению Туюйхунь посвящены цзюани («главы») в историях династий Вэй («Вэй шу», цз. 101), Лю-Сун («Сун шу», цз. 96), Южная Лян («Лян шу», цз. 54), Северная Чжоу («Чжоу шу», цз. 50), Суй («Суй шу», цз. 83), Цзинь («Цзинь шу», цз. 97), Тан (цз. 198 в «Цзю Тан шу» и цз. 221а в «Синь Тан шу»), а также в компилятивном «Обозрении Тан» («Тан хуйяо», цз. 94). Все эти разделы были переведены и изданы В.С. Таскиным [Таскин, 1984]. Однако ими китайские сведения о Тогоне далеко не исчерпываются, они разбросаны по многим цзюаням династийных хроник, до сих пор не переводившихся на русский язык. Эти сведения также были нами использованы ¹.

Результаты исследований и их обсуждение

Вначале нужно обратить внимание на то, что, будучи частью этнической общности сяньбийцев, ранние тогонцы вполне могли использовать тот же самый оружейный комплекс и тактику, что и сяньби II–III вв., а они известны относительно хорошо (Рис. 1). Основной

¹ Значительная часть обнаруженных нами материалов была переведена А.М. Пастуховым.

Рис. 1. Сяньбийский и раннетогонский воин II–III вв.
 (рисунок Б.А. Илюшина и Е.А. Шерстнёва на основе реконструкции Ю.С. Худякова)
 Fig. 1. Syanbei and early Togon warrior of the 2nd–3rd centuries
 (by B.A. Ilyushin and E.A. Sherstnev, based on Yu.S. Khudyakov's reconstruction)

ударной силой сяньбийцев была конница, сведённая в отряды по 10, 100 и 1000. Основная масса конных воинов была представлена легковооружёнными лучниками, имевшими мощные сложносоставные луки и стрелы, хранившиеся в футлярах, совмещавших функции

налучья и горита. В отличие от других номадов того времени, сяньбийцы широко использовали оружие ближнего боя: длинные узкие мечи с шайбовидными наконечниками (шайб было несколько и, меняя их количество, можно было сбалансировать меч под индивидуальные качества бойца) и ладьевидными перекрестьями, однолезвийные палаши и копья с длинными, узкими, иногда гранёными или широкими и плоскими (листовидными) наконечниками [Бобров, Худяков, 2005. С. 154]. Эксперименты с приданием клинку рубяще-режущей функции предпринимались китайскими оружейниками ещё с I–II вв., и в сяньбийский период изогнутые однолезвийные клинки (сабли) использовались китайцами и «варварами», хотя и не получили широкого распространения [Бобров, Худяков, 2005. С. 120]. Богатые и знатные воины могли позволить себе металлические доспехи. Сяньбийские панцири представляли собой набранные из железных пластин ламеллярные «жилеты» со сплошным осевым разрезом, или двустворчатые кирасы с боковым разрезом, происходившие от ханьских пехотных панцирей. От последних они отличались отсутствием наплечников и меньшей длиной [Бобров, Худяков, 2005. С. 127, 176. Рис. 11]. Видимо, более распространёнными средствами защиты были гомогенные или двустворчатые кирасы из твёрдой кожи или плотная одежда. Имелось несколько типов шлемов. Специфичным видом боевых наголовий кочевников II–V вв. были панцирные венцы, составленные ламеллярным способом из узких металлических пластин [Бобров, Худяков, 2005. С. 131]. Большое распространение имели шлемы полусферической формы с трёхчастной бармицей, составленные из пластин [Бобров, Худяков, 2005. С. 137–138]. Большинство воинов пользовались наголовьями из твёрдых органических материалов. Доспехи и оружие ближнего боя в II–III в. были достоянием лишь небольшой части воинов. Поэтому тактика сяньбийцев того периода была в основном прежней – стремительные атаки конных лучников, ложные отступления, засады, т.е. дистанционный бой [Бобров, Худяков, 2005. С. 155].

Военное дело более поздних сяньби-тугухуней источники (с привлечением аналогий) позволяют охарактеризовать следующим образом.

Вероятно, как и у других кочевых народов, практически всё войско тогонцев состояло из конницы. Тогонцы обладали великолепным конным парком. Об этом говорит не только их основное занятие – кочевое скотоводство коневодческой направленности, но и восторженные отзывы китайских летописцев, о которых уже говорилось выше. Многочисленные табуны выносливых степных коней выпасались

в районах, непосредственно примыкавших к Кукунору [Таскин, 1984. С. 259].

Потенциально каждый свободный кочевник (член клана и кочевой общины) являлся воином. Ополчение собиралось для защиты от нападений соседей, набегов на них же или для установления и поддержания власти правящего клана Мужун над цянами и ди (тангутами). Помимо ополчения у правителей (шаньюев и хаганов), а также аристократов (в поздний период носивших китайские титулы *ван* и *гун*), имелись свои более-менее постоянные воинские отряды. «Личные войска» отмечены у хагана Куалюя в VI в.; видимо, это и была его «дружина» [Таскин, 1984. С. 247]. Именно нукеры составляли ядро вооружённых сил Тогона. Высокое социальное положение и доступ их нойонов к источникам доходов (транзитная торговля, право на большую часть военной добычи и её распределение, как это бывало в подобных обществах) позволяли им иметь лучшее, в сравнении с ополченцами, вооружение.

Верховным военачальником Тогона был его шаньюй или (в VI–VII вв.) хаган. Командование крупными воинскими соединениями осуществляли представители аристократии. В источниках на командных должностях фигурируют члены правящего клана Мужун, представители знатных родов с титулами *ван*. По крайней мере часть тогонской аристократии (в основном представители клана Мужун) обладали должностями и званиями, пожалованными им правителями государств, располагавшихся на территории исторического Китая. Некоторые из них китайские звания присваивали себе сами (так, Шулогань объявил себя командующим колесницами и конницей великим военачальником (*чэци да цзянцзюнь* 車騎大將軍) [Цзинь шу, цз. 97]. Вероятно, в IV–VII вв. тактическая организация тогонского войска совпадала с клановой структурой, так как источники не говорят об использовании тогонцами десятичного принципа организации, который отмечен у их предков и современных Тогону жужаней [Таскин, 1984. С. 268–269] (в обоих случаях следование ему связано со значительными общественно-политическими изменениями).

Помимо сяньбийцев в войнах под знамёнами кукунорских Мужунов участвовали как зависимые, так и союзные [Чжоу шу, цз. 49, 宕昌羌; Цзю Тан шу, цз. 61, 奚軌] племена цянов и тангутов.

Каких-либо точных сведений о численности тогонских войск у нас нет (китайские нарративы не могут считаться точным источником). Тугухунский вождь Шипи говорил послам сяньбийцев Цифу о том, что он получил в наследство от пяти предков якобы 20 тысяч натягивающих тетиву воинов [Таскин, 1984. С. 233], а Шулогань – о не-

скольких десятках тысяч воинов [Таскин, 1984. С. 234]. С учётом приблизительной численности населения Тогона в 50–100 тыс. человек² и идеальной долей боеспособного населения у кочевников в 1/5 получается 10–30 тыс. тогонского войска. Однако в реальности мобилизация столь значительной части населения вряд ли была возможной. Даже в более централизованных и сложных кочевнических государствах мобилизация носила ограниченный характер. Например, в 1251 г. для похода монгольского хана Хулагу на Иран и Ирак мобилизовано было по два воина с «десятки» [Храпачевский, 2005. С. 179; Рашид-ад-Дин, 1952. С. 279–280], остальные же оставались в монгольских землях. То же видим и в Золотой Орде: «В источниках неоднократно встречаются упоминания о ханских приказах выставить в войско по одному или два человека от каждого десятка» [Трепавлов, 2015. С. 215]. В Халхе в XVII в. на военную службу призывали 10–40 % взрослых мужчин [Бобров, Худяков, 2008. С. 554] (при населении ок. 600 тыс.). Следовательно, реальная военная сила тугухунских вождей ограничивалась приблизительно 5–10 тыс. человек, а в чрезвычайной ситуации могла достигать до 10–15 тыс. Население Китая могло выставить против тогонцев значительно большие силы, что не останавливало последних от набегов на китайские пограничные уезды.

Из вооружения у тугухуней отмечены луки, мечи, латы и пики [Таскин, 1984. С. 227, 244]. Еянь занимался с детства стрельбой из лука [Таскин, 1984. С. 217]; тогонцы вообще любили стрельбу из лука и охоту [Таскин, 1984. С. 228]. Судя по всему, как и у других кочевников, лук у тогонцев был самым массовым и основным оружием.

Нужно заметить, что в переводе Н.Я. Бичурина перечислены лук, сабли, латы и щиты [Бичурин, 1833. С. 98], а длиннодревковое оружие не упомянуто, что позволило Л.Н. Гумилёву сделать вывод об отсутствии у тогонов тактики «таранного боя» [Гумилёв, 1974. С. 32]. Однако в первоисточнике («Вэй шу») стоит фраза, включающая лук 弓 (gōng), однолезвийный клинок (саблю, палаш) 刀 (dāo) и 甲稍 (jiǎ shuò), что В.С. Таскин перевёл как «панцирь и пика». Кроме того,

² Существуют теоретические расчёты для определения численности кочевого населения. Мы используем формулу из монографии Н. Н. Крадина, основанную на работах предшественников и применённую исследователем для вычисления численности хуннов периода империи [Крадин, 2002. С. 71–79]. Площадь пригодных для скотоводства степей в современной провинции Цинхай равна 31 млн гектаров [<http://russian.china.org.cn/russian/83934.htm>]. Но исторический Тогон с Цайдамом занимают менее половины от площади провинции, значит, можно сократить цифру до 15 млн га. При площади зимников в 30 % получаем от 39 462 до 59 194 человек; если зимники занимали 50 % площади, то получается от 54 410 до 81 616 человек без учёта оседлого земледельческого населения.

археологические памятники ранних сяньби свидетельствуют о распространении длиннодревкового оружия и у будущих тугухуней. Как пояснил нам повторно переводивший этот отрывок А.М. Пастухов, термин *шо* 稍 подразумевает длиннодревковое оружие всадника, пику с длинным древком.

Когда император Суй Ян Цзянь (581–604) послал против Куалюя армию, тот выслал ей навстречу все имеющиеся войска, и «от г. Миньтоу до г. Шудунь протянулась непрерывная лента одетых в латы всадников» [Таскин, 1984. С. 247]. В другом месте в описании этих же событий фигурируют тогонские «железные всадники» (*теци* 鐵騎) [Суй шу, цз. 40, 元諧]. В IV–V вв. стремительно утяжелился доспех воина, широко распространились конский доспех, стремяна и жёсткое седло, появились многочисленные отряды тяжёлых конников. Во второй половине IV в. тяжёлая конница становится полноценным особым родом войск, выполняющим важные задачи на поле боя. Происходило это на территории исторического Китая, что связано с рядом факторов: соединением конного парка кочевников с производственной и технической базой ремесленных центров Северного Китая, распространением жёсткого седла и стремян, целенаправленной политикой правителей [Бобров, Худяков, 2005. С. 156]. В какой степени этот процесс затронул жителей степных нагорий Северо-Восточного Тибета, сказать трудно. Вероятно, что и у тогонцев появилось какое-то количество тяжеловооружённых всадников, ведь в источниках упоминаются латники. По мнению Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова, впервые тяжеловооружённые конники появились в империи Цзинь во второй половине III века; по версии В.В. Горбунова – у сяньбийцев Мужунов в первой трети IV века [Бобров, Худяков, 2005. С. 99; Горбунов, 2018. С. 36]. Соответственно, будущие тугухуни вполне могли быть знакомы с этим новшеством.

Можно допустить, что у тогонцев имелось своё производство вооружения (по крайней мере, луков, стрел и саадачной портупеи). Для этого имелись ресурсы, поскольку горная страна была богата рудами (летописи сообщают о добыче в Тогоне меди, железа, а также золота [Таскин, 1984. С. 228, 241]). Налаживанию производства могли способствовать китайские и сиюйские (из Западного края) ремесленники, попадавшие в тогонские земли в качестве военнопленных или беглых (от закона или налогового гнета [Вэй шу, цз. 51; Суй шу, цз. 65; Чжоу шу, цз. 20, 賀蘭祥]).

Ещё одним источником поступления предметов вооружения должна была быть международная торговля, составлявшая важнейшую часть тогонской экономики (это протогосударство в IV–VI вв.

было связующим звеном между южнокитайскими империями и Западным краем) [Таскин, 1984. С. 228, 243, 257–258; Чжоу Вэйчжоу, 1985. С. 132–142].

Упоминание в источниках времён династии Суй лат и многочисленной латной конницы Тогона вполне может отражать реалии. Однако ещё в конце IV в. тогонцы постоянно терпели поражения от небольшого сяньбийского государства Западная Цинь, что могло быть, по нашему предположению, связано в том числе и с отсутствием в тот период в Тогоне значительного количества тяжеловооружённых всадников (особенно в сравнении с Цифу, использовавшими ресурсы китайских уездов).

Скорее всего, Тогон не остался в стороне от основных течений эволюции военного дела в регионе в VI–X вв. Поэтому можно предположить (и ожидать подтверждения в археологических материалах) распространение у тугухуней ранних сабель, колчанов тюркского (цилиндрообразного) и танско-китайского (узкого прямоугольного) облика, а также других предметов вооружения тех типов, что характерны для тюркских археологических памятников.

Юго-западные соседи Тогона – цяны Байлань в середине VI в. использовали не только железные доспехи, но и латы из кожи носорога (в 561 г. они преподнесли их в виде «дани» ко двору Бэй Чжоу) [Чжоу шу, цз. 49]. Как пояснил переводивший этот отрывок А.М. Пастухов, «носорожьими латами» *лицзя* часто по традиции называли прочные доспехи из бычьей кожи, хотя встречались доспехи из толстой шкуры носорога (эта традиция происходит из Юго-Восточной Азии), вероятнее всего – индийского (чей ареал ещё в XIX в. доходил на востоке до Мьянмы и кит. провинции Юньнань). Возможно, экземпляры таких экзотических доспехов могли попадать и к тогонцам.

Сведения по вооружению поздней тогонской аристократии дают артефакты из гробницы Мужуна Чжи. Научных публикаций этих материалов нам найти пока не удалось, но представления о предметах вооружения дают фото и видеоматериалы с этого археологического памятника. Среди них присутствуют концевые накладки для сложносоставного лука, остатки колчана неясного сечения (скорее всего, цилиндрического), узкого и расширяющегося с обоих концов, остатки набранного из узких пластин шлема неясной формы с навершием и втулкой, фигурка с прорисованным ламеллярным доспехом из фигурных пластин³. Наиболее ценной находкой оказался полный

³ 甘肃惊现吐谷浑王族墓葬！堆积如山的随葬品能否揭开墓主神秘身份？《祁连大墓》（上）| 中华国宝

[Электронный ресурс <https://www.youtube.com/watch?v=rICSZr3i3XU>]

металлический ламеллярный (?) панцирь. Это первый случай обнаружения в КНР доспеха эпохи Тан. Он состоит из более чем 2 тыс. металлических пластин разного размера. В танское время класть доспехи в гробницы запрещалось, но для тогонского аристократа было сделано исключение, видимо, из уважения к сяньбийским традициям. В настоящее время продолжается реставрация доспеха ⁴.

Как видно из редких описаний сражений, тогонцы стремились уходить от ударов китайских войск, обходить их с флангов и тыла, наносить неожиданные удары, но при равенстве сил или своём перевесе шли в лобовую атаку [Чжоу шу, цз. 6; цз. 29, 劉雄; Суй шу, цз. 21]. Эффективным и простым тактическим приёмом, практиковавшимся тогонцами, было окружение. Тогонские воины старались использовать особенности рельефа (холмы, возвышенности) для нанесения противнику большего ущерба в дистанционном бою [Кюнёр, 1961. С. 165; Синь Тан шу, цз. 90, 柴紹; Чжоу шу, цз. 6; 29, 劉雄].

Для остановки вражеского наступления тогонцы могли использовать естественные и искусственные преграды. Например, один тогонский вождь «поставил вдоль труднодоступных рубежей частокол более чем на 50 ли» (25–26 км), что, правда, не помогло [Таскин, 1984. С. 397–398]. Для отрыва от неприятеля тугухуни могли поджечь следом за собой траву, дабы лишить вражескую конницу корма [Таскин, 1984. С. 260].

Тогонцы имели определённые навыки обороны укреплённых городков [Таскин, 1984. С. 397–398]. Установив власть над цянами и тангутами, тогонцы должны были захватить и их крепости [Кычанов, 1997. С. 65]. В «Вэй шу» упоминается восстановление тугухунями стен в городках Таоян и Нихэ на случай табгачского нападения, а также размещение там гарнизонов [Таскин, 1984. С. 225]; располагались городки в пограничных с Китаем цянских землях и время от времени становились центрами китайской оккупационной администрации [Малявкин, 1989. С. 52–53], т.е. населены они были не тугухунями, а скорее цянами и ханьцами. Известен случай обороны тогонцами своего городка Шудунь в середине VI в. (одной из «столиц» их хагана), причём китайцы не смогли взять его штурмом, и им пришлось отойти, выманить защитников ложным бегством и только после победы в полевом бою изгоном занять город [Таскин, 1984. С. 397–398]. Как уже отмечалось выше, тогонцы строили города со стенами, но не жили в них. По-видимому, такие городки несли обо-

⁴ <https://english.news.cn/20220412/649ace9ae89b4e5ba9bfb79c319eb0f6/c.html>

ронительную функцию и, возможно, являлись символом престижа шаньюя и ноянов.

При этом, однако, тогонцы не умели брать укреплённые города и крепости. Показателен случай, когда около 557 г. тогонцы вторглись в северо-западные пределы Китая и осадили центры областей Лян, Шань и Хэ. Севшие в осаду горожане отправили просьбу о помощи соседям, и из Циньчжоу для этого выслали приказ полководцу Юю И, но тот не выступил с войском, а на вопросы подчинённых ответил, что «искусство брать штурмом [города] не является обычным достоинством варваров. Они приходят не более чем для того, чтобы ограбить приграничные пастбища. Как можно держать войско без движения под стенами города, долго осаждая его? Пограбят и, не сумев взять [город], неизбежно сами уйдут. А изнурять войско в походе тоже никуда не годится». В итоге так и вышло: пограбив оставшиеся деревни и хутора, тогонцы ушли [Чжоу шу, цз. 30, 于翼].

Кратко рассмотрим сохранившиеся в источниках эпизоды военной истории Тогона.

313 г. – переселение сяньби к Кукунору и войны с цянами и тангутами [Таскин, 1984. С. 229, 257].

317–330 гг. – подчинение соседних племён тангутов и цянов при вожде Туяне [Таскин, 1984. С. 230, 236–237].

397 г. – война Тогона с сяньбийским «царством» Западная Цинь и его поражение [Таскин, 1984. С. 98, 232–234].

Ок. 404–410 гг. – тогонские набеги на земли Западной Цинь, временно оккупированной цянами Поздней Цинь.

Ок. 409–410/412 гг. – вторая война Тогона с Западной Цинь снова окончилась поражением тогонцев [Таскин, 1984. С. 102, 234].

Ок. 409/410 г. – 410/412 г. – новый тогонский предводитель Шулогань упрочил свою власть над соседними племенами, совершил удачное нападение на Южную Лян, но продолжение войны с Западной Цинь привело к новому поражению [Таскин, 1984. С. 104–106, 234–235].

Между 410 и 414 гг. – удачное нападение тугухуней на Южную Лян [Вэй шу, цз. 126; Таскин, 1984. С. 129].

421–426 гг. – новый тогонский вождь Ачай подчинил соседних цянов и тангутов [Таскин, 1984. С. 218], а также некоторые области в Сычуани [Таскин, 1984. С. 238, 397].

Ок. 430 г. или чуть ранее – тогонские набеги на ослабевшую в войнах с соседями Западную Цинь вынудили сяньбийцев Цифу покинуть свои земли, оставив их тогонцам [Таскин, 1984. С. 239; Сун шу, цз. 5].

431 г. – переселение хуннов из Ся и их разгром тогонским шаньюем Мугуем 6 июня [Таскин, 1984. С. 219; Вэй шу, цз. 4а].

Ок. 449–451 гг. – нападение на Тогон табгачей (Северная Вэй), поражение и бегство шаньюя Мулияня в Хотан; временная оккупация тогонским войском этого княжества, походы на запад (Памир или Кашмир) и попытка привлечь к войне с Северной Вэй Южный Китай [Вэй шу, цз. 46, цз. 18; Вэй шу, цз. 51; Таскин, 1984. С. 222, 240; Бичурин, 1833. С. 82; Боровкова, 1989. С. 110; Боровкова, 2008. С. 215–216; Грумм-Гржимайло, 1926. С. 187. Прим. 1; Гумилёв, 1974. С. 178–181]. Полному разгрому тогонцев табгачами, вероятно, помешал их конфликт с княжеством Уду [Гумилёв, 1974. С. 181–182].

Середина V в. – тогонцы подчинили княжества Шаньшань и Цемо на юго-востоке Западного края после их разорения хуннами и табгачами [Боровкова, 1989. С. 110; Боровкова, 1992. С. 57; Боровкова, 2008. С. 215–216].

4 июля ~ 2 августа 460 г. – новое вторжение в Тогон табгачей. В результате поражений тогонцы признали сюзеренитет Северной Вэй. В стране случился голод [Таскин, 1984. С. 223; Вэй шу, цз. 5].

Между 465 и 471 гг. – попытка тогонцев вмешаться в дела данчанов (цянов) пресечена табгачами. Удачный контрудар данчанов по Тогону [Таскин, 1984. С. 394–395; Вэй шу, цз. 27, 次子長子長子三子 穆亮].

29 декабря 469 ~ 18 января 470 гг. – в преддверии нового вторжения табгачам подчинились кочевья тогонского вождя Байян Дидухана [Вэй шу, цз. 6].

23 или 30 мая 470 г. – табгачи разгромили тогонцев у горы Маньтоу; Шиинь бежал, часть тогонцев сдалась табгачам [Вэй шу, цз. 6].

473 г. – сильный город в Тогоне и окрестных владениях, вынудивший Шииня пограбить пограничье Тоба Вэй, что вызвало ответное табгачское вторжение [Таскин, 1984. С. 224; Вэй шу, цз. 7а, 51].

После 473 г. – мелкие набеги тогонцев на пограничные уезды Вэй [Таскин, 1984. С. 224].

470-е – 480-е гг. – тогонцы «выражают покорность» императору Вэй; о набегах не сообщается.

Начало 490-х гг. – неудачные для тогонцев боестолкновения с табгачами.

16 июня 491 г. – табгачи без боя захватили тогонские укрепленные городки Таоян и Нихэ; пленных отпустили; тогонский правитель Фуляньчоу признал старшинство вэйского императора [Таскин, 1984. С. 225; Вэй шу, цз. 76], но поддерживал отношения с южными китайцами [Таскин, 1984. С. 243].

490-е – 500-е гг. – Фуляньчоу подчинил «северных и западных варваров» [Таскин, 1984. С. 226; Лоян целань цзи, цз. 5].

Между 500 и 515 гг. – новое обострение между тогонцами и данчанами; последних поддерживали табгачи [Таскин, 1984. С. 226].

Начало VI в. – Западный край контролируют яда (эфталиты?), тугухуни и жужани [Таскин, 1984. С. 405].

13 октября ~ 11 ноября 524 г. – «карательный поход» тогонцев на бунтующую область Лянчжоу (Северная Вэй) по просьбе её управляющего, разгром повстанцев и союзных им цянов.

Ноябрь 525 г. – повторный поход тогонцев против «бунтовщиков» [Вэй шу, цз. 9; цз. 32, 高真; Таскин, 1984. С. 226–227].

После 525 г. – в связи с кризисом империи Вэй тугухуни вернули независимость [Таскин, 1984. С. 226–227].

531–532 гг. – набеги тугухуней хагана Куалюя на Северную Вэй и ответный поход вэйцев [Вэй шу, цз. 11; Таскин, 1984. С. 245].

29 апреля ~ 27 мая 534 г. – данчаны и тогонцы, пользуясь кризисом в Северной Вэй, разграбили Цзинчэн [Чжоу шу, цз. 1; цз. 49, 宕昌羌]. Дальнейшие набеги на Западную Вэй [Чжоу шу, цз. 25].

540 г. – тогонское посольство через Жужань прибыло ко двору императора Восточной Вэй. Заключение военного союза против Западной Вэй [Бичурин, 1833. С. 85; Таскин, 1984. С. 228].

540-е гг. – тугухуни «сильны и могущественны» и часто вторгаются в пограничные уезды Западной Вэй [Чжоу шу, цз. 46].

29 апреля ~ 27 мая 553 г. – поход вэйских войск к Кукунору и просьба тугухуней о мире [Чжоу шу, цз. 2].

555 г. – восставшие цяны совместно с тогонцами разоряют китайские поселения [Чжоу шу, цз. 15]; нападение на Тогон тюрков и западновэйских войск, поражение Куалюя [Таскин, 1984. С. 245, 397–398].

556 г. – ответные нападения тогонцев на всё западное пограничье [Бичурин, 1833. С. 85].

Ок. 559 г. – нападение войск Северной Чжоу (сменившей Западную Вэй) на тогонцев.

24 марта ~ 22 апреля 559 г. – вторжение тогонцев в Лянчжоу отбито чжоускими войсками [Чжоу шу, цз. 4; 20, 賀蘭祥; 30, 于翼; Суй шу, цз. 8; Таскин, 1984. С. 245].

11 апреля ~ 10 мая 560 г. – тугухуни грабят пограничные уезды Чжоу, но Куалюй пытается договориться с Чжоу о мире [Чжоу шу, цз. 4].

564 г. – данчаны совместно с тогонцами разоряют китайские уезды [Чжоу шу, цз. 49, 宕昌羌].

между 19 января 573 и 6 февраля 574 гг. – Куалюй возобновил набеги на империю Чжоу [Суй шу, цз. 23].

10 сентября 576 г. – поход на Тогон наследного принца Юя достиг Фусычэна, Куалюй бежал [Чжоу шу, цз. 6; Чжоу шу, цз. 29, 劉雄; Таскин, 1984. С. 245].

4 февраля ~ 4 марта 577 г. – тогонцы разграбили пограничные уезды Чжоу [Суй шу, цз. 23; Чжоу шу, цз. 6].

30 июня 581 г. – тогонцы и тюрки разбиты в Лянчжоу Доу Жунди [Суй шу, цз. 1; Суй шу, цз. 53; Таскин, 1984. С. 247].

18 сентября 581 г. – мощное китайское войско выступило против Тогона. Последующий разгром Куалюя и тогонских вождей. Вождь Ицыпоу назначен китайцами Хэнань-ваном и правителем Тогона [Суй шу, цз. 40, 元諧; Суй шу, цз. 1; Таскин, 1984. С. 247].

29 апреля 583 г. – тогонцы напали на Линьтао [Суй шу, цз. 1].

Июль 583 г. – тогонское войско разбито Лян Юанем; запрос Куалюя о мире [Суй шу, цз. 1].

589 г. – объединение Китая Ян Цзянем и демонстрация императором военной мощи на северо-западных рубежах. Прекращение тогонских набегов [Суй шу, цз. 24; Таскин, 1984. С. 249].

Конец лета – начало осени 608 г. – нападение на Тогон племён телэ по подстрекательству императора Ян-ди, поражение Фуюня от телэ и китайцев, ударивших с востока [Суй шу, цз. 67, 裴矩; цз. 29; 63; Суй шу, цз. 3; 61; Таскин, 1984. С. 250, 258].

608 г. (?) – вероятный набег на Тогон западных тюрков по подстрекательству императора [Суй шу, цз. 84, 西突厥; Бичурин, 1950. С. 281; Гумилёв, 1967. С. 144–145].

609 г. – крупномасштабное вторжение в Тогон китайских войск под командованием императора. Разгром тогонцев и бегство хагана Фуюня к дансянам. Учреждение на тогонских землях имперских административных единиц. Подчинение империи Шаньшани и Цемо [Суй шу, цз. 3; 64; Материалы, 1980. С. 112, 226; Таскин, 1984. С. 252; Чжоу Вэйчжоу, 1985. С. 70–74].

617 г. – пользуясь падением династии Суй, Фуюнь со своими людьми вернулся к Кукунору [Таскин, 1984. С. 250, 252].

620 г. – дансяны совместно с тогонцами грабят китайское пограничье [Цзю Тан шу, цз. 61, 竇軌].

Август 621 г. – тогонцы и дансяны напали на Таочжоу и Миньчжоу (Сычуань), но разбиты Чай Шао [Кюнер, 1961. С. 165; Синь Тан шу, цз. 88, 馬三寶; цз. 90, 柴紹].

Июль 622 г. – тугухуни ограбили три области (чжоу) – Тао, Сюй и Де [Синь Тан шу, цз. 1].

Сентябрь 622 г. – тугухуни разграбили Миньчжоу, Ичжоу и Та-очжоу [Синь Тан шу, цз. 1].

18 июня 623 г. – тугухуни и дансяны разграбили Хэчжоу и имели бой с войском Лу Шиляна [Синь Тан шу, цз. 1].

19 сентября 624 г. – тугухуни разорили Шаньчжоу и разгромили войско Пэн Уцзе [Синь Тан шу, цз. 1].

Сентябрь – октябрь (?) 626 г. – нападение тогонцев на Шаньчжоу [Кюнэр, 1961. С. 165].

15 февраля 628 г. – тогонцы напали на Ланчжоу, Кочжоу и Миньчжоу, но были побиты китайским войском [Синь Тан шу, цз. 2; Таскин, 1984. С. 259].

После 628 г. – удачное нападение китайского войска на Тогон [Таскин, 1984. С. 252–253].

Лето и 28 ноября 634 г. – тогонские набеги на Лянчжоу [Синь Тан шу, цз. 2; Цзю Тан шу, цз. 3].

16 декабря 634 г. – захват тогонцами придворного церемониймейстера империи Тан Чжао Дэкая [Синь Тан шу, цз. 2].

Декабрь 634 г. – начало подготовки большого китайского похода на Тогон [Синь Тан шу, цз. 2; Таскин, 1984. С. 259].

Февраль 635 г. – выступление дансянов и цянов против империи.

6 апреля 635 г. – убийство цянами и дансянами китайского *цзыши* и попытка их объединения с тогонцами [Синь Тан шу, ц. 2; Малявкин, 1992. С. 20; Таскин, 1984. С. 259].

23 апреля ~ 21 мая 635 г. – начало китайского похода на Тогон [Цзю Тан шу, цз. 3, 62]; тогонцы отступают [Таскин, 1984. С. 253–254, 260].

7 июля 635 г. – разгром ещё одного тогонского войска.

Май – июль 635 г. – продолжение похода вглубь тогонских земель. Новые поражения тогонцев. Бегство и смерть Фуюня [Синь Тан шу, цз. 2; Таскин, 1984. С. 253, 254, 260, 261].

635–663 г. – хаганство Нохэбо. Тогон – вассал империи Тан.

После 650 г. (?) – нападения тибетцев на Тогон после отказа императора в выдаче за цэнпо принцессы якобы из-за интриг тогонских послов [Малявкин, 1992. С. 17–18; Тибетская летопись, 1961. С. 49].

Ок. 658 г. – бегство к тибетцам тогонского «министра» Сухэгуя. Признание Нохэбо имперского подданства [Малявкин, 1992. С. 24; Таскин, 1984. С. 262].

659 г. – битва при Чёрном озере (Цхо-наг) между тибетцами и тогонцами [Восточный Туркестан, 1992. С. 158; Annales, 1940–1946. P. 14, 31–32].

13 мая ~ 10 июня или 11 июля ~ 8 августа 663 г. – бегство Нохэбо и части тогонцев на северо-восток, в пределы империи от тибетцев.

Конец Тогона [Синь Тан шу, цз. 3; Цзю Тан шу, цз. 5; Малявкин, 1992. С. 24].

Как видим, противостоять войскам Северной Вэй, а тем более общекитайских империй Суй и Тан тогонцы не могли. Наиболее вероятная причина – значительный численный перевес табгачей и китайцев. Военное преобладание Западной Цинь также можно объяснить наличием в составе её войск многочисленной вспомогательной китайской пехоты, а также более мощный промышленный потенциал. Тем не менее, в итоге победа осталась за Тогоном. С другой стороны, тогонцы имели явный военный перевес над государствами Западного края. Объясняется это тремя основными факторами [Хазанов, 2008. С. 14–15]: 1) относительная многочисленность войска, которое могло состоять из всех дееспособных мужчин (1/10–1/5 населения), которые могли без ущерба для хозяйства быть от него оторваны на некоторое время, 2) многочисленная хорошая конница (в то время как у оседлых конница, как правило, малочисленна), 3) сравнительно хорошая подготовка войска, состоявшего из людей, с детства привыкших обращаться с лошадью, стрелять из лука, работать арканом и участвовать в облавных охотах [Таскин, 1984. С. 218, 228, 232, 244], технически и тактически схожих с традиционным военным делом кочевников. Иными словами, кочевники выставляли многочисленное хорошо подготовленное конное войско против большей частью пеших войск, состоявших из немногочисленных профессионалов и многочисленного малоэффективного ополчения. Ещё проще тогонцам было установить свою власть над соседними племенами цянов и тангутов, поскольку у тех отсутствовала сколько-нибудь серьёзная надлокальная военно-политическая организация, а также «были сильны в горных ущельях и слабы на равнине; не были способны к длительному сопротивлению и предпочитали внезапные нападения» [Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров, 1978. С. 76]. В тех же случаях, когда каким-то племенам цянов удавалось выстроить устойчивую организацию, тогонцы испытывали сложность с их подчинением (как было с данчанами).

Быстрый и окончательный разгром тогонцев тибетцами и присоединение региона Кукунора к Великому Тибету стало следствием значительных потерь тогонцев в войнах с династиями Суй и Тан (особенно от вторжений 609 и 635 гг.), а также отсутствия у имперского правительства внешнеполитической прозорливости, из-за чего империя Тан вовремя не оказала помощи своему вассалу – Тогону – в начавшейся войне из-за недооценки тибетской угрозы.

Заключение

Мы рассмотрели военное дело сяньбийского протогосударства Тогон (Туюйхунь), существовавшего в период интенсивных войн между разными этническими группами на территории Северного Китая и связанного с этим бурного развития военного дела, вооружения, тактики и стратегии. Как мы показали, военное искусство тогонцев было схоже с таковым у других этнических групп сяньбийского происхождения. Несмотря на сравнительную малочисленность населения и ограниченность материально-технической базы, тогонцы сумели в течении 350 лет сохраняться как отдельное государственное образование. Военные возможности позволяли тогонским шаньюям и хаганам оставаться на протяжении всего этого времени верховными вождями единого протогосударства, контролировать важнейший отрезок торговых путей, связывавших Южный Китай с западными странами до конца VI в., подчинять часть соседних племён цянов и тангутов, а также противостоять сильным соседним государствам, хотя последнее чаще оканчивалось военным поражением и признанием вассалитета.

Тогонское войско, включавшее сяньбийцев, а также цянов и тангутов из подчинённых им племён, состояло из лёгкой и тяжёлой конницы. Тактическая организация войска, вероятно, совпадала с племенными структурами, поскольку десятичная организация у тугухуней нигде не упоминается. Ядром войска были дружины («личные войска») правителя и глав аристократических семейств. В случае большой войны и для набегов на соседей могло собираться ополчение из всех свободных кочевников, сравнительно хорошо владевших необходимыми навыками конной езды, стрельбы из лука, совместных действий и манёвров в следствие постоянных занятий скотоводством и охотой. Численность тогонского войска могла достигать до 10–15 тыс. человек. Рядовые кочевники были вооружены в первую очередь луками. Для ближнего боя могли использоваться копья, палаши, слабоизогнутые сабли. Состоятельные воины, нукеры правителей и аристократов, судя по скудным свидетельствам и аналогиям IV–VII вв., имели защитное снаряжение: ламеллярные, ламинарные металлические пластинчатые доспехи, шлемы разнообразной формы, щиты, доспехи для коней. На данный момент более определённых сведений о тогонском оружейном комплексе нет по причине отсутствия представительного археологического материала и, более того, отсутствия твёрдо датированных и идентифицированных тогонских памятников. Однако сравнительно долгая и богатая на военные со-

бытия история владения Тууюхунь позволяет надеяться на обнаружение таковых в будущем.

Список литературы

Бичурин Н. Я. (о. Иакинф) История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р. Х. до 1227 года по Р. Х. с картою на разные периоды сей истории. Переведено с китайского монахом Иакинфом Бичуриным. Ч. 1–2. СПб., 1833. 259+223 с.

Бичурин Н. Я. (о. Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 381 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.) / Под ред. В. П. Никонорова. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2008. 774 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 80–200.

Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.: Наука, 1989. 181 с.

Боровкова Л. А. Народы Средней Азии III–VI веков (по древним китайским и западным источникам). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. 368 с.

Боровкова Л. А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским историям). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1992. 184 с.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии / под ред. Б. А. Литвинова. М.: Наука, 1992. 687 с.

Горбунов В. В. Роль тяжёлой конницы в войнах периода «У ху шилю го» (304–439 гг.) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы IX междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 10–14 сент. 2018 г.) / отв. ред. акад. РАН Б.В. Базаров, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. Т. 2. С. 35–38.

Горбунов В. В. Сяньбийский доспех // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 201–224.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. 898 с.

Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.

Гумилёв Л. Н. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами III–VI вв. М.: Наука, 1974. 260 с.

Крадин Н. Н. Империя хунну. М.: Логос, 2002. 312 с.

Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. 342 с.

Крюков М. В., Малявкин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 327 с.

Крюков М. В., Малявкин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984. 335 с.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.

Кюнёр Н. В. Китайские сведения о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 391 с.

Малявкин А. Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск: Наука, 1992. 288 с.

Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1989. 432 с.

Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье (разделы «Ши хо чжи» из династийных историй) // пер. А. А. Бокщанина и Лин Кюнъи, ред., комм. А. А. Бокщанина. М.: Наука, 1980. 256 с.

Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 486 с.

Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.

Успенский В. М. Страна Кукэ-нор или Цин-хай. С прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историею Кукэ-нора // Зап. имп. рус. геогр. об-ва по отд-нию этнографии. СПб., 1880. Т. 6. С. 59–196.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2008. 512 с.

Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 557 с.

Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских номадов в II–V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 19–55.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 7–18.

Чжоу Вэйчжоу. Туюйхунь ши [История Туюйхунь]. Иньчуань: Нар. изд-во Нинся, 1985. 254 С. 周伟洲。吐谷浑史。银川：宁夏人民出版社. [на кит. языке].

Список источников

Annales (650–747) / par J. Bacot et F.-W. Thomas // Bacot J., Thomas W.F., Toussaint Ch. Documents de Touen-Houang. Relatifs A L'Histoire Du Tibet. Paris, 1940–1946. P. 7–75 [на англ. яз.].

Вэй Чжэн. Суй шу (Книга Суй) [электронный ресурс] // <https://zh.wikisource.org/wiki/隋書> (дата обращения: 22.03.2023). [на кит. яз.]

Вэй Шоу. Вэй шу (Книга Вэй) [электронный ресурс] // <https://zh.wikisource.org/wiki/魏書> (дата обращения: 22.03.2023). [на кит. яз.]

Линху Дэфэнь. Чжоу шу (Книга Чжоу) [электронный ресурс] // <https://zh.wikisource.org/wiki/周書> (дата обращения: 22.03.2023). [на кит. яз.]

Лю Сюй. Цзю Тан шу (Старая книга Тан) [электронный ресурс] // <https://zh.wikisource.org/wiki/舊唐書> (дата обращения: 22.03.2023). [на кит. яз.]

Лоян целань цзи, цз. 5 [Электронный ресурс: <https://zh.wikisource.org/wiki/洛陽伽藍記/卷五>]

Оуян Сю. Синь Тан шу (Новая книга Тан) [электронный ресурс] // <https://zh.wikisource.org/wiki/新唐書> (дата обращения: 22.03.2023). [на кит. яз.]

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.

Тибетская летопись "Светлое зеркало царских родословных" (Глава 18) / Вступ. статья, пер. и комм. Б. И. Кузнецова. Л., 1961. 123 с.

Фан Сюаньлин. Цзинь шу (Книга Цзинь) [электронный ресурс] // <https://zh.wikisource.org/wiki/晉書> (дата обращения: 22.03.2023). [на кит. яз.]

Шань Юэ. Сун шу (книга Сун) [электронный ресурс] // <https://zh.wikisource.org/wiki/宋書> (дата обращения: 22.03.2023). [на кит. яз.]

Ян Сюань-чжи. Лоян целань цзи (Записки о монастырях Лояна) [электронный ресурс] // <https://zh.wikisource.org/wiki/洛陽伽藍記/卷五>. (дата обращения: 22.03.2023). (на кит. яз.)

Яо Сылянь. Лян шу (Книга Лян) [электронный ресурс] // <https://zh.wikisource.org/wiki/梁書> (дата обращения: 29.03.2023). [на кит. яз.]

References

Bichurin N. YA. (о. Iakinf) Istoriya Tibeta i Huhunora s 2282 goda do R. H. do 1227 goda po R. H. s kartoyu na raznye periody sej istorii. Perevedeno s kitajskogo monahom Iakinfom Bichurinym. CH. 1–2. SPb., 1833. 259+223 p. (In Russ.)

Bobrov L.A., Hudyakov YU. S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Central'noj Azii i YUzhnoj Sibiri v epohu pozdnego Srednevekov'ya i ranego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) / Pod red. V. P. Nikonorova. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2008. 774 p. (In Russ.)

Bobrov L. A., Hudyakov YU. S. Voennoe delo syan'bijskih gosudarstv Severnogo Kitaya IV–VI vv. // Voennoe delo nomadov Central'noj Azii v syan'bijskuyu epohu. Novosibirsk, 2005. Pp. 80–200. (In Russ.)

Borovkova L. A. Zapad Central'noj Azii vo II v. do n.e. – VII v. n.e. (istoriko-geograficheskij obzor po drevnekitajskim istochnikam). M.: Nauka, 1989. 181 p. (In Russ.)

Borovkova L. A. Narody Srednej Azii III–VI vekov (po drevnim kitajskim i zapadnym istochnikam). M.: Institut vostokovedeniya RAN. 2008. 368 p. (In Russ.)

Borovkova L. A. Problema mestopolozheniya carstva Gaochan (po kitajskim istoriyam). M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1992. 184 p. (In Russ.)

Chzhou Vejchzhou. Tuyujhun' shi [Istoriya Tuyujhun']. In'chuan': Narodnoe izdatel'stvo Ninsya, 1985. 254 p. 周伟洲. 吐谷浑史. 银川: 宁夏人民出版社 (in Chinese).

Gorbunov V. V. Rol' tyazhyolov konnicy v voynah perioda «U hu shilyu go» (304–439 gg.) // Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkal'skoj Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy IX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Ula-Ude, 10–14 sentyabrya 2018 g.). T. 2. / otv. red. akad. RAN B.V. Bazarov, chl.-kor. RAN N.N. Kradin. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2018. Pp. 35–38. (In Russ.)

Gorbunov V. V. Syan'bijskij dospekh // Voennoe delo nomadov Central'noj Azii v syan'bijskuyu epohu. Novosibirsk, 2005. Pp. 201–224. (In Russ.)

Grumm-Grzhimajlo G. E. Zapadnaya Mongoliya i Uryanhajskij kraj. T. 2. Istoricheskij ocherk etih stran v svyazi s istoriej Srednej Azii. L., 1926. 898 p. (In Russ.)

Gumilyov L. N. Drevnie tyurki. M.: Nauka, 1967. 504 p. (In Russ.)

Gumilyov L. N. Hunny v Kitae. Tri veka vojny Kitaya so stepnymi narodami III–VI vv. M.: Nauka, 1974. 260 p. (In Russ.)

Hazanov A. M. Kochevniki i vneshnij mir. Izdanie 4-e. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2008. 512 p. (In Russ.)

Hrapachevskij R. P. Voennaya derzhava CHingiskhana. M.: ACT: LYUKS, 2005. 557 p. (In Russ.)

Khudyakov YU.S. Vooruzhenie central'no-aziatskih nomadov v II–V vv. n.e. // Voennoe delo nomadov Central'noj Azii v syan'bijskuyu epohu. Novosibirsk, 2005. Pp. 19–55. (In Russ.)

Khudyakov YU.S., Yuj Su-Hua. Novye materialy po oruzhiyu distantsionnogo boya syan'bi // Voennoe delo nomadov Central'noj Azii v syan'bijskuyu epohu. Novosibirsk, 2005. Pp. 7–18. (In Russ.)

Kradin N. N. Imperiya hunnu. M.: Logos, 2002. 312 p. (In Russ.)

Kryukov M. V., Sofronov M. V., Cheboksarov N. N. Drevnie kitajcy: problemy etnogeneza. M.: Nauka, 1978. 342 p. (In Russ.)

Kryukov M. V., Malyavkin V. V., Sofronov M. V. Kitajskij etnos na piroge srednih vekov. M.: Nauka, 1979. 327 p. (In Russ.)

Kryukov M. V., Malyavkin V. V., Sofronov M. V. Kitajskij etnos v srednie veka (VII–XIII vv.). M.: Nauka, 1984. 335 p. (In Russ.)

Kychanov E. I. Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov. M.: Vostochnaya literatura, 1997. 320 p. (In Russ.)

Kyuner N. V. Kitajskie svedeniya o narodah YUzhnoj Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury. 1961. 391 p. (In Russ.)

Malyavkin A. G. Bor'ba Tibeta s Tanskim gosudarstvom za Kashgariyu. Novosibirsk: Nauka, 1992. 288 p. (In Russ.)

Malyavkin A. G. Istoricheskaya geografiya Central'noj Azii. Novosibirsk: 1989. 432 p. (In Russ.)

Materialy po ekonomicheskoy istorii Kitaya v rannee srednevekov'e (razdely «SHi ho chzhi» iz dinastijnyh istorij) // per. A. A. Bokshchanina i Lin Kyun'i, red., komm. A. A. Bokshchanina. M.: Nauka, 1980. 256 p. (In Russ.)

Taskin V. S. Materialy po istorii drevnih kochevyh narodov grupy dunhu. M.: Nauka, 1984. 486 p. (In Russ.)

Trepavlov V. V. Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatory. M.: Kvadriga, 2015. 368 p. (In Russ.)

Uspenskij V. M. Strana Kuke-nor ili Cin-haj. S pribavleniem kratkoj istorii ojratrov i mongolov, po izgnanii poslednih iz Kitaya, v svyazi s isto-

rieyu Kuke-nora // Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. T. 6. SPb., 1880. Pp. 59–196. (In Russ.)

Vostochnyj Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. Etnos, yazyki, religii / pod. red. B. A. Litvinova. M.: Nauka, 1992. 687 p. (In Russ.)

The list of sources

Annales (650–747) / par J. Bacot et F.-W. Thomas // Bacot J., Thomas W.F., Toussaint Ch. Documents de Touen-Houang. Relatifs A L'Histoire Du Tibet. Paris, 1940–1946. Pp. 7–75. (in French).

Vej Chzhen. Suj shu [electronic resource] // <https://zh.wikisource.org/wiki/隋書> (data obrashcheniya: 22.03.2023). (in Chinese).

Vej Shou. Vej shu [electronic resource] // <https://zh.wikisource.org/wiki/魏書> (data obrashcheniya: 22.03.2023). (in Chinese).

Linhu Defen'. Chzhou shu [electronic resource] // <https://zh.wikisource.org/wiki/周書> (data obrashcheniya: 22.03.2023). (in Chinese).

Lyu Syuj. Czyu Tan shu [electronic resource] // <https://zh.wikisource.org/wiki/舊唐書> (data obrashcheniya: 22.03.2023). (in Chinese).

Loyan celan' czi, cz. 5 [electronic resource] // <https://zh.wikisource.org/wiki/洛陽伽藍記/卷五> (in Chinese).

Ouyan Syu. Sin' Tan shu [electronic resource] // <https://zh.wikisource.org/wiki/新唐書> (data obrashcheniya: 22.03.2023). (in Chinese).

Rashid-ad-Din. Sbornik letopisej. T. 1. Kn. 2. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 315 p. (In Russ.)

Tibetskaya letopis' "Svetloe zercalo carskih rodoslovnih" (Glava 18) / Vstup. stat'ya, per. i komm. B. I. Kuznecova. L., 1961. 123 p. (In Russ.)

Fan Syuan'lin. Czin' shu [electronic resource] // <https://zh.wikisource.org/wiki/晉書> (data obrashcheniya: 22.03.2023). (in Chinese).

SHan' Yue. Sun shu [electronic resource] // <https://zh.wikisource.org/wiki/宋書> (data obrashcheniya: 22.03.2023). (in Chinese).

Yan Syuan'-chzhi. Loyan celan' czi [electronic resource] // <https://zh.wikisource.org/wiki/洛陽伽藍記/卷五>. (data obrashcheniya: 22.03.2023). (in Chinese).

Yao Sylyan'. Lyan shu [electronic resource] // <https://zh.wikisource.org/wiki/梁書> (data obrashcheniya: 29.03.2023). (in Chinese).

Материал поступил в редакцию

Received

23.05.2023

Сведения об авторе / Information about of the Author

Илюшин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия); arunta-desert@yandex.ru

Boris A. Pushin, Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher at the Laboratory of Humanities at the Novosibirsk State University, 1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation) ; arunta-desert@yandex.ru

Пластинчатые нарукавья-харабчи XIV – середины XV в. из Шушенского района Красноярского края

Л. А. Бобров¹, Ю. А. Филиппович²

^{1,2} Новосибирский государственный университет

Аннотация

В статье рассмотрены предметы защитного вооружения, происходящие из числа случайных находок с территории Шушенского района Красноярского края. В ходе проведенного исследования было установлено, что они представляют собой фрагмент корпусного панциря с пластинчатого-клепаной структурой бронирования и сегментные пластинчатые нарукавья (монг. харабчи). Последние состоят из двух больших кованых наплечников и двух сегментных лопастей по шесть пластин каждая. В собранном виде нарукавья прикрывали руку воина от плеча до локтя. Часть пластин панциря и нарукавий снабжены отверстиями для пришива-ния. Позднее доспех был пересобран, а нашивная система крепления заменена на технологически более совершенную – заклепочную. Судя по расположению заклепок, нарукавья крепились на три продольных кожаных ремня, проходивших от наплечника до последней пластины ламинарной лопасти. На основании особенностей конструкции и системы оформления защитное вооружение из Шушенского района Красноярского края может быть датировано XIV – серединой XV в. Самые ранние пластины набора, возможно, были изготовлены еще в XIII в. Владельцем доспеха, вероятно, являлся состоятельный воин из числа монголов, ойратов или енисейских кыргызов. Высокая научная ценность находки обусловлена тем фактом, что это самые ранние известные на сегодняшний день образцы центральноазиатских нарукавий-харабчи. В последней трети XIV – XVII вв. нарукавья подобной конструкции получили распространение на мусульманском Востоке, в минском Китае, государстве Хоу-Цзинь, Цинской империи, Монголии, Ойратии и Южной Сибири.

Ключевые слова

Монгольское время, енисейские кыргызы, защитное вооружение, панцирные нарукавья, харабчи.

Источник финансирования

Работа проведена в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Бобров Л. А., Филиппович Ю. А. Пластинчатые нарукавья-харабчи XIV– середины XV в. из Шушенского района Красноярского края // Universum Humanitarium. 2023. № 1. С. 99–120.
DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-99-120

Plate bracers kharabchi of 14th – mid 15th centuries from the Shushensky district of Krasnoyarsk region

100

L. A. Bobrov¹, Yu.A. Filippovich²

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with pieces of protective armor, originating from occasional findings from the territory of the Shushensky district of the Krasnoyarsk Region. The research led us to understand that these findings are a fragment of a body armor with a lamellar-riveted armor structure and segmented lamellar bracer-sleeves (Mong. kharabchi). The sleeves consist of two large forged pauldrons and two segments assembled of six plates each. When assembled, the sleeves covered the warrior's arm from shoulder to elbow. Part of the plates of the body armor and sleeves have the holes for sewing. Later, the armor was reassembled, and the sewn-on fastening system was replaced with riveted system which is much more technologically advanced. Judging by the location of the rivets, the sleeves were attached to three longitudinal leather straps that ran from the pauldron to the last plate of the laminar segment. The features of the construction and design allow to date this protective armor from the Shushensky district of the Krasnoyarsk Region to the 14th – the middle of the 14th centuries. The earliest plates of the set could have been made as early as the 13th century. The owner of the armor was probably a wealthy warrior from among the Mongols, Oirats or Yenisei Kyrgyz. The findings have the high scientific value due to the fact that they are the earliest known examples of Central Asian kharabchi sleeves known to date. In the last third of the 14th – 17th centuries this type of sleeves became widespread in the Muslim East, in the Chinese Ming empire, the state of Later Jin, the Chinese Qing Empire, Mongolia, Oiratia and South Siberia.

Keywords

Mongol period, Yenisei Kyrgyz, protective armor, bracers (sleeves), kharabchi.

Funding

The work was carried out as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation

Bobrov L. A., Filippovich Yu.A. Plate bracers kharabchi of 14th – mid 15th centuries from the Shushensky district of Krasnoyarsk region // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. P. 99-120.

DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-99-120

Введение

Исторический период, охватывающий XIII–XV вв., стал важным этапом эволюции комплекса защитного вооружения кочевников Евразии. Именно в это время сформировались наиболее технологически совершенные виды и типы боевых наголовий, корпусных панцирей и защиты конечностей, которые сохраняются в *паноплии* воинов Великой степи и их соседей вплоть до Нового времени¹.

Доспехи номадов эпохи Великих монгольских завоеваний, Монгольской империи и государств Чингизидов неоднократно привлекали внимание отечественных и зарубежных специалистов. Однако указанная проблематика была исследована весьма неравномерно. Наибольший интерес археологов и оружейников традиционно вызывали боевые наголовья и корпусные панцири, в то время как щиты, панцирные усилители и защита конечностей были изучены в значительно меньшей степени. В тех же случаях, когда речь заходила о защите рук монгольских и южносибирских воинов, объектом научного исследования обычно становились различные типы наплечников и створчатых наручей. Достаточно широкое распространение данных защитных элементов среди позднесредневековых латников региона не вызывает сомнений. Однако наплечники и наручи не были единственной формой защиты рук состоятельных воинов Центральной Азии и Южной Сибири. Длительное время с ними соседствовали и небезуспешно конкурировали сегментные пластинчатые нарукавья (монг. *харабчи*, кит. *бифу*, *бишоу*).

Особо оговорим, что здесь и далее под нарукавьем мы понимаем особую разновидность пластинчатой защиты верхних конечностей, состоящую из кованого наплечника и сегментной ламинарной лопасти (с ременным или клепано-ременным соединением), прикрывающей руку воина до локтя² или до кисти. В некоторых случаях защитная лопасть не имела отдельного выделенного наплечника и крепилась непосредственно к корпусному панцирю. В отличие от обычных ламинарных и комбинированных (ламеллярно-ламинарных) наплечников центрально- и восточноазиатского образца на-

¹ Среди оружейных новинок данного периода можно отметить пластинчато-клепаные и кольчато-пластинчатые доспехи, новые разновидности цельнокованых шлемов (в том числе с подвижными наносниками-стрелками), боевые наголовья с обычными и «коробчатыми» козырьками, мисюрки, створчатые наручи с кольчато-ременным соединением, нарукавья с клепано-ременным соединением, кольчато-пластинчатые набедренники и др.

² Самые короткие варианты нарукавий могли прикрывать лишь верхнюю часть бицепса и трицепса.

рукавья не являлись частью корпусного панциря и могли носиться с различными видами доспеха³. В целом они отличались меньшими размерами и большим изгибом составляющих их деталей, что обеспечивало всей конструкции необходимую компактность и эластичность. Кроме того, элементы нарукавий часто не связывались между собой ремешками (как на ранних образцах ламинарной брони), а наклепывались на продольные кожаные ремни, что обеспечивало функциональную эффективность, надежность и относительную технологическую простоту изделия⁴.

В настоящее время нам известно о десяти пластинчатых нарукавьях и их фрагментах, которые происходят с территории Центральной Азии и Южной Сибири и могут быть датированы периодами развитого и позднего Средневековья⁵. Вероятно, одни из самых ранних образцов подобных нарукавий были обнаружены в 2015 г. на территории Шушенского р-на Красноярского края⁶. Вместе с нарукавьями были найдены несколько десятков панцирных пластин (рис. 1; 2; 3, 1–7). Точное место и обстоятельства находки, к сожалению, не установлены.

Указанные образцы защитного вооружения ранее не публиковались и не становились объектом научного исследования.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о нарукавьях и панцирных пластинах из Шушенского района Красноярского края. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции и системы оформления указанных защитных элементов, уточнить их датировку и атрибуцию.

³ Сегментные нарукавья могли дополнять корпусные панцири с пластинчато-ременной, пластинчато-нашивной, пластинчато-клепаной и даже кольчатой и кольчатопластинчатой структурой бронирования.

⁴ По схожему пути пошли и европейские мастера XV–XVII вв. Однако западные аналоги были, как правило, заметно короче азиатских нарукавий, так как в большинстве случаев дополнялись массивными налокотниками, защитой предплечья и кисти.

⁵ К ним примыкают наплечные пластины, найденные на Абаканском железноруднике (Абаза), однако их принадлежность к нарукавьям является предметом дискуссии.

⁶ Иногда к нарукавьям также относят ламинарные пластины из погребения в местности Бек-Бике на восточном берегу оз. Сарайдин, в 7 км от с. Джангала (Западный Казахстан). К сожалению, указанные части доспеха сохранились фрагментарно. Кроме того, каждый из двух защитных элементов состоял лишь из трех пластин, то есть прикрывал только плечи воина. Таким образом, он скорее выполнял функции наплечника и, возможно, усиленных наплечных лямок, а не нарукавья [Горелик, 2002. С. 70. Рис. 15; Коровкин, 2003. С. 51. Рис. 3, 4, 5, 7, с. 52, 53, Коровкин, 2005. С. 238, 239].

Рис. 1. Нарукавья и панцирные пластины из Шушенского района Красноярского края: 1 – общий вид; 2, 3 – нарукавья; 4–6 – наплечник (4 – сечение, 5 – вид сверху и снизу, 6 – вид сбоку); 7–12 – пластины нарукавья

Fig. 1. Plate bracers and armor plates from the Shushensky district of Krasnoyarsk region: 1 – general view; 2, 3 – armbraces; 4–6 – shoulder pad (4 – section, 5 – top and bottom view, 6 – side view); 7–12 – armbraces plates

Нарукавья состоят из 14 отдельных деталей – пары массивных цельнокованых наплечников и 12 изогнутых пластин различных размеров (по шесть пластин на каждую лопасть соответственно) (рис. 1, 1–3; 3, 1–7). Как наплечники, так и пластины снабжены сквозными отверстиями, а также заклепками для крепления кожаных ремней. Вместе с нарукавьями были найдены 48 панцирных пластин от доспеха с пластинчато-клепаной структурой бронирования (рис. 1, 1; 2)⁷. Судя по количеству, размерам и форме пластин составленный из них защитный элемент мог представлять собой фрагмент корпусного панциря – нагрудник, наспинник или, менее вероятно, набедренники. В то же время мы не исключаем вариант, что в Шушенском районе был найден так называемый «оружейный клад». В последнем случае в тайник мог быть помещен разобранный доспех, в котором пластины не были приклепаны к органической основе панциря, а собраны в так называемые «пачки» или «колоды» по несколько десятков пластин в каждой. Подобная практика «оружейных кладов» имела известное распространение на территории Южной Сибири в периоды развитого и позднего Средневековья.

Панцирные нарукавья

К большому сожалению, автор находки передал детали «шушенских» нарукавий в различные музейные и частные собрания Российской Федерации. По данной причине нам удалось детально изучить лишь один из наплечников (рис. 1, 4–6; 3, 1) и три разнотипных пластины, составляющих ламинарную лопасть (рис. 1, 7–12; 3, 2, 3, 7). Рассмотрим их более подробно.

Наплечник представляет собой кованую железную (стальную?) пластину, которая в продольной плоскости имеет трапециевидную форму (рис. 1, 4, 5; 3, 1). Длинные стороны – прямые, короткие – выпуклые (рис. 1, 4, 6). Верхний край наплечника по прямой – 12,5 см (по дуге 15,0 см), нижний – 10,8 см (по дуге 12,5 см). По причине того, что наплечник ассиметричен (деформирован?), одна из его боковых сторон длиннее другой. Расстояния между крайними отверстиями по двум сторонам наплечника составляют 12,5 и 14,5 см соответственно. Максимальное расстояние между нижним и верхним краем наплечника – 15 см. В поперечной плоскости изделие выгну-

⁷ Наличие парных сквозных отверстий на некоторых пластинах (рис. 2, 3, 7, 8) свидетельствует о том, что они первоначально предназначались для бронирования пластинчато-нашивного доспеха, однако позднее нашивная система крепления была заменена на заклепочную.

тое С-образное (максимальная высота – 3,8 см) (рис. 1, 4). Основная часть наплечника имеет толщину 1 мм, от центра к краям уменьшается до 0,8 мм. Вес 132 г.

Вдоль боковых сторон наплечника пробиты 18 сквозных отверстий (по 9 с каждой стороны). В пяти из них фиксируются заклепки с округлыми шляпками. Вдоль верхнего края пластины пробиты 13 отверстий, причем 12 сгруппированы по четыре в виде трех квадратов (рис. 1, 4, 5; 3, 1). В одно из центральных отверстий у края наплечника вставлена заклепка. У противоположного края наплечной пластины пробиты семь отверстий: парные отверстия расположены по бокам, три отверстия – по центру. Наконец, одиночная заклепка вбита в центральную часть наплечника. Судя по характерному расположению заклепок и позднейшим аналогам, можно предположить, что они служили для крепления длинных продольных ремней, соединявших наплечник и пластины нарукавья в единую сегментную лопасть. Поверхность наплечника несет следы коррозии, на длинных сторонах фиксируются сколы и трещины, свидетельствующие о длительной эксплуатации изделия.

Пластина №1 ламинарного нарукавника имеет удлиненно-трапиевидную форму (рис. 1, 7, 8; 3, 2). Боковые (короткие) стороны – прямые, длинные – выпуклые. Благодаря им пластина имеет С-образное поперечное сечение. Верхний край пластины – 11,3 см (по дуге 13,3), нижний – 11,1 см (по дуге около 13,0 см). Боковые стороны 4,8 и 5,0 см соответственно. Максимальная высота 3 см, толщина 1 мм. Вес 49 г. Вдоль верхнего (длинного) края пластины пробиты 12 отверстий, сгруппированных по четыре в виде трех квадратов. В одно из центральных отверстий у края пластины вставлена заклепка с округлой шляпкой. Вдоль боковых (коротких) сторон пластины пробиты по три отверстия. В центральные из них вставлены заклепки.

Пластина №2 ламинарного нарукавника имеет удлиненно-трапиевидную форму (рис. 1, 9, 10; 3, 3). Боковые (короткие) стороны – прямые, длинные – выпуклые. Благодаря им пластина имеет С-образное поперечное сечение. Верхний край пластины – 10,0 см (по дуге около 11,5), нижний – 9,5 см (по дуге около 11,3 см). Боковые стороны 4,7 и 4,6 см соответственно. Максимальная высота 2,4 см, толщина 1,2 мм. Вес 53 г. На поверхности пластины фиксируются три заклепки с округлыми шляпками. Две из них расположены у коротких сторон пластины, одна – у длинной. В связи с тем, что заклепки расположены на разных уровнях, они образуют треугольник с широким основанием. От большинства других пластин нарукавья

данный образец отличается отсутствием отверстий для пришивания. Не исключено, что данная пластина была добавлена в состав нарукавья позднее других. Возможно, это произошло в результате ремонта (модернизации?) нарукавья, в ходе которого поврежденные (?) пластины с отверстиями были заменены пластинами с заклепками (см. ниже).

Пластина №3 ламинарного нарукавника имеет удлинненно-трапециевидную форму (рис. 1, 11, 12; 3, 7). Боковые (короткие) стороны – прямые, длинные – выпуклые. Благодаря им пластина имеет С-образное поперечное сечение. Верхний край пластины – 8,1 см (по дуге около 9,0), нижний – 7,5 см (по дуге около 8,5 см). Боковые стороны 6,0 и 6,4 см соответственно. Максимальная высота 1,5 см, толщина 1 мм. Вес 35 г. Вдоль одного короткого края пластины пробиты одно одинарное и четыре парных отверстия, вдоль второго – три одинарных отверстия. Еще три отверстия проделаны в центральной части пластины. В четыре отверстия вставлены заклепки, образующие Y-образную фигуру (1, 11, 12; 3, 7). Стоит обратить внимание на то, что четыре отверстия, расположенные по длинным сторонам пластины, повреждены. Не исключено, что это произошло при пересборке нарукавья в рамках модернизации системы крепления, в ходе которой длинные края пластины были обрезаны, а нашивная система заменена на заклепочную.

Количество, размеры и оформление пластин позволяют предположить, что в собранном виде нарукавье представляло собой защитную лопасть, прикрывавшую руку воина от плеча до локтя. Пластины набирались снизу вверх или сверху вниз, незначительно перекрывая друг друга ⁸. В верхней части нарукавья размещались крупные пластины, а в нижней более мелкие. При этом каждая трапециевидная пластина располагалась таким образом, чтобы сверху оказывалась длинная сторона. Это приводило к тому, что нарукавье постепенно сужалось по направлению от наплечника к локтю.

Совокупный вес железных пластин одного «шушенского» нарукавья (без учета органических элементов конструкции) составлял около 0,42 кг, двух нарукавий – около 0,84 кг соответственно. Однако стоит учитывать, что в собранном виде нарукавья весили несколько больше за счет наличия кожаных соединительных ремней, матерчатой подкладки и др.

⁸ Предметная реконструкция из аутентичных материалов, возможно, позволит уточнить особенности размещения пластин в составе нарукавья.

Панцирные пластины

Набор панцирных пластин включает 48 экз. различных форм и размеров (рис. 1, 1; 2–10). Толщина пластин составляет от 0,7 до 1,5 мм. Вес одной пластины колеблется от 19 до 44 г. Совокупный вес панцирного элемента (без учета органической основы) 1,2–1,6 кг.

Пластины крепились к матерчатой основе с помощью железных заклепок с уплощенными шляпками диаметром 0,7–0,9 см. Под некоторыми разрушенными шляпками заклепок фиксируются следы тканевой основы доспеха. Судя по саржевому переплетению тонких нитей на отпечатках, органическая основа доспеха была покрыта тканью тонкой выработки (вероятно, шелком).

По материалу изготовления все пластины относятся к классу железных⁹, по системе соединения пластин к органической основе – к отделу пластинчато-клепаных с внутренним бронированием¹⁰, по сечению пластин – к группе гладких. На основании формы пластин выделяются два типа, дополненных рядом вариантов.

Тип 1. Прямоугольные гладкие пластины.

Вариант 1. Прямоугольные гладкие пластины с одной заклепкой. Основная разновидность пластин рассматриваемой серии (25 экз.).

Выделяются пластины с одной заклепкой (рис. 2, 1), пластины с одной заклепкой и одним мелким отверстием для пришивания (рис. 2, 2), пластины с одной заклепкой и двумя мелкими отверстиями для пришивания (рис. 1, 1) и пластина с шестью большими сквозными отверстиями (рис. 2, 3).

Первые три разновидности пластин (всего 22 экз.) имеют схожие размеры 4,8–5,5 × 5,2–6,2 см (рис. 2, 1, 2). Толщина 1,3–1,5 мм. Вес 25–40 г. Наиболее вероятно, что в составе панцирного набора они размещались горизонтально (рис. 1, 1; 2, 1, 2). Назначение мелких одиночных отверстий достоверно не установлено. Они могли служить для дополнительного крепления (пришивания?) к органической основе. Однако не исключено, что в некоторых случаях указан-

⁹ Рентгеноспектральный анализ пластин не проводился. Осмотр пластин позволяет предположить, что некоторые из них могли быть изготовлены из низкоуглеродистой стали. Подобные изделия сочетают достаточно высокую прочность с ковкостью и пластичностью [Бобров, Ожередов, 2021. С. 47].

¹⁰ Данная разновидность панцирей была известна в Западной Европе как «бригандина» (англ. *brigandine*, нем. *brigantine*), а среди тюркских народов и на Руси под названием «куяк» (от монг. *хуяг*). Отличительной особенностью эталонных образцов таких доспехов является конструкция защитного покрытия, при которой панцирные пластины крепятся к плотной органической (как правило, многослойной) основе с внутренней стороны [Бобров, Ожередов, 2010. С. 11, 12; Бобров, Зозуля, 2022. С. 121].

Рис. 2. Пластины от панциря из Шушенского района Красноярского края.

Фото Ю. А. Филипповича

Fig. 2. Plates from the shell from the Shushensky district of the Krasnoyarsk Territory.

Photo by Yu. A. Filippovich

ные отверстия является «наследием» нашивной системы крепления, которая была переделана на заклепочную (см. ниже).

Пластины с шестью большими отверстиями (3 экз.) имеют более крупные размеры (около $6,3 \times 5,5$ см), но меньшую толщину (ок. 0,7 мм) и вес (около 20 г). В составе доспеха они располагались вертикально (рис. 1, 1; 2, 3). Данные пластины первоначально входили в состав панциря с пластинчато-нашивной структурой бронирования. В ходе модернизации защитного покрытия нашивная система крепления была заменена на заклепочную (рис. 2, 3).

Пластины с шестью отверстиями являются одной из основных разновидностей пластин южносибирских «куяков» XIII – середины XIV в. [Бобров, Ожередов, 2021. С. 27–29]. На наш взгляд, их появление в составе *паноплии* народов Сибири, Центральной и Восточной Азии, могло быть связано с эволюцией больших чжурчжэньских (цзиньских) панцирных пластин второй половины XII – первой трети XIII в. [Артемьева, Прокопец, 2012. С. 136, рис. 4, 1–4, 138, 139]. Последние первоначально входили в состав ламеллярных доспехов, однако не исключено, что их поздние варианты могли нашиваться на органическую основу.

Вариант 2. Прямоугольные гладкие пластины с двумя заклепками (19 экз.).

Все пластины с двумя заклепками снабжены дополнительными сквозными отверстиями. Фиксируются пластины с одним (рис. 2, 4), двумя (рис. 2, 5, 6), тремя (рис. 2, 7) и четырьмя (2, 8) отверстиями. По своим пропорциям и размерам пластины серии варьируются от почти подквадратных (рис. 2, 4) до удлиненно-прямоугольных (рис. 2, 5). Толщина пластин колеблется от 0,8 до 1,5 мм, вес – от 27 до 32 г (табл. 1). Большинство пластин серии располагалось вертикально. Назначение мелких одиночных отверстий (рис. 2, 5, 6) достоверно не установлено. Пластины с тремя и четырьмя большими отверстиями (рис. 2, 7, 8) ранее, вероятно, входили в состав пластинчато-нашивного доспеха.

Тип 2. Трапециевидные гладкие пластины (рис. 2, 9, 10). Данная разновидность пластин обычно применялась для бронирования участков доспеха, примыкающих к рукавным проймам [Бобров, Ожередов, 2021. С. 63].

Вариант 1. Трапециевидные гладкие пластины с одной заклепкой (2 экз.).

Представлены парой мелких пластинок, форма которых близка к подтреугольной (рис. 2, 9). Толщина 1–1,4 мм, вес 20 г (см. табл. 1).

По длинной стороне фиксируется след от грубой обрезки. По всей видимости, пластина была вырублена зубилом из другой пластины, первоначально имевшей подквадратную форму.

Вариант 2. Трапециевидные гладкие пластины с двумя заклепками (2 экз.).

Толщина пластин около 1 мм, вес – 36 г. Это значительно более крупные пластины (см. табл. 1), нижний край которых плавно срезан под углом (рис. 2, 10). Срез сделан тщательно и аккуратно, что позволяет предполагать, что подобная форма пластины была задумана мастером изначально, а не дорабатывалась в последний момент (как в предыдущем случае). Интересно, что шляпки заклепок расположены с вогнутой стороны пластин. Одна из пластин снабжена отверстиями (рис. 1, 1), что, возможно, указывает на ее вторичное использование.

Эталонные типы и варианты, а также размеры упомянутых пластин приведены в сводной табл. 1.

Таблица 1. Основные типы панцирных пластин
«Шушенского доспеха»

Пластина	Размеры, см	Толщина, мм	Вес, г	Примечание
Тип 1. Прямоугольные гладкие пластины				
Вариант 1а. Прямоугольные с одной заклепкой (рис. 2, 1) ¹¹	4,8 × 5,2 сверху (5,4 снизу)	1,4	27	Слабо выгнута по ширине и длине
Вариант 1б. Прямоугольные с одной заклепкой и одним отверстием (рис. 2, 2) ¹²	5,5 × 6,2 сверху (6,5 снизу)	1,3	38	Слабовыгнута по ширине и длине
Вариант 1в. Прямоугольные с 1 заклепкой и 6 отверстиями, 3 экз. (рис. 2, 3)	6,3 × 5,5	0,7	19	Умеренно выгнута по длине

¹¹ Совокупная численность пластин вариантов 1а и 1б – 22 экз.

¹² В рассматриваемой серии также представлены пластины с одной заклепкой и двумя отверстиями (см. рис. 1, 1).

Вариант 2а. Прямоугольные с 2 заклепками и 1 отверстием (рис. 2, 4) ¹³	6,8 × 6,9 сверху (7,0 снизу)	0,8	27	Значительно выгнута по длине ¹⁴
Вариант 2б. Прямоугольные (удлиненно- прямоугольные) с 2 заклепками и 2 отверстиями (рис. 2, 5)	8,5 × 4,9	1,5	44	Слабо выгнута по ширине и длине
Вариант 2б. Прямоугольные с 2 заклепками и 2 отверстиями (рис. 2, 6)	7,9 × 6,0 сверху (5,7 снизу)	1,2	39	Слабо выгнута по ширине и длине
Вариант 2в. Прямоугольные с 2 заклепками и 3 отверстиями, 2 экз. (рис. 2, 7)	7,6 × 6,3	0,9	32	Выгнута по длине (наружу) ¹⁵
Вариант 2г. Прямоугольные с 2 заклепками и 4 отверстиями, 1 экз. (рис. 2, 8)	6,1 × 5,3	1	25	Выраженно вы- гнута по длине и незначи- тельно по ширине
Тип 2. Трапециевидные гладкие пластины				
Вариант 1. Трапециевидные с одной заклепкой, 2 экз. ¹⁶ (рис. 2, 9)	1,2 (верх) × 5,0 (высота) × 5,5 (срез) × 1,5	1 (по краям) – 1,4 (в центре)	20	Слабо выгнута по ширине и длине
Тип 2. Трапециевидные с 2 заклепками, 2 экз. ¹⁷ (рис. 2, 10)	7,4 × 6,8	1,1	36	Слабо выгнуты по ширине и длине (наружу)

¹³ Совокупная численность пластин вариантов 2а, 2б, 2в – 16 экз.

¹⁴ В настоящее время достоверно не установлено, как пластина располагалась в составе доспеха – вертикально или горизонтально.

¹⁵ Нижняя шляпка заклепки разрушена коррозией и обнажает след от тканевой основы доспеха – видно саржевое переплетение тонких нитей. Органическая основа панциря была покрыта тканью тонкой выработки, возможно, шёлком.

¹⁶ Вторая пластина немного крупнее указанной в настоящей таблице.

¹⁷ Вторая трапециевидная пластина имеет также два сквозных отверстия.

Реконструкция

Стоит обратить внимание на тот факт, что система отверстий на наплечниках и пластинах нарукавья из Шушенского района значительно более сложная, чем на центрально- и восточноазиатских нарукавьях конца XIV – XVII в. (рис. 3, 8, 9, 11–15, 17, 21, 22, 25). Она сочетает как ламинарно-ременную (или пластинчато-нашивную), так и пластинчато-клепаную систему соединения. Это позволяет предположить два основных варианта реконструкции первоначального вида «шушенских» нарукавий.

Согласно первому, нарукавья были изначально снабжены подобной комбинированной системой соединения защитных элементов. Как и на более поздних *бифу* и *харабчи*, пластины «шушенских» нарукавий приклепывались на длинные продольные ремни, проходившие по внутренней стороне нарукавий от наплечника к самой дальней локтевой пластине. Судя по характерному расположению заклепок в три ряда (рис. 3, 2–7), пластины «шушенских» нарукавий крепились на три кожаных ремня, как и пластины несколько более поздних нарукавий из Ийи-Кулак в Тыве (рис. 3, 9). При этом парные и одинарные сквозные отверстия использовались для пришивания органической подкладки и (или) окантовки панцирных сегментов, а также, возможно, для дополнительного крепления защитных элементов между собой¹⁸ и корпусным доспехом.

Согласно второй версии, система крепления пластин была модернизирована в период эксплуатации нарукавий. Первоначально для соединения пластин использовались кожаные ремешки, которые продевались в сквозные отверстия и стягивали отдельные сегменты вместе, формируя из них единую защитную лопасть. Подобный способ соединения полос металла и твердой кожи применялся при изготовлении классических ламинарных доспехов развитого Средневековья. Собранный подобным способом нарукавье отличалось от ламинарного наплечника не системой крепления, а меньшими размерами и большим изгибом составляющих ее элементов, что придавало защитной лопасти необходимую компактность. Не исключено также, что при сборке нарукавья применялся не ламинарный, а пластинчато-нашивной или комбинированный принцип соединения защитных элементов. В этом случае пластины не стягивались ремешками не-

¹⁸ Например, для пришивания к органической подкладке, как на минских нарукавьях *бифу*.

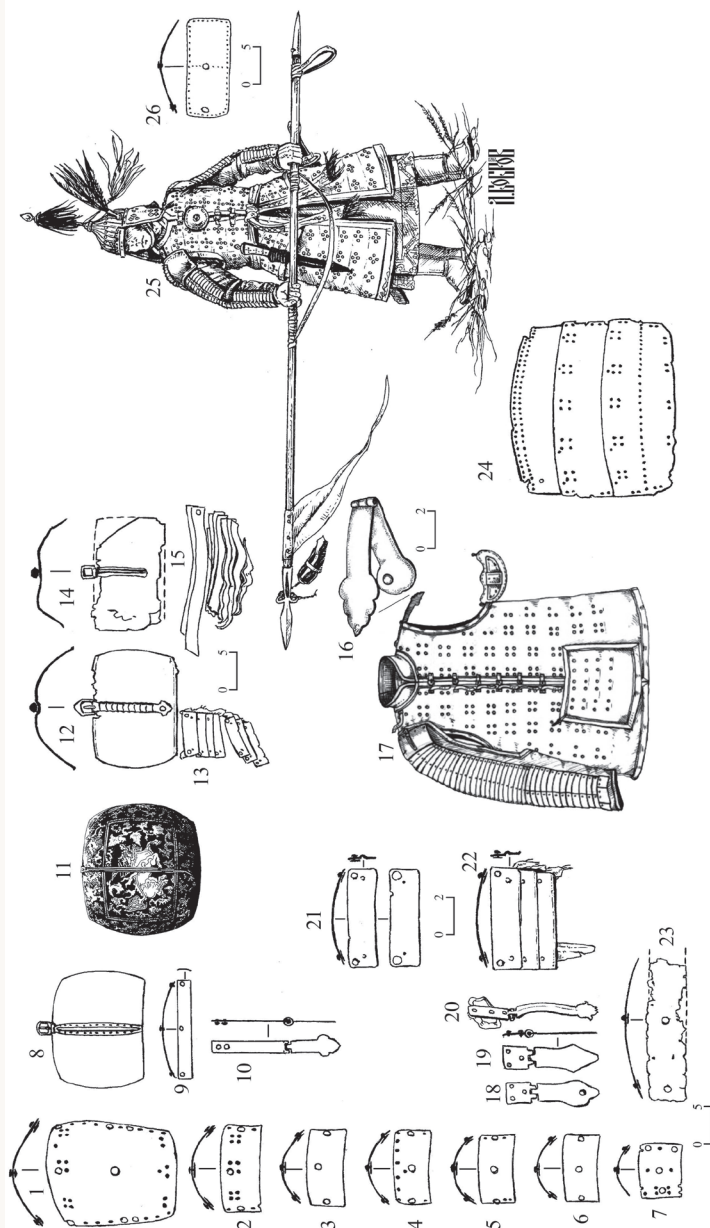

Рис. 3. Нарукáвья-харабчи и иные защитные элементы с территории Южной Сибири (1–10, 22, 26), Центральной Азии (11–21) и Восточной Европы XIV–XVII вв.: 1–7 – нарукáвья из Шушенского р-на Красноярского края, XIV – середина XV в.; 8–10 – нарукáвья из Ийи-Кулак, Тува, конец XIV (?), XVI в.; 11 – наплечник и пластина нарукáвья из Западной Монголии, вторая половина XV – XVII в., Ховдский краеведческий музей; 14–17 – наплечник (14), пластина (15), «погончик» (16) и реконструкция доспеха из буддийского монастыря Сардаг в Северной Монголии, XVII в. (до 1687 г.); 18, 19 – «потончики» от центральноазиатского (обратного?) доспеха, XVIII – середина XVIII в., МАЭС ТГУ; 20 – «погончик» от монгольского доспеха конца XVIII – XVIII в., НММИ; 21 – пластина от нарукáвья, случайная находка, Юго-Восточный Казахстан, XVII в.; 22 – фрагмент пластинчатого нарукáвья, случайная находка, Республика Хакасия, XVII в.; 23 – железная пластина из Новгорода, вторая половина XIV в.; 24 – железная ламинарная лопасть, вторая половина XIV – первая половина XV в., Саратовский краеведческий музей; 25 – реконструкция ойратского воина XVII в. в панцире с нарукáвьями-харабчи; 26 – бронзовая пластина от нарукáвья (?) с Абаканского железного рудника, XV в. 1–10, 12–15, 18–26 – рис. Л.А. Боброва (14, 15 – прорисовка с рисунка Б. Батзожа, 16 – прорисовка с рисунка Я.И. Сундугашева); 11 – рисунок М.В. Гореллика; 16, 17 – по: Battsooj, 2019.

Fig. 3. Plate bracers *kharabchi* and other details of armor from the territory of Southern Siberia (1–10, 22, 26), Central Asia (11–21), and Eastern Europe of the XIV–XVII centuries: 1–7 – plate bracers from the Shushensky district of the Krasnoyarsk Territory, 14 – mid-15th century; 8–10 – plate bracers from Iyi-Kulak, Tuva, end of 14 (?) – 16th century; 11 – shoulder sleeve, the second half of the 14th (?) – 16th century, the Metropolitan Museum of Art; 12, 13 – shoulder and sleeve plates from Western Mongolia, the second half of the 15th – 17th centuries, the Khovda Museum of Local Lore; 14–17 – shoulder pad (14), plates (15), hinge plate – «shoulder strap» (16) and reconstruction of armor with armbraces from the Buddhist monastery of Sardag in Northern Mongolia, 17th century (before 1687); 18, 19 – hinge plate («shoulder straps») from the Central Asian (Oirat?) armor, 17th – mid-18th century, MAES TSU; 20 – hinge plate («shoulder strap») from the Mongolian armor of the late 17th – 18th century, NMMI; 21 – a plate from an armbrace, an accidental find, Southeastern Kazakhstan, XVII century; 22 – a fragment of a plate armbrace, an accidental find, the Republic of Khakassia, 17th century; 23 – iron plate from Novgorod, the second half of the 14th century; 24 – fragment of iron laminar armor, the second half of the 14th – the first half of the 15th centuries, Saratov Museum of Local Lore; 25 – reconstruction of the 17th century Oirat warrior armor with armbraces-kharabchi; 26 – bronze plate from the armbrace (?) from the Abakan iron mine, 14 – the first half (?) of the 15th century. 1–10, 12–15, 18–26 – fig. L.A. Bobrov (14, 15 – drawing from fig. B. Batsoja, 26 – drawing from fig. Ya.I. Sundugasheva); 11 – fig. M.V. Gorelik; 16, 17 – by Battsooj, 2019.

посредственно между собой, а пришивались к продольным ремням или иной органической основе, выполнявшей функции подкладки¹⁹.

Позднее конструкция нарукавий была модернизирована. Защитная сегментная лопасть была пересобрана, соединительные ремешки удалены, а пластины наклепали на длинные продольные ремни. При этом оставшиеся пустыми отверстия либо перестали применять по назначению, либо продолжали использовать для крепления органических элементов (матерчатой подкладки, окантовки и т.д.). Вероятно, в рамках модернизации системы крепления нарукавий часть пластин была заменена новыми, которые уже не имели отверстий для пришивания (рис. 1, 9, 10; 3, 3, 6)²⁰.

Косвенным свидетельством в пользу последней версии является оформление панцирных пластин корпусного доспеха. Часть из них были подвергнуты переделке путем замены нашивной системы крепления на заклепочную. Для этой цели в плоскость пластин (в некоторых случаях прямо поверх парных сквозных отверстий, предназначенных для пришивания пластин к органической основе доспеха), были пробиты железные заклепки с уплощенными округлыми шляпками (рис. 1, 1; 2, 3, 7, 8).

Что касается покроя фрагмента панциря (в том случае, если мы имеем дело не с оружейным «кладом»), то, как уже отмечалось выше, он мог представлять собой нагрудник, наспинник или, менее вероятно, отдельно надевавшиеся набедренники. Судя по более поздним пластинчато-клепаным доспехам, пластины с обрезанным нижним углом обычно располагались вдоль вырезов органической основы, например в верхней части рукавных пройм [Бобров, Ожередов,

¹⁹ О возможности применения железных ламинарных элементов без заклепочного соединения свидетельствует ламинарная лопасть из собрания Саратовского краеведческого музея (СКМ, инв. № СКМ 8784) (рис. 3, 24). Согласно Д. С. Коровкину: «Во многих отверстиях сохранились остатки плетеного нитяного шнура (предположительно шелк) зеленого цвета» [Коровкин, 2005. С. 239], при этом четыре металлические заклепки, пробитые в верхней пластине панцирного сегмента, являются следами ремонта, в результате которого верхняя пластина «...была неподвижно соединена с центральной пластиной...» [Коровкин, 2005. С. 239, 240]. Стоит обратить внимание на тот факт, что принцип размещения отверстий на пластинах из СКМ (рис. 3, 24) весьма близок системе расположения отверстий на наплечнике и некоторых пластинах нарукавья из Шушенского района Красноярского края (рис. 1, 4–6; 3, 1–7). Представляется вероятным, что указанные защитные элементы были изготовлены в рамках одной военно-культурной традиции.

²⁰ Не исключено, что при сборке нарукавья некоторые пластины были вырезаны из более крупных железных сегментов, что объясняет повреждение отверстий по краям пластин (рис. 1, 11, 12; 3, 7).

2021. С. 52, рис. 18, 3–5, 63, 64, рис. 29]. Пластины прямоугольной формы составляли основу защитного покрытия.

Авторы настоящей работы выражают надежду, что предметная реконструкция нарукавий и фрагмента пластинчато-клепаного панциря позволит уточнить особенности их конструкции и эксплуатации.

Датировка и атрибуция

Нарукавья и панцирные пластины из Шушенского района Красноярского края могут быть датированы и атрибутированы на основе типологического анализа.

Сопоставление «шушенского» наплечника с его центральноазиатскими и южносибирскими аналогами конца XIV – XVII в. показало, что его конструкция и система оформления значительно более архаичны. Так, в частности, на нем отсутствует характерное накладное ребро с пряжкой на конце, которое присутствует на всех остальных наплечниках серии (рис. 3, 8, 11, 12, 14). С помощью этой пряжки наплечники крепились к специальным шарнирным «погончикам», соединявшим нарукавье с корпусным панцирем (рис. 3, 10, 16–20, 25). Система соединения рассматриваемого наплечника с доспехом, очевидно, была иной. Отметим, что по сравнению с другими центральноазиатскими и южносибирскими наплечниками «шушенский» экземпляр имеет более крупные размеры, несколько иную форму, а также, как уже отмечалось выше, дополнительные отверстия для ремешков (рис. 3, 1, 8, 11, 12, 14). Все это позволяет предположить, что он был изготовлен ранее других наплечников рассматриваемой серии.

Ближайшими аналогами пластин «шушенского» нарукавья являются бронзовые пластины с Абаканского железного рудника (Республика Хакасия), датируемые XIV–XV вв. (рис. 3, 26), а также железная пластина из Неревского раскопа в Новгороде середины – второй половины XIV в. (рис. 3, 23) [Сунчугашев, 1979. С. 134; Каменский, Кулешов, 2014. С. 168]²¹. От пластин нарукавий более позднего вре-

²¹ Тема применения панцирных нарукавий воинами Восточной Европы и Северного Кавказа XIII–XV вв. выходит за рамки настоящего исследования. Однако некоторые находки защитного вооружения, происходящие с данных территорий, действительно могли относиться к различным разновидностям панцирных нарукавий [Каменский, Кулешов, 2014. С. 164, 166–170, 181, рис. 20, 23]. Так, например, пластина из Новгорода (рис. 3, 23), по своему оформлению, ширине и расположению заклепок весьма близка своим шушенским аналогам, хотя и отличается от них значительно большей длиной (18,2 и 13,3 см соответственно). Она могла относиться не только к нарукавьям, но и к набедренникам, панцирному «переднику» или «накрестнику». Данный вопрос требует дополнительного изучения.

мени они отличаются значительно большими размерами (рис. 3, 2–7, 9, 13, 15, 17, 21–23, 25, 26). Стилистически к пластинам «шушенских» нарукавий примыкает защитный элемент из Саратовского краеведческого музея (рис. 3, 24), датируемый второй половиной XIV – первой половиной XV в. [Коровкин, 2005. С. 240].

Самой ранней разновидностью панцирных пластин из Шушенского района Красноярского края являются образцы с тремя, четырьмя и шестью большими сквозными отверстиями для пришивания к органической основе (рис. 2, 3, 7, 8). Нижняя хронологическая граница появления подобных пластин в Южной Сибири является предметом научной дискуссии [Худяков, 1997. С. 21]. Однако в XIII в. подобные пластины уже активно использовались воинами региона. В ходе замещения нашивной системы крепления на более эффективную заклепочную ранние типы «куячных» пластин подверглись модернизации, в ходе которой заклепки нередко вбивались прямо поверх отверстий для пришивания. Подобные переделанные пластины, происходящие с территории Южной Сибири, обычно датируют XIV–XV вв.

Отмеченная верхняя хронологическая граница косвенно подтверждается находкой пластинчато-клепаного панциря в тимуридской Шахрухие [Двуреченский и др., 2021]. По своей конструкции, размерам и оформлению пластины из Шахрухии близки своим аналогам из Шушенского района Красноярского края²². Здесь можно наблюдать как гладкие слабовыпуклые прямоугольные пластины с двумя заклепками, так и модернизированные пластины с шестью отверстиями и заклепками [Двуреченский и др., 2021. С. 255–259]. «Куяк» из Шахрухии надежно датируется XV в. [Двуреченский и др., 2021. С. 253, 254, 260].

Таким образом, на основании особенностей оформления пластин панциря и нарукавий защитное вооружение из Шушенского р-на Красноярского края может быть датировано XIV – серединой XV в. В то же время необходимо подчеркнуть, что панцирные пластины с ремennым соединением могли быть изготовлены ранее указанной даты, еще в XIII в. Позднее доспех был пересобран, при этом ремennая система крепления пластин к органической основе была заменена на заклепочную. Не исключено, что та же процедура была проделана и в отношении нарукавий. В таком модернизированном виде они могли применяться вплоть до второй половины XV в., а возможно, и позднее.

²² Главное отличие заключается в том, что у «шушенских» пластин заклепки прибиты примерно по центру пластины, а у их несколько более крупных аналогов из Шахрухии – у длинного края.

Выводы

Изучение предметов защитного вооружения, происходящих из числа случайных находок с территории Шушенского района Красноярского края, позволило атрибутировать их как сегментные панцирные нарукавья (монг. *харабчи*) и фрагмент доспеха с пластинчато-клепаной структурой бронирования («куяк»).

В ходе исследования было установлено, что «шушенские» панцирные нарукавья являются самыми ранними известными на сегодняшний день образцами позднесредневековых центральноазиатских нарукавий-*харабчи*. От позднейших аналогов они отличаются более крупными размерами наплечников и пластин, особенностями конструкции и системы оформления. Наряду с традиционными заклепками для крепления продольных кожаных ремней на наплечнике и пластинах нарукавий фиксируются многочисленные дополнительные отверстия. Последние могли служить как для крепления подкладки и (или) органической окантовки, так и для соединения пластин между собой при помощи кожаных ремешков (то есть ламинарным способом). В собранном виде «шушенские» нарукавья прикрывали руку воина от плеча до локтя.

Найденные вместе с нарукавьями пластины корпусного панциря, вероятно, формировали защитное покрытие нагрудника, наспинника или, менее вероятно, набедренников с пластинчато-клепаной структурой бронирования. Пластины крепились к органической основе доспеха с внутренней стороны таким образом, что постороннему наблюдателю были видны лишь шляпки заклепок на органической «покрышке» панциря. Часть пластин имеют отверстия для пришивания к органической основе. Позднее нашивная система была заменена на технологически более совершенную – заклепочную. Панцирь был пересобран и дополнен пластинами с заклепками, уже не имевшими отверстий для пришивания. Не исключено, что подобной модернизации подверглись и панцирные нарукавья.

На основании типологического анализа защитное вооружение из Шушенского района Красноярского края может быть датировано XIV – серединой XV в. Не исключено, что панцирные пластины с шестью большими отверстиями для пришивания к органической основе были выкованы еще в XIII в. В модернизированном виде доспех мог применяться вплоть до второй половины XV в. включительно.

Учитывая место обнаружения рассматриваемых образцов защитного вооружения, заказчиком и владельцем подобного панцирного

комплекса, вероятно, являлся состоятельный воин из числа монголов, ойратов, енисейских кыргызов или их соседей указанного периода.

Особую научную ценность находке придает тот факт, что благодаря ей удалось впервые проследить начальные этапы эволюции позднесредневековых нарукавий-*харабчи* (кит. *бифу*, *бицоу*), которые в период развитого и позднего Средневековья завоюют известную популярность на мусульманском Востоке, континентальной Восточной Азии и будут продолжать применяться панцирниками Монголии, Ойратии и Южной Сибири вплоть до XVIII в.

Список литературы

Артемьева Н. Г., Прокопец С. Д. Защитное вооружение чжурчжэньского воина // Российская археология. 2012. № 1. С. 129–142.

Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии. Томск: Том. гос. ун-т, 2010. Т. III, вып. 1. С. 7–64.

Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: НГУ, 2021. 228 с.

Бобров Л. А., Зозуля С. С. Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного Исторического музея // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 115–130.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Вост. горизонт», 2002. 84 с.

Двуреченский О. В., Гладченков А. А., Арипджанов О. Ю., Двуреченская Н. Д. Доспех из городища Шахрухия // Краткие сообщения Ин-та археологии. 2021. Вып. 263. С. 253–262.

Каменский А. Н., Кулешов Ю. А. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Военная археология: Сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при Гос. Ист. музее. Вып. 3. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле, 2014. С. 147–183.

Коровкин Д. С. Комплекс вооружения из погребения кочевника, обнаруженного на восточном берегу озера Сарайдин, в местности Бек-Бике // Вестн. мол. ученых. Сер.: ист. науки. 2003. № 1. С. 49–54.

Коровкин Д. С. Элементы ламинарной конструкции в защитном снаряжении кочевников восточноевропейских степей в XIII–XV вв. //

Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула: ООО РИФ «Инфра», 2005. С. 235–243.

Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 192 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 1997. 159 с.

Battsooj B. Weapons discovered in the monastery of Sar'dag // Sar'dag monastery. Monastery of Bogdo Zanabazar works: historical and archaeological research. Ulaanbaatar, 2019. P. 317–346. (In Mong.).

References

Artemyeva N. G., Prokopets S. D. Zashchitnoe vooruzhenie chzhurchzhen'skogo voina. *Russian archaeology*. No. 1, 2012. pp. 129–142. (In Russ.).

Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Pozdnesrednevekovyj pancir'-«halat» voina-buddista (Iz istorii «oruzhejnogo» sobraniya MAES TGU). In: *Materialy i issledovaniya Drevnej, Srednevekovoj i Novoj istorii Severnoj i Central'noj Azii*. Tomsk: Tomsk State University, 2010, vol. 3, is. 1. pp. 7–64. (In Russ.).

Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Dospekh voina Dzhamsharana. Central'noaziatskij pancir'-«kuyak» iz sobraniya MAES TGU. Novosibirsk: CPI NSU, 2021, 228 p. (In Russ.).

Bobrov L. A., Zozulya S. S. Pancirnye plastiny iz raskopok V. V. Radlova v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, № 5, pp. 115–130. (In Russ.).

Gorelik M. V. Armii mongolo-tatar X–XIV vv.: Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie. M.: Vost. Gorizont Publ., 2002, 84 p. (In Russ.).

Dvurechensky O. V., Gladchenkov A. A., Aripdzhanov O. Yu., Dvurechenskaya N. D. Dospekh iz gorodishcha SHahruhiya. *Brief Reports of the Institute of Archaeology*, iss. 263, 2021. pp. 253–262. (In Russ.).

Kamensky A. N., Kuleshov Yu. A. Zashchita konechnostej v komplekse vooruzheniya drevnerusskogo voina (po materialam Velikogo Novgoroda). In: *Voennaya arheologiya. Sbornik materialov Problemnogo soveta «Voennaya arheologiya» pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee*. Iss. 3. Moscow: MediaMir; Tula: Kulikovo Field, 2014. pp. 147–183 (In Russ.).

Korovkin D. S. Kompleks vooruzheniya iz pogrebeniya kochevnika, obnaryzhenno na vostochnom beregu ozera Sarajdin, v mestnosti Bek-Bike. *Bulletin of Young Scientists. Series: Historical Sciences*. 2003, No. 1. pp. 49–54 (In Russ.).

Korovkin D. S. Elementy laminarnoj konstrukcii v zashchitnom snaryazhenii kochevnikov vostochnoevropskikh stepej v XIII–XV vv. In: Kulikovo pole i YUgo-Vostochnaya Rus' v XII–XIV vv. Tula: RIF Infra LLC, 2005. pp. 235–243. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie kochevnikov YUzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v epohu razvitogo Srednevekov'ya. Novosibirsk : Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 1997. 159 p. (In Russ.).

Sunchugashev Ya. I. Drevnyaya metallurgiya Hakasii. Epoha zheleza. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1979. 192 p. (In Russ.).

Материал поступил в редакцию

Received

12.05.2023 г.

Информация об авторах / Information about the Authors

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований; профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; spsml@mail.ru).

ORCID: 0000-0001-5071-1116

Leonid A. Bobrov, Doctor of History, leading researcher at the Laboratory for Humanitarian Studies; Professor of Department of Archaeology and Ethnography in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; spsml@mail.ru).

Филиппович Юрий Александрович, главный инженер научно-исследовательского проекта «С сибирским воином через века», Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; post-ost@yandex.ru).

Filippovich Yuri Alexandrovich, Chief Engineer of the research project «With the Siberian Warrior through the Centuries», Novosibirsk State University (Pirogova Street, 1, Novosibirsk, 630090, Russia; post-ost@yandex.ru).

Позднесредневековый центральноазиатский колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея

Л. А. Бобров¹, С. А. Пилипенко², Р. А. Мартюшов³

¹Новосибирский государственный университет

²Новосибирский государственный университет экономики и управления

³Новокузнецкий краеведческий музей

Аннотация

В статье рассмотрен кожаный колчан, хранящийся в Новокузнецком краеведческом музее (КП-1975). Ранее он не становился объектом научного исследования. Цель исследования — ввести в научный оборот информацию о колчане, уточнить его датировку и атрибуцию. Установлено, что в первой половине XX в. колчан входил в состав частной коллекции кузнецкого краеведа К. А. Евреина, а после его смерти был передан в музейное собрание. При регистрации предмета он был записан как «Колчан – шорский». Типологический анализ показал, что подобные колчаны входят в состав большой группы центральноазиатских колчанов второй половины XVI – середины XIX в., однако отличаются от своих монгольских и южносибирских аналогов рядом деталей конструкции и декоративного оформления. Отличительными особенностями колчанов серии является высокая заостренная спинка, вынесенное далеко вперед массивное верхнее «ушко», а также отказ от украшения лицевой стороны колчана металлическими накладками (за исключением ремennых блях и заклепок по периметру). Все известные колчаны рассматриваемого образца происходят с территории Южной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета, которые входили в состав различных ойратских государственных образований. Это позволяет обозначить их как колчаны «ойратского типа». На основании особенностей конструкции и оформления колчан из НКМ может быть датирован XVII – серединой XVIII в. Он мог быть изготовлен как ойратским, так и южносибирским мастером данного периода.

Ключевые слова

Ойраты, дербеты, джунгары, оружие ойратов, колчан, джунгарские колчаны, колчаны ойратского типа.

Благодарности

Исследование проведено в рамках Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

Для цитирования

Бобров Л. А., Пилипенко С. А., Мартюшов Р. А. Позднесредневековый центральноазиатский колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. С. 121–141.
DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-121-141

A Central Asian quiver of the Late Middle Ages from the Novokuznetsk Museum of Local Lore

L. A. Bobrov¹, S. A. Pilipenko², R. A. Martyushov³

¹ Novosibirsk State University

Pirogova str., 1, Novosibirsk, 630090, Russia

² Novosibirsk State University of Economics and Management

Kamenskaya Str., 52/1, Novosibirsk, 630007, Russia

³ Novokuznetsk Museum

Pionersky Ave., 24, Novokuznetsk, 654027, Russia

Abstract

The article considers a leather quiver stored in the Novokuznetsk Museum of Local Lore (KP-1975). Previously, it has not become the object of scientific research. The purpose of the study is to introduce information about the quiver into scientific circulation, to clarify its dating and attribution. Results. It is established that in the first half of the XX century the quiver was part of the private collection of the Kuznetsk local historian K.A. Evreinov, and after his death it was transferred to the museum collection. When registering the item, it was recorded as "Quiver – shore". This type of quivers belongs to the wide range of Central Asian quivers of the second half of 16th – mid 19th centuries, but differs from other Mongolian and South Siberian quivers by some features of its construction and ornamentation. The features of the similar quivers are high pointed back, massive upper “eye” extended far forward, and refuse of the ornamentation of the outer side of the quiver with metal plates except for the buckles of the belts and rivets bordering the quiver. All quivers of this type known for today are from the south part of West and Central Siberia, South-East Kazakhstan and Tibet. These regions were invaded by Western Mongols-Oirats (Dzungars, Khoshuts, Derbets etc.) in 17th – mid 18th centuries. The period of usage of the quivers of this type coincides with the period of the domination of different Oirat's states in the aforementioned regions. . It allows to consider the quivers of this type as quivers of “Oirat's type”. Conclusions. Based on the design and design features, the quiver from the Novokuznetsk Museum of Local Lore can be dated to the XVII – mid XVIII centuries. It could have been made by both Oirat and South Siberian masters of this period.

Keywords

Oirats, Derbets, Dzungars, Oirat's weaponry, quivers, Dzungarian quivers, quivers of Oirat's type.

Acknowledgments

The work was carried out as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021)

For citation

Bobrov L.A., Pilipenko S. A., Martyushov R. A. A Central Asian quiver of the Late Middle Ages from the Novokuznetsk Museum of Local Lore // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. P. 121–141.

DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-121-141

Введение

В фондах Новокузнецкого краеведческого музея (НКМ) хранится кожаный колчан (КП-1975), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружейников и этнографов (рис. 1, 1). В первой половине XX в. он входил в состав частной коллекции Конкордия Алексеевича Евреинова [Ширин, 2000. С. 137–140; Мартюшов, 2017. С. 174–192]. В 1949 г. после смерти знаменитого кузнецкого краеведа собранные им предметы геологии, палеонтологии, археологии и этнографии были переданы в музейное собрание. Записи К. А. Евреинова позволяют уточнить места сборов некоторых вещей этнографической части коллекции, которые были атрибутированы как изделия шорских и телеутских мастеров. К сожалению, дополнительные сведения по истории поступления колчана отсутствуют. Единственная запись «Колчан – шорский» была сделана сотрудниками музея в книге поступлений при регистрации предмета. Ранее колчан не публиковался и не становился объектом научного исследования.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о колчане КП-1975 из собрания НКМ. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание размеров, особенностей конструкции и системы оформления колчана, уточнить его датировку и атрибуцию.

Общая высота колчана (от края днища до верхней части спинки) – 52,9 см. Высота колчана от днища до среза горловины – 32,5 см. Ширина (в верхней / центральной / нижней части) – 28,0 / 19,4 / 21,2 см соответственно. Толщина колчана – 5,6 см (в том числе толщина кожаных стенок колчана 0,4–0,5 см).

На основании материала изготовления и особенностей конструкции колчан КП-1975 может быть отнесен к категории кожаных колчанов-футляров с каркасом из деревянных и железных пластин.

Основу деревянного L-образного каркаса формирует вертикальная дощечка, проходящая вдоль спинки колчана и соединенная с деревянным днищем миндалевидной формы (рис. 1, 1) ¹. Вдоль переднего вырезного края колчана (с его тыльной стороны) приклепана узкая железная планка S-образной формы (рис. 1, 1а) ². Данные деревянные

¹ Верхний край дощечки скошен (срезан внутрь колчана), а нижний оформлен в крепление «проушина». Задняя часть линзовидного в поперечном сечении днища оформлена в крепление на шип. Дощечка крепится к днищу под прямым углом по принципу шип в проушину.

² Ширина планки – 1 см, толщина – 3 мм.

Рис. 1. Колчаны из собрания НКМ (1) и ТИАМЗ (2): 1а, 2а – вид сзади; 1б, 2б – вид спереди (фото: Р. А. Мартюшов, Ю. Г. Аверин): 2 – по: Бобров, Балюнов, 2023
 Fig. 1. Quivers from the NKМ (1) and TIAMZ (2) collections: 1а, 2а – rear view; 1б, 2б – front view (1 – photo by: R. A. Martyushov, Yu. G. Averin); 2 – by: Bobrov L. A., Balyunov I. V., 2023.

и металлические пластины придают всей конструкции необходимую жесткость и служат каркасом для крепления кожаных элементов колчана.

Последние представлены тремя узкими фрагментами удлинено-прямоугольной формы и двумя большими вырезными асимметрично-трапециевидными лопастями. Удлинено-прямоугольные кожаные полосы сшиты между собой и формируют переднюю стенку колчана с характерными «ушками» с округлыми сквозными отверстиями³. Большие лопасти сложной вырезной Y-образной формы образуют лицевую и тыльную сторону колчана⁴. Отличительными особенностями силуэта колчана являются высокая заостренная спинка, плавно переходящая в вынесенное далеко вперед длинное и широкое верхнее «ушко», миниатюрное, но ярко выраженное нижнее «ушко» полукруглой формы и слабовыпуклое днище (см. рис. 1, 1).

При сборке колчана был использован комбинированный способ соединения его элементов. Передняя стенка сшита с большими вырезными лопастями с помощью нитей и дополнительно армирована с тыльной стороны упомянутой выше железной S-образной планкой. Последняя крепится к коже с помощью металлических заклепок (см. рис. 1, 1). Для соединения лицевой и тыльной кожаной лопасти к деревянному L-образному каркасу также использованы заклепки с округлыми шляпками. Значительный интерес представляет тот факт, что заклепки на лицевой стороне колчана значительно более многочисленны, расположены не в один (как на тыльной стороне), а в два или три ряда, а их большие полусферические шляпки изготовлены из бронзы (рис. 1, 1б). Весьма вероятно, что подобное решение было обусловлено не только желанием обеспечить максимально надежное соединение кожаных и деревянных элементов, но и украсить лицевую сторону колчана.

Прилегающие к кожаным лопастям стороны деревянной дощечки вдоль спинки колчана покрыты частыми косыми надрезами, образующими «сетчатую» поверхность. Подобное оформление позволяет предположить, что кожаная основа могла не только приклепываться, но и в некоторых местах дополнительно приклеиваться к деревянным элементам каркаса.

Лицевая сторона колчана дополнена карманом. Полукруглый вырез снабжен по центру остроугольным фестонем, благодаря чему

³ К «ушкам» крепились кожаные ремешки, с помощью которых колчан подвешивался к саадачному поясу.

⁴ В современном оружьеведении лицевая и тыльная сторона колчана может также именоваться «плоскостью» или «полем» колчана (Бобров, Худяков, 2008, с. 12).

верхний край кармана имеет Э-образную форму (см. рис. 1, 1б). Как видно из описаний и изображений периода Средневековья и Нового времени, в карман могли помещаться и обычные стрелы, и их особые разновидности. В первом случае это увеличивало боекомплект стрелка, а во втором – облегчало поиск стрелы со специализированным типом наконечника (рис. 5, 3, 5, 6). Наряду со стрелами в кармане колчана могли храниться напильник для заточки стрел, тетива, запасные наконечники и т. д.

На спинке лицевой части колчана сохранились две большие железные заклепки, служившие для крепления кожаных ремней (фрагмент такого ремня сохранился под шляпкой верхней заклепки). Судя по целиком сохранившимся аналогичным колчанам, верхний ремень соединялся с нижним «ушком», а нижний – с верхним. Перекрещиваясь в центральной части колчана, ремни препятствовали выпадению стрел и других предметов, помещенных в колчаный карман (рис. 1, 2; 2–4, 5, 1, 3–5).

На тыльной стороне колчана сохранились фрагменты крепления еще одного – продольного – ремешка, продевавшегося сквозь горизонтальную петлю (см. рис. 1, 1а). Такой парный ремешок представлял собой третью точку подвеса колчана к поясу (рис. 1, 2а; 2, 1а, 2а). Его основной задачей было предотвращение опрокидывания колчана назад, что могло привести к выпадению стрел (рис. 5, 7).

Внутри колчана рядом с горловиной фиксируются две полосы грубой ткани коричневого цвета. Один конец каждой полосы пришит к лицевой, а второй – к тыльной стороне колчана. Поперечные матерчатые полосы делят внутреннее пространство колчана на отдельные секции. С одной стороны, это позволяло равномерно распределить стрелы по всему колчану, избегая их скопления в одной его части (рис. 5, 3–7). С другой стороны, в разные секции можно было поместить стрелы с разными типами наконечников, что облегчало лучнику поиск нужной стрелы во время боя.

На основании особенностей оформления рассматриваемый колчан может быть отнесен к асимметрично-трапециевидным колчанам с удлиненной заостренной «спинкой», слабовыпуклым днищем, вытянутым верхним «ушком», Э-образным карманом и металлическими заклепками по периметру.

Датировка и атрибуция

Колчан КП-1975 из собрания НКМ может быть датирован и атрибутирован на основании типологического анализа.

Рис. 2. Колчаны из частных коллекций: 1а, 2а – вид сзади; 1б, 2б – вид спереди (по: Dekker, 2019а; 2021).

Fig. 2. Quivers from private collections: 1а, 2а – rear view; 1б, 2б – front view (by: Dekker 2019а; 2021).

По своей конструкции и системе оформления он существенно отличается как от узких 8-образных колчанов населения Восточной Европы, Западной и Средней Азии, так и от регламентированных вариантов колчанов войск цинской императорской армии [Бобров, Худяков, 2008. С. 124, 125, 155; Armaments... 2008. Р. 29, 30, 92–98; Бобров, Пинк, 2014. С. 246–253; Прокопенко, 2014а, 2014б].

Аналоги интересующего нас колчана происходят с территории Центральной Азии и Южной Сибири. Именно они сочетают асимметрично-трапецевидный силуэт, карман и перекрещивающиеся на лицевой части колчана кожаные ремни [Бобров, Худяков, 2008. С. 113, 116, 134, 138, 141–154]. Внутри данной группы фиксируется особая серия колчанов, которые можно определить в качестве ближайших аналогов рассматриваемого образца из собрания НКМ. Отличительной особенностью колчанов данной серии является очень высокая заостренная спинка, плавно переходящая в вынесенное вперед массивное верхнее «ушко», слабовыпуклое (иногда немного приостренное) днище, Э-образный карман и характерные металлические заклепки по периметру (рис. 1, 2; 2, 3, 1–3).

Большинство колчанов указанной серии из западных музейных собраний и частных коллекций датируются XVII–XVIII вв. и атрибутируются как «тибетские» или «монгольские» [LaRocca, 2008. Р. 192–195; Бобров, Худяков, 2008. С. 116, 146, 147] ⁵. Тибетское происхождение некоторых колчанов подтверждается их характерным декоративным оформлением (рис. 2, 1; 3, 1). Однако необходимо отметить, что колчаны подобного типа встречаются и за пределами «Страны снегов». Наряду с рассматриваемым образцом из НКМ можно отметить колчан из собрания ТИАМЗ, предположительно входивший в состав арсе-

⁵ По мнению нидерландского исследователя и коллекционера П. Деккера, один из колчанов серии может быть датирован XV–XVI вв. (рис. 3, 1). Основанием для подобной датировки является схожесть узоров на его поверхности с узорами колчанов-«коробов» («пеналов») из Лидса и МИМ (LaRocca, 2008, с. 190–192; Dekker, 2020). Однако упомянутые колчаны-«короба» датируются американскими и британскими исследователями не XV в., а XV–XVII вв. (Там же). Кроме того, даже если упомянутые колчаны-«короба» действительно изготовлены в XV в., сходство их декоративного оформления с оформлением колчана-«футляра» (рис. 3, 1) может указывать на преемственность культурно-изобразительной традиции, а не на их синхронное бытование. Против датировки указанного элемента саадачного набора XV в. свидетельствуют и отсутствие изображений подобных колчанов в синхронных изобразительных памятниках. Наконец, конструкция раннего (по версии П. Деккера) колчана практически идентична конструкции его аналогов XVII–XVIII вв. (рис. 1, 2; 2, 3, 1–3). Таким образом, датировка упомянутого колчана XV в. представляется маловероятной. При этом возможность локализации времени его изготовления XVI в. может являться предметом научной дискуссии (см. ниже).

Рис. 3. Колчаны с территории Тибета (1–3) и Цзиньчуани (4) из частных коллекций (1, 4), МИМ (2), НМШ (3); 1, 4 – по: Dekker, 2019b; 2020; 2, 3 – по: LaRocca, 2006.
Fig. 3. Quivers from the territory of Tibet (1–3) and Jinchuan (4) from private collections (1, 4), MIM (2), NMSH (3): (1, 4 – by: Dekker 2019b; 2020; 2, 3 – by: LaRocca 2006).

нала тобольских служилых татар Кульмаметьевых (рис. 1, 2), а также колчан из частного собрания, который происходит с территории Семиречья. И если богато оформленный колчан из ТИАМЗ еще можно с определенными оговорками связать с тибетским импортом, то его лаконично оформленные аналоги из Южной Сибири и Юго-Восточного Казахстана, по всей видимости, представляют собой изделия центральноазиатских или сибирских мастеров.

До нашего времени дошли изображения сибирско-татарских, ойратских, монгольских, бурятских и тибетских колчанов конца XVII – начала XIX в. (рис. 4; 5). К сожалению, рисунки Ремезовской летописи слишком схематичны, чтобы достоверно определить покрой колчанов ойратских и сибирско-татарских воинов конца XVII – начала XVIII в. Уверенно можно говорить лишь о том, что они были снабжены парой ремней, перекрещивавшихся на лицевой стороне колчана (рис. 4) и в некоторых случаях ярко выраженным нижним «ушком» (рис. 4, 1–3).

На картинах и гравюрах российских художников начала XIX в. колчаны монголов и бурят изображены весьма достоверно (рис. 5, 3, 5, 6), что подтверждается их сличением с подлинными колчанами данных народов, дошедших до нашего времени [Бобров, Худяков, 2008. С. 131–146, 148, 150–154]. Однако монгольские и бурятские колчаны несколько отличаются от образцов рассматриваемой серии. Так, например, спинка колчанов монгольского типа значительно более низкая (рис. 5, 5), а верхнее «ушко» практически не выдается вперед [Бобров, Худяков, 2008. С. 153]. В свою очередь, бурятские колчаны обычно снабжены широкой массивной спинкой, симметричными «ушками» (рис. 5, 6), а их днище дополнено ярко выраженным выступом, так называемым «горбом» [Бобров, Худяков, 2008. С. 152]. Существенно отличается и декоративное оформление. Лицевая сторона монгольских и бурятских колчанов традиционно украшалась металлическими накладками различных форм и размеров (рис. 5, 3, 5–7) ⁶, в то время как колчаны рассматриваемой серии обычно снабжены лишь ременными бляхами и заклепками по периметру (рис. 1–3).

На тибетской *танка* «Далха» ⁷ XVIII в. изображен колчан с выраженной спинкой, парой перекрещивающихся ремней, Э-образным

⁶ Лицевая сторона колчанов предбайкальских бурят в некоторых случаях почти целиком покрыта серебряными, посеребренными и (или) железными пластинами (Бобров, Худяков, 2008, с. 132–136).

⁷ «Далха» (от тиб. *dgra lha*) – группа божеств, имеющих связь с древними верованиями кочевников Центральной Азии. С распространением буддизма стали одними из защитников буддийского учения, покровительствующих воинам, войне и благосостоянию людей. Одним из божеств «драл ха» являлся *Дайчи тэнгри*, который считал-

Рис. 4. Изображения колчанов ойратских (10, 11), сибирско-татарских воинов, остяцких и вогульских воинов, Ремезовская летопись, конец XVII – начало XVIII в.

Fig. 4. Images of Oirat quivers (10, 11), Siberian-Tatar warriors, Ostyak and Vogul warriors, Remezov Chronicle, late XVII – begin. 18th century.

карманом и слабовыпуклым днищем (рис. 5, 1, 4). Однако и он по своему силуэту ближе к колчанам монгольского образца, так как оба ушка находятся почти на одном уровне. На принадлежность изображенного колчана к саадачному набору «монгольского типа» указывает и округлая металлическая бляха в нижней части поля колчана. Подобные бляхи являются характерным элементом оформления монгольских колчанов XVII – первой половины XIX в. (рис. 5, 5).

Таким образом, зафиксированные в изобразительных памятниках позднего Средневековья и раннего Нового времени монгольские, бурятские и тибетские колчаны типологически близки, но не идентичны колчанам изучаемой серии.

В данной связи значительный интерес предоставляет географическая локализация находок интересующего нас варианта колчанов. Как уже отмечалось, они происходят с территории Тибета, Юго-Восточного Казахстана, а также южных районов Западной и Центральной Сибири. В XVII – первой половине XVIII в. все перечисленные регионы являлись объектом военно-политических притязаний ойратов – западных монголов, которые были известны в Цинском Китае под именем олётэ, в Тибете как сог-по, среди тюркских народов как калмаки, а в России как калмыки.

В XVII в. ареал ойратской экспансии включал степи Восточной Европы, Казахстана и Монголии, а также территорию северо-западного Кавказа, Южной Сибири, Восточного Туркестана и Тибета. В середине столетия сложились четыре основных военно-политических группировки ойратов – «Калмыцкая» (с центром в Северном Прикаспии), «Чакарская» (на юге Западной Сибири), «Хошутская» (на Кукунурской равнине в Тибете) и «Джунгарская» (на территории Юго-Восточного Казахстана и Западной Монголии) [Бобров, Рюмшин, 2015. С. 357–378; Бобров, 2019. С. 365–367].

Ойраты оказали заметное влияние на развитие оружейных комплексов населения упомянутых регионов [Бобров, Худяков, 2006. С. 200–232; Бобров, Худяков, 2008. С. 604–620, 636–655; Shim, 2020. Р. 97–108]. При этом собственно ойратский оружейный комплекс длительное время в значительной степени сохранял внутреннее единство. Этому весьма способствовал тот факт, что отдельные группы ойратов периодически перекочевывали от одной ойратской группировки к другой. Так, например, в конце 30-х – первой половине 40-х гг. XVII в. хошуты Гуши-хана массово переселились из Южной Сибири в Тибет. В 1686–1687 гг. тайша Цаган-Баатур и три тысячи

ся покровителем ойратского народа (Корнеев, 2022, с. 123–134).

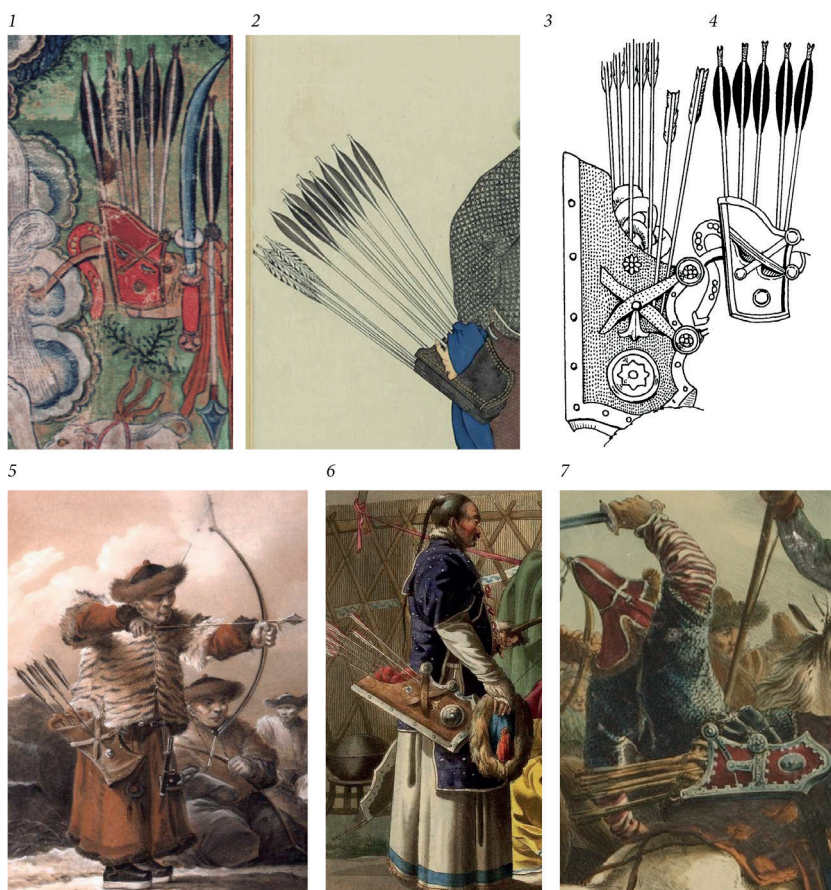

Рис. 5. Изображения центральноазиатских и южносибирских колчанов:
1, 4 – танка «Далха», Тибет, XVIII в., ГМВ; 2 – фрагмент портрета джунгарского полководца Сарала на цинской службе, третья четверть XVIII в., частная коллекция; 3, 6 – «Братские татары» (буряты), гравюра Е. М. Корнеева, начало XIX в.; 5 – «Монголы», художник А. О. Орловский, 1808 г., ККХМ; «Бой киргизов (казахов) с уральскими казаками», художник А. О. Орловский, ок. 1826 г.

Fig. 5. Images of Central Asian and South Siberian quivers: 1, 4 - Dalha tank, Tibet, 18th century. GMV; 2 - Fragment of a portrait of the Dzungarian commander Saral in the Qing service, third quarter of the 18th century, private collection; 3, 6 - «Brotherly Tatars» (Buryats), engraving by E. M. Korneev, beginning of the 19th century; 5 - «Mongols», art. A. O. Orlovsky, 1808, KKHМ; «Fight of the Kirghiz (Kazakhs) with the Ural Cossacks», art. A. O. Orlovsky, approx. 1826.

его «улусных людей» откочевали из Джунгарии в Поволжье. В начале XVIII в. в обратном направлении проследовал сын калмыцкого хана Аюки «царевич» Санджип, который увел с собой в Центральную Азию до 15 тыс. ойратских кибиток (60–75 тыс. чел.). Примерно в то же время значительная группа хошутов (по русским данным, более 10 тыс. чел.) покинули Тибет и переселились в Джунгарию. С одной стороны, данный процесс способствовал обмену оружейными новинками между различными ойратскими военно-политическими группировками, но с другой сдерживал процесс распада единой военно-культурной традиции. В результате в разных регионах Евразии ойратские воины XVII – начала XVIII в. продолжали применять схожие разновидности боевых наголовий, корпусных панцирей, длинноклинкового оружия и др. [Бобров, Худяков, 2008. С. 267, 274–283; *Armaments...*, 2008. Р. 144; Бобров, Балюнов, 2022. С. 237, 238; Бобров, Зозуля, 2022. С. 125–130; Бобров, Кубуддинов, Агатай, 2022. С. 95–98; Бобров, Балюнов, 2023].

В данном контексте, на наш взгляд, и следует рассматривать феномен колчанов изучаемой серии. В настоящее время сложно сказать, является ли рассматриваемый тип колчана собственно ойратским или он был заимствован ойратами в Тибете или Южной Сибири, а затем распространен в других регионах. Однако связь подобных колчанов с ареалом военно-политического влияния ойратских племен вряд ли может считаться случайной.

Наиболее вероятно, что рассматриваемый тип центральноазиатских колчанов сформировался на основе одного из поздних вариантов «чингизидских» колчанов-футляров, завоевавших популярность среди кочевников Евразии в XIV–XV вв. Не исключено, что одним из его возможных предшественников был знаменитый кожаный колчан из памятника Абрамово-10 (Барабинская степь), датированный XIV–XVI вв., снабженный удлиненным верхним «ушком» [Молодин, Соболев, 1990, рис. 48, 1; Соловьев, 2003. С. 160, рис. 10, в]⁸. Появление колчанов рассматриваемого типа на территории владений ойратов или их южносибирских вассалов (т. е. на стыке западных и восточных военно-культурных традиций) обусловило их оригинальный внешний вид. От колчанов центральноазиатского образца они унаследовали широкий ассиметрично-трапециевидный силуэт и парные перекрещивающиеся ремни, а от колчанов западных регионов бывшей Великой Монгольской империи – традицию украшать лицевую сторону колчана не металлическими накладками, а растительным узо-

⁸ К сожалению, колчан сохранился фрагментарно, что не позволяет достоверно установить, имел ли он удлиненную спинку как колчаны рассматриваемой серии.

ром. Что касается удлиненной спинки и ярко выраженного верхнего «ушка», то эти элементы оформления достаточно редко встречаются на колчанах западно-, центрально- и восточноазиатского образцов и могут являться характерными типологическими признаками колчанов рассматриваемой серии.

Если наше предположение верно, то колчаны «ойратского типа» могли попасть в Тибет вместе с победоносными войсками Гуши-хана и его союзников во второй половине 1630-х – первой половине 1640-х гг. Вплоть до второй четверти XVIII в. ойраты продолжали оставаться главной военной силой в регионе, а реальные рычаги управления «Страной снегов» во многом находились в руках хошутской и (в отдельные периоды) чороской (джунгарской) знати. Почти столетнее доминирование ойратов не могло не сказаться на росте популярности среди тибетцев вооружения ойратского образца. Распространение колчанов рассматриваемого типа в регионе во многом было обусловлено желанием местных мастеров угодить вкусам хошутской аристократии и лояльной ей тибетской элиты. Однако, сохранив форму ойратского колчана, оружейники «Страны снегов» украсили его в тибетском стиле, что придало данному элементу саадачного набора оригинальный внешний вид.

Выводы

Колчан КП-1975 относится к кожаным каркасным колчанам-футлярам асимметрично-трапециевидной формы, с удлиненной заостренной «спинкой», слабовыпуклым днищем, вытянутым верхним «ушком», Э-образным карманом и металлическими заклепками по периметру.

Данная разновидность колчанов входит в состав большой группы центральноазиатских колчанов второй половины XVI – середины XIX в., однако отличается от своих монгольских и южносибирских аналогов рядом деталей конструкции и системы декоративного оформления. Отличительными особенностями колчанов серии является высокая заостренная спинка, вынесенное далеко вперед массивное верхнее «ушко», а также отказ от украшения лицевой стороны колчана металлическими накладками (за исключением ременных блях и заклепок по периметру).

Все известные колчаны рассматриваемого типа происходят с территории южных районов Западной и Центральной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета. В XVII – середине XVIII в. данные регионы являлись объектом военно-политической экспансии западных

монголов-ойратов (джунгар, хошутов, дербетов и др.). Время бытования и ареал распространения колчанов данного типа совпадает с периодом доминирования на указанных территориях различных ойратских государственных образований. Это позволяет с некоторой долей условности обозначить колчаны рассматриваемого образца как колчаны «ойратского типа». Внутри данной серии выделяются колчаны, изготовленные тибетскими мастерами с учетом местных традиций декоративного оформления. Последняя разновидность колчанов может быть обозначена как «ойрато-тибетская».

Колчаны «ойратского типа», вероятно, сформировались в середине XVI – начале XVII в. на основе поздних вариантов «чингизидских» колчанов-футляров. Наиболее вероятно, что родиной подобных колчанов является территория Западной Монголии, Южной Сибири, Юго-Восточного и Восточного Казахстана. В Тибет колчаны «ойратского типа» попали вместе с войсками Гуши-хана и его союзников во второй половине 30-х гг. XVII в. Менее вероятно, что они сформировались в Тибете, а затем были распространены ойратами на территорию Южной Сибири и Юго-Восточного Казахстана.

Большинство известных образцов колчанов рассматриваемого типа можно датировать XVII – серединой XVIII в. В более поздний период они постепенно вышли из широкого военного обихода, уступив место колчанам монгольского, среднеазиатского, байкальского и цинского типа. Тем не менее, они оказали определенное влияние на стиль оформления колчанов Центральной Азии и сопредельных территорий. Так, например, колчаны Цзиньчуани, хотя и сохранили местные зауженные пропорции, но стали снабжаться ремнями, бляхами и заклепками по образцу «ойратских» и «ойрато-тибетских» аналогов (рис. 3, 4). Не исключено, что появление рядов заклепок по периметру некоторых разновидностей цинских колчанов также может быть связано с влиянием центральноазиатского (ойратского, монгольского) саадака. Характерно в данной связи, что колчан джунгарского полководца Сарала, перешедшего на сторону Цинской империи, хотя и выполнен по имперским стандартам, но украшен по периметру двумя рядами заклепок с желтыми (бронзовыми?) шляпками, как и рассматриваемый колчан из НКМ (рис. 5, 2). Появление удлиненной спинки и длинного верхнего ушка на некоторых разновидностях казахских 8-образных колчанов, возможно также связано с ойратским влиянием [Бобров, Пинк, 2014. С. 250–253].

Итак, колчан КП-1975 представляет собой яркую разновидность колчанов «ойратского типа», получивших распространение на территории Южной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета.

та. На основании особенностей конструкции и системы декоративно-го оформления он может быть датирован XVII – серединой XVIII в. Колчан мог быть изготовлен как ойратским, так и южносибирским мастером данного периода. Лаконичное оформление позволяет предположить, что в отличие от своих богато украшенных аналогов из ТИАМЗ, западных музейных и частных собраний колчан из НКМ находился на вооружении воина среднего достатка. Это придает ему особую научную ценность, так как помогает составить представление о колчанах рядовых воинов и командиров младшего звена армий «чакарских калмыков» или Джунгарского *хунтайджийства* указанного периода.

Список литературы

Бобров Л. А. Джунгары – последняя кочевая империя // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики. М.: Наука; Вост. лит., 2019. С. 364–398.

Бобров Л. А., Балюнов И. В. «Большой» ойратский сфероцилиндрический шлем из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 1. С. 226–249.

Бобров Л. А., Балюнов И. В. Колчан XVII – середины XVIII вв. из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4.

Бобров Л. А., Зозуля С. С. Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного Исторического музея // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21. Вып. 5: Археология и этнография. С. 115–130.

Бобров Л. А., Кабульдинов З. Е., Агатай У. М. Ойратские сфероцилиндрический шлем и подшлемник из собрания Центрального Государственного музея Республики Казахстан // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 4. С. 91–98.

Бобров Л. А., Пинк И. Б. Стрелы и колчаны казахских воинов из Тульского Государственного музея оружия // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 243–255.

Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они ни где и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 357–378.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Монгольское влияние на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и начале Нового времени // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3 (прил. 2). С. 188–234.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Корнеев Г. Б. Священные знамена ойратов и калмыков. Элиста: Центр. хурул Респ. Калмыкия «Золотая обитель Будды Шакьямуни», 2022. 232 с.

Мартышов Р. А. Этнографические материалы К. А. Евреинова из фондов Новокузнецкого краеведческого музея // Из кузнецкой старины. 2017. Вып. 7. С. 174–192.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Прокопенко В. М. Саадаки с плоским колчаном (Европа, XVI–XVII вв.). Часть 1 – Конструкция. 2014а. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-1.html Дата обращения: 07.12.2022.

Прокопенко В. М. Саадаки с плоским колчаном (Европа, XVI–XVII вв.). Часть 2 – Каталог. 2014б. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-2.html Дата обращения: 07.12.2022 г.

Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.

Ширин Ю. В. К. А. Евреинов у истоков кузнецкого краеведения // Тр. Том. обл. краевед. музея. Томск, 2000. С. 137–140.

Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing: w/o publisher, 2008. 264 p.

Dekker P. Tibetan or Mongolian quiver. 2019a. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-or-mongolian-quiver> Дата обращения: 19.12.2022.

Dekker P. Rare Jinchuan quiver. 2019б. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/rare-jinchuan-quiver> Дата обращения: 19.12.2022.

Dekker P. Early lacquered quiver. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/early-tibetan-or-mongolian-lacquered-quiver> Дата обращения: 19.12.2022.

Dekker P. Tibetan bowcase and quiver. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-bowcase-quiver>
Дата обращения: 19.12.2022.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.

Shim H. The Zunghar Conquest of Central Tibet and its Influence on Tibetan Military Institutions in the 18th Century // *Revue d'Etudes Tibetaines. Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries.* 2020. № 53. P. 56–113.

References

Bobrov L. A. Dzhungary – poslednyaya kochevaya imperiya. In: *Kochevye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoy dinamiki.* Moscow. Nauka – Vostochnaya Literatura. 2019. Pp. 364–398. (In Russ.)

Bobrov L. A., Balyunov I. V. 'Big' Oirat Spherocylindrical Helmet in Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve Depositary. Theory and Practice of Archaeological Research. 2022. № 1. Pp. 226–249. (In Russ.)

Bobrov L. A., Balyunov I. V. Kolchan XVII – serediny XVIII vv. iz sobraniya Tobol'skogo istoriko-arhitekturnogo muzeya-zapovednika. *Oriental Studies.* 2023; 16(4) (In Russ.)

Bobrov L. A., Kabul'dinov Z. E., Agatay O. M. Ojratskie sferocilindricheskij shlem i podshlemnik iz sobraniya Central'nogo Gosudarstvennogo muzeya Respubliki Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2022. № 4. Pp. 91–98. (In Russ.)

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Mongol'skoe vliyanie na voennoe delo tibetcev v pozdnem Srednevekov'e i nachale Novogo vremeni. *Vestnik NSU. Series: History and Philology.* 2006. № 3. Pp. 188–234. (In Russ.)

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2008. 770p. (In Russ.)

Bobrov L. A., Zozulya S. S. Pancirnye plastiny iz raskopok V. V. Radlova v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. *Vestnik NSU. Series: History and Philology.* 2022. №5. Pp. 115–130. (In Russ.)

Bobrov L. A., Pink I. B. Strely i kolchany kazahskih voinov iz Tul'skogo Gosudarstvennogo muzeya oruzhiya. *Vestnik NSU. Series: History and Philology.* 2014. №3. Pp. 243–255. (In Russ.)

Bobrov L. A., Ryumshin. M. A. «...I protiv nih ne staivali oni nigde i bit'sya s nimi ne umeyut». Oruzhejnyj i voenno-takticheskij aspekt kalmy-

cko-nogajskih i kalmycko-tatarskih vojn prvoj poloviny – srediny XVII v. Golden Horde Civilization. 2015. №8. С. 357–378. (In Russ.)

Korneev G. B. Svyashchennye znamenya ojratoj i kalmykov. Elista: Central Khurul of the Republic of Kalmykia «The Golden Abode of Buddha Shakyamuni», 2022. 232 p. (In Russ.)

Martyushov R. A. Etnograficheskie materialy K. A. Evreinova iz fondov Novokuzneckogo kraevedcheskogo muzeya. Iz kuzneckoj stariny. 2017. Vyp. 7. S. 174–192.

Molodin V. I., Sobolev V. I., Solovyov A. I. Baraba v epohu pozdnego Srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990. 262 p. (In Russ.)

Prokopenko V. M. Saadaky s ploskim kolchanom (Evropa, XVI–XVII vv.). Part 1 - Construction. 2014a. Available at: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-1.html. (Accessed: 7 December 2022).

Prokopenko V. M. Saadaky s ploskim kolchanom (Evropa, XVI–XVII vv.). Part 2 - Catalog. 2014b. Available at: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-2.html. (Accessed: 7 December 2022).

Shirin YU. V. K. A. Evreinov u istokov kuzneckogo kraevedeniya. Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Tomsk, 2000. S. 137–140.

Solovyov A. I. Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamenogo veka do srednevekov'ya. Novosibirsk: «INFOLIO-press», 2003. 224 p. (In Russ.)

*Материал поступил в редакцию
Received*

12.05.2023 г.

Список сокращений / List of abbreviations

ГМВ – Государственный музей Востока (Москва)

НМК – Новокузнецкого краеведческого музея

ККХМ – Краснодарский краевой художественный музей

ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

МИМ – Музей искусств «Метрополитен» (Нью-Йорк, США)

НМШ – Национальный музей Шотландии (Эдинбург, Великобритания)

GMV – State Museum of the East (Moscow)

NMK – Novokuznetsk Museum of Local Lore

KKHM – Krasnodar Regional Art Museum

TIAMZ – Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve

MIM – Metropolitan Museum of Art (New York, USA)
NMSH – National Museum of Scotland (Edinburgh, UK)

Информация об авторах / Information about the Authors

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований; профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия); spsml@mail.ru

ORCIDID0000-0001-5071-1116

Leonid A. Bobrov, Doctor of History, leading researcher at the Laboratory for Humanitarian Studies; Associate Professor of Department of Archaeology and Ethnography in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); spsml@mail.ru

ORCIDID0000-0001-5071-1116

Пилипенко Сергей Алексеевич, преподаватель кафедры философии и гуманитарных наук факультета базовой подготовки Новосибирского государственного университета экономики и управления (Каменская ул., 52/1, г. Новосибирск, 630007, Россия); Pilipenkosergej@mail.ru

ORCIDID0000-0001-7963-9891

Sergej A. Pilipenko, Lecturer, Department of Philosophy and Humanities, Faculty of Basic Training, Novosibirsk State University of Economics and Management (Kamenskaya St., 52/1, Novosibirsk, 630007, Russia); Pilipenkosergej@mail.ru

ORCIDID0000-0001-7963-9891

Роман Андреевич, старший научный сотрудник Новокузнецкого краеведческого музея (Пионерский проспект, 24, Новокузнецк, 654027, Россия, martyushovromanandreevich@gmail.com)

Roman A. Martyushov, Senior Researcher at the Novokuznetsk Museum of Local History (Pionerskiy avn, 24, Novokuznetsk, 654027, Russia, martyushovromanandreevich@gmail.com)

ORCIDID0000-0001-9599-7277

Проблемы атрибуции пластинчатого доспеха из коллекции Музея оружия Алавы, Испания (к вопросу о чешуйчатых панцирях на западе средневековой ойкумены, X–XIII вв.)

Ю. А. Кулешов

*Заведующий сектором военной истории
Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник «Куликово поле»*

Аннотация

В статье рассматривается чешуйчатый панцирь из коллекции Museo de Armería de Álava. В среде специалистов принято считать, что это самый ранний европейский чешуйчатый панцирь, который относится к эпохе средневековья, X–XIII вв. Сравнив находки фрагментов чешуйчатых панцирей в Европе, на Балканах, где они принадлежали византийскому кругу вооружения, и на Ближнем Востоке, автор ставит под сомнение происхождение и датировку исследуемого предмета защитного снаряжения. Расширив круг поиска, исследователь обращает внимание на два доспешных парадных гарнитура: первый из собрания Museo del Ejército of Toledo, второй из коллекции The Metropolitan Museum of Art. Кирасы обоих комплексов идентичны по конструкции и отделке нагруднику из коллекции Museo de Armería de Álava. В то же время атрибуция гарнитура из собрания Museo del Ejército of Toledo, указанная на сайте музея как доспех племенного вождя индейцев Мексики периода Конкисты, в корне ошибочна, так как материал гарнитура – железо – в качестве сырья для местной металлургии на тот период было попросту неизвестно, а для металлообработки технически недоступно. Атрибуция второго гарнитура, из коллекции The Metropolitan Museum of Art, которая представлена на сайте музея, выглядит куда более вероятной. Американские специалисты атрибутируют его как китайский и датируют XVIII в. На основании этого автор приходит к выводам, что кираса из коллекции Museo de Armería de Álava не имеет никакого отношения к Европейскому средневековью, а является частью китайского парадного доспешного гарнитура XVIII в.

Ключевые слова

Вооружение, доспех, чешуйчатый панцирь

Благодарности

Автор хотел бы поблагодарить коллег Аню Добладо Гомес (Ana Doblado Gómez) из Университета Севильи (Universitat de Sevilla) и Алину Монтойя (Alina Montoya) из Барселонского университета (Universitat de Barcelona) за помощь в подготовке публикации.

Для цитирования

Кулешов Ю. А. Проблемы атрибуции пластинчатого доспеха из коллекции Музея оружия Алавы, Испания (к вопросу о чешуйчатых панцирях на западе средневековой ойкумены, X–XIII вв.) // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. С. 142–165. DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-142-165

**Problems of attribution of plate armor
from the collection
of the Alava Museum of Arms, Spain
(on the question of scaly shells in the west of the
medieval Ecumene, X–XIII centuries.)**

Yu. A. Kuleshov

Head of the Military History Sector

The State Military-Historical and Natural Museum-Reserve «Kulikovo Field»

Abstract

In the article the scale armour from Museode Armeriade Álava collection is explored. Among the specialists it is considered to be the earliest Medieval European scale armour of 10-13 centuries. After the comparison of the scale armor fragments in Europe, on the Balkans (the fragments there belong to Byzantine armory circle) and Middle East the author puts into question its background and dating. To wide the search circle the explorer pays attention on two ceremonial armour sets. One from Museode IEjército of Toledo and the second from The Metropolitan Museum of Art. The breast plates of both sets have the same construction and decoration to the breast plate from Museo de Armeriade Álava. At the same time the set from Museo del Ejército of Toledo attribution that is given at the official museum site as the armour of Mexican Indian chief of the Conquest period is considered to be absolutely incorrect by the author of the article. Because iron as the material for local metallurgical industry of the period was simple unknown and unavailable for metalwork. The attribution of the second set from The Metropolitan Museum of Art that is given at the official museum site seems much more probable. The American specialists attribute it as Chinese and date 18th c. Based on it the author comes to the conclusion that the breast plate from Museo de Armeriade Álava has nothing to European Medieval period and can be attributed as

Chinese ceremonial armour set of 18th c.

Keywords

Armament, armor, scaly armour

Acknowledgements

Using the opportunity the author would like to thank the colleagues, Ana Doblado Gómez from University of Seville and Alina Montoya from University of Barcelona for their help in preparation to publication of the article.

For citation

Kuleshov Yu. A. Problems of attribution of plate armor from the collection of the Alava Museum of Arms, Spain (on the question of scaly shells in the west of the medieval Ecu-mene, X–XIII centuries) // Universum Humanitarium. 2023. № 1. P. 142–165.

DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-142-165

Введение

Изучение пластинчатых панцирей в оружейоведении, будь то эпоха становления первых цивилизаций, античности или средневековья, тема для специалиста всегда тяжёлая, а результат непредсказуем. Большая удача для исследователя, когда доспех доходит до нас в погребении нетронутым, что даёт шанс восстановить его конструкцию и первоначальный внешний вид. И совсем уж неслыханное везение, когда тот или иной пластинчатый панцирь доживает до наших дней в составе музейного собрания или частной коллекции целым. Но и в этом случае результат может оказаться неоднозначным.

Так, в Испании в экспозиции Музея оружия провинции Алава (Museo de Armería de Álava) выставлен интереснейший экспонат – чешуйчатый панцирь [Alfaro Fournier, Vidal-Abarca, 1983. P. 27] (рис. 1). Он множество раз привлекал внимание специалистов, но до сих пор так и не стал предметом отдельного исследования. Мы попытаемся исправить эту ошибку, тем более что этот панцирь считается единственным средневековым европейским чешуйчатым доспехом, дошедшим до нашего времени в целости.

Ранее этот панцирь входил в коллекцию известнейшего испанского бизнесмена и мецената Феликса Альфаро Фурнье (Félix Alfaro Fournier), которая легла в основу будущего Музея оружия Алавы, открывшегося в 1966 г. в Витории. Другие подробности его происхождения отсутствуют.

Доспех представляет собой чешуйчатый панцирь, скроенный в виде кирасы, на широких ляшках, длиной до паха. Он имеет разрез с левого бока от проймы до подола. Передняя и задняя часть лямок,

Рис. 1. Чешуйчатый панцирь из коллекции Museo de Armería de Álava,
г. Витория, Испания

Fig. 1. A scale mail from the collection of the Museo de Armería de Álava,
Vitoria, Spain

а также левая боковина застёгиваются парой узких ремешков каждая. Спереди и сзади подол обрезан в виде полукружия.

Основа панциря состоит из двух сшитых между собой слоёв текстильного полотна очень грубого плетения. Панцирный набор состоит из полуовальных, вытянутых по ширине железных пластин, профилированных в горизонтальной плоскости. Сами пластины набраны снизу вверх в виде чешуи. На основе они зафиксированы металлическими колечками, которые крепят пластины через два отверстия, расположенные по бокам, в верхней их части.

На значительной площади панцирного набора сохранились очень слабо уловимые следы позолоты, что свидетельствует в пользу того, что весь нагрудный доспех изначально был позолоченным. В то же время непосредственно по золочению наискосок, слева направо, при помощи окиси меди (?) наведены семь широких зелёных полос. Каждая из них занимает по три чешуйки. Начинаются эти линии с правой стороны горловины: одна неполная, далее с левой стороны горловины до низа правой проймы и последующие за ней вниз. Последняя полоса, с левой стороны на подоле, неполная, так же как и первая, что обусловлено кроем панциря. Местами указанное зеленое покрытие сохранилось фрагментарно. Так, первая и нижние две полосы прослеживаются очень слабо.

В целом сохранность панциря удовлетворительная.

Результаты исследований и их обсуждение

В самом музее доспех датируется достаточно широко, VIII–XIV вв. [Alfaro Fournier, Vidal-Abarca, 1983. P. 27]. Как мы указали выше, полноценной публикации данный панцирь не имеет. Одним из первых, кто обратился к теме доспеха из Алавы, был известный каталонский историк Марти де Рикер-и-Морера (de Riquer i Morera Martí). Буквально через пару лет после открытия музея он издал книгу по каталонскому вооружению, в которой привёл фото панциря и предложил его датировку X–XII вв. [de Riquer, 1968. Fig. 2]. Спустя несколько лет видный исследователь испанского древнего и средневекового вооружения, датчанка по происхождению Ада Брюн Хоффмейер (Bruhn Hoffmeyer Ada) перепечатала фотографию доспеха из книги Марти де Рикер-и-Морера в своём фундаментальном двухтомнике по вооружению Испании, но уже с датировкой XI в. [Bruhn Hoffmeyer, 1972. P. 173]. В свою очередь, известнейший английский оружейвед, специалист по восточному вооружению Дэвид Николл (Nicolle David) поместил изображения панциря из Алавы в свою книгу по Реконкисте,

вышедшую в издательстве Osprey, которое прославилось серией научно-популярных публикаций по военной истории «Men-at-Arms». Исследователь поместил доспех среди вооружения населения Пиренейского полуострова и датировал его XI–XIII вв. [Nicolle, 1988. P. 33].

К сожалению, все три исследователя не стали раскрывать свои доводы при атрибуции панциря из Алавы. Вполне возможно, что на них повлияло массовое изображение чешуйчатых панцирей в средневековом европейском искусстве (рис. 2; 3, 4–7). Однако стоит констатировать, что всерьёз этой проблемой никто из специалистов не занимался. Более того, ничего в этом плане нам не даёт и археология, за исключением двух эпизодов. Речь идёт о находках фрагментированных и малоинформативных пластин во Франции, которые интерпретируют как остатки чешуйчатых панцирей. В первом случае это находка в усадьбе Монбаруа, близ коммуны Левру, департамент Эндр, где было обнаружено пятнадцать обломков и одна целая (?) пластина [Querrien, Blanghard, 2004. P. 114–117]. Во втором – находка в небольшом замке Гераме, коммуна Курген, департамент Сарта, где найден один обломок и одна целая (?) пластинка [Valais, Schmitt, Coffineau, 2010. P. 162] (рис. 4).

Что касается первой ситуации то, в данном случае мы имеем дело с устойчивой традицией в готическом искусстве изображать в чешуйчатых доспехах библейских персонажей, героев античности – греков и римлян, или мусульман [Nicolle, 1999. P. 31, № 32]. Это становится очевидным, если пристально рассматривать сюжет, показанный на том или ином изображении, с персонажем, облачённым в чешуйчатый панцирь (Рис. 2; 3, 4–7). То есть, это не реальное отражение ситуации..

В отношении второй ситуации, с учётом высказанного выше, стоит обратиться к материалам Балкан и Ближнего Востока.

Обзор находок на Балканах стоит начать с упоминания большого фрагмента, возможно, целой передней или задней половины чешуйчатого панциря, состоящего не менее чем из 200 пластин, обнаруженного в развалинах Большого Византийского дворца в Стамбуле, которые при его обрушении завалились на располагавшуюся рядом мощеную улицу. Остатки доспеха нашла английская археологическая экспедиция, исследовавшая административный квартал бывшей византийской столицы между 1935–1938 гг. [Brett, Macaulay, Stevenson, 1947. P. 99]. К сожалению, панцирный набор очень сильно пострадал в пожаре, большая часть пластин сохранилась в обломках, однако имеются несколько фрагментов, которые позволяют восстановить их первоначальный вид [Brett, Macaulay, Stevenson, 1947. Pl. 58, 7].

Рис. 2. Изображение чешуйчатых панцирей в средневековом европейском искусстве: 1 – «Мавр», фрагмент миниатюры из «Мировой хроники» Рудольфа фон Эймса, не позднее 1300 г.; 2 – «Римский воин», фрагмент барельефа с фриза романской капители ворот di Porta Romana, внутреннего круга городских стен г. Милана, Италия, около 1167 г.; 3 – «Избиение младенцев», фрагмент фрески из Церкви Святых Апостолов Петра и Павла, г. Бохум, Германия, около 1180 г.; 4 – «Зверства монголов», фрагмент миниатюры из «Chronica Majora» Мэтью Пэриса, Англия, между 1240–1255 гг.; 5 – «Восточный всадник» («Куман»?), фрагмент миниатюры из Кодекса «Bréviaire à l'usage de Verdun», Франция, рубеж XIII–XIV вв.; 6 – «Мадбяр/Язычник», фрагмент прорисовки гипсовых скульптур, который украшали стены парадного зала дома патрицианской семьи Доллингеров (между 1280–1290 гг.) в г. Регенсбурге (Германия), из «Regensburger Geschichten» (1611/14 гг.) Иеремиаса Гриневальдта; 7 – «Сарацин», фрагмент миниатюры «Битва при Хаттине», из «Chronica Majora» Мэтью Пэриса, Англия, между 1240–1255 гг.

Fig. 2. Depiction of scale armor in medieval European art: 1 – «The Moor», a fragment of a miniature from the «World Chronicle» by Rudolf von Ames, no later than 1300; 2 – «Roman Warrior», a fragment of a bas-relief from the frieze of a Romanesque capitol of the gate di Porta Romana, the inner circle of the city walls of Milan, Italy, about 1167; 3 – «Beating of babies», a fragment of a fresco from the Church of the Holy Apostles Peter and Paul, Bochum, Germany, circa 1180; 4 – «The Atrocities of the Mongols», a fragment of a miniature from «Chronica Majora» by Matthew Paris, England, between 1240–1255; 5 – «Oriental Horseman» («Cuman»?), a fragment of a miniature from the Codex Bréviaire à l'usage de Verdun, France, turn of the 13th–14th centuries; 6 – «Madbjär/Pagan», a fragment of a drawing of plaster sculptures that adorned the walls of the front hall of the house of the patrician Dollinger family (between 1280–1290) in Regensburg, Germany, from Jeremias Grinewaldt's Regensburger Geschichten (1611/14); 7 – «Saracen», fragment of a miniature of the Battle of Hattin, from Matthew Paris's Chronica Majora, England, between 1240–1255

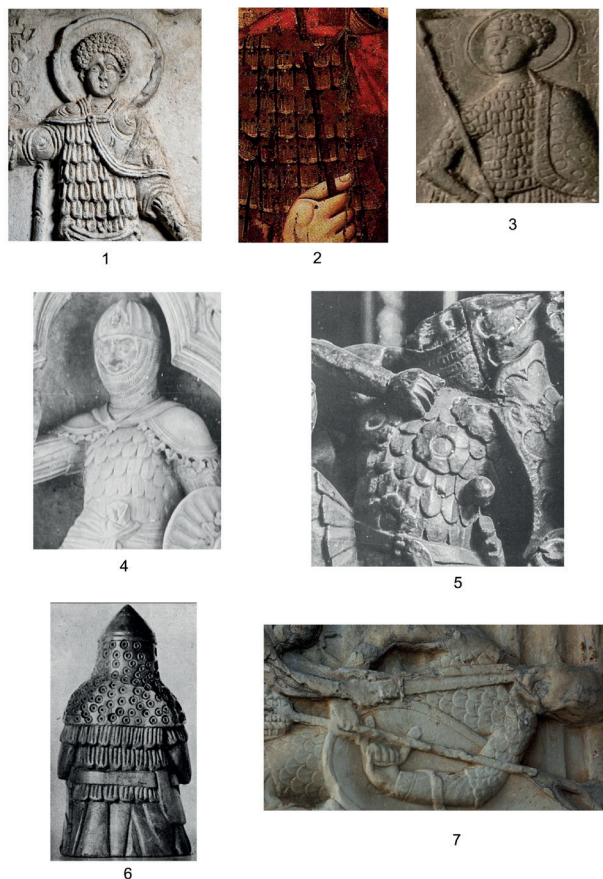

Рис. 3. Изображение чешуйчатых пластин с продольным ребром/жёлобом в византийском искусстве и синхронных произведениях искусства из других регионов, изображающих византийский комплекс вооружения: 1 – Святой Георгий Победоносец, барельеф Георгиевского собора в г. Юрьев-Польской, между 1230—1234 гг.; 2 – фрагмент иконы «Святой Георгий», из Успенского собора Московского Кремля, XI–XII вв.; 3 – фрагмент каменной иконы «Апостол Лука и Великомученик Георгий», коллекция Государственного Эрмитажа, 1-я треть XIII в.; 4 – «Царь Содом», фигура скульптурной сцены «Авраам встречает Мельхиседека», западный фасад триумфальной арки, обрамляющий вход в хор Реймского кафедрального собора, Германия, между 1275–1300 гг.; 5 – «Римский воин», фрагмент резного деревянного оформления одной из перегородок хоров в Кельнском Соборе, Германия, не позднее конца XIII в.; 6 – шахматная фигурка, вид со спины, изображающая византийского воина, обнаруженная в 1912 г. на территории Вавельского дворца, в г. Краков, Польша, 1-й половина XIII в.; 7 – «Поверженный Голиаф», фрагмент барельефа с фасада бывшей церкви аббатства Сен-Жиль-дю-Гар, Франция, XII в.

Fig. 3. Depiction of scale plates with a longitudinal rib/channel in Byzantine art and synchronous works of art from other regions depicting Byzantine armament complex: 1 – St. George the Conqueror, bas-relief of St. George's Cathedral in Yuryev-Polskaya. Yuryev-Polskaya, between 1230–1234; 2 – a fragment of the icon "St. George", from the Dormition Cathedral of the Moscow Kremlin, XI–XII centuries; 3 – a fragment of the stone icon «The Apostle Luke and the Great Martyr George», collection of the State Hermitage, 1st third of the XIII century. 4 – «King of Sodom», a figure of the sculptural scene «Abraham meets Melchizedek», the western facade of the triumphal arch, framing the entrance to the choir of the Reims Cathedral, Germany, between 1275–1300; 5 – «Roman Warrior», a fragment of carved wooden decoration of one of the partitions of the choir in the Cologne Cathedral, Germany, not later than the end of the XIII century. 6 – A chess piece, back view, depicting a Byzantine warrior, discovered in 1912 on the territory of Wawel Palace, Krakow, Poland, 1st half of the 13th century; 7 – «Overthrown Goliath», a fragment of bas-relief from the facade of the former church of the Abbey of Saint-Gilles-du-Gard, France, XII century

Пластины представляют собой вытянутые чешуйки, в центре которых оттиснут вертикальный желобок. Вдоль верхнего края пластин пробито по три, а с каждого бока по два монтажных отверстия. В описании указано, что ещё одно монтажное отверстие располагалось у них снизу [Brett, Macaulay, Stevenson, 1947. Р. 99], но это, видимо ошибка, так как аналогии, о которых речь пойдет чуть ниже, свидетельствуют об отсутствии оногo (рис. 5, 1). Что касается датировки представленного материала, то к одному из фрагментов пластин в пожаре припеклась монета императора Мануила I Комнина (1143–80 гг.).

Что касается аналогий, шесть из них происходят из Северной Болгарии и относятся к Первому Болгарскому царству, не позднее 1018 г. Три найдены в округе г. Русе, сёлах Батин, Стырмен, Кривина, одна в г. Селитра и его округе, селе Попина и ещё одна в развалинах столицы г. Велики-Преслав [Йотов, 2004. Табл. LXIV, 702, 709, 713, 715, LXI, 696] (рис. 5, 2). Единичная находка происходит из Швеции, с поселения Бирка, крупнейшего торгового центра эпохи викингов, который погиб около 975 г. [Stjerna, 2004. Р. 29. Fig. 1, F]. Эту пластинку заманчиво связать с представителями «крещёных росов», которые входили в отряды дворцовой гвардии византийских императоров и упоминаются в трактате «О церемониях» между 959–569 гг. [Литаврин, 1981. С. 46] (рис. 5, 3).

Ещё одна находка происходит из армянского г. Двин. Речь идёт о фрагменте из трёх спёкшихся пластин, которые частично обломаны, но их тип и форма хорошо угадываются [Калантарян, 1965. С. 71. Рис. 1, 1] (рис. 5, 4). В целом находка византийского вооружения для Армении легко объяснима, поскольку армяне очень часто и достаточно массово служили наемниками в Империи [Димидюк, 2017. С. 8]. Более того, местный комплекс вооружения внешне ничем не отличался от византийского и в большинстве своём имел общее с ним происхождение или напрямую являлся импортным [D'Amato, Dymydyuk, 2021]. Что касается датировки указанного фрагмента панциря, то он происходит из слоёв IX–XII веков [Калантарян, 1965. С. 71].

Все вышеприведённые девять пластин имеют форму вытянутых чешуек с оттиснутым в центре желобком и очень характерную систему монтажных отверстий – два-три вдоль верхнего края и две боковых пары. Таким образом, представленная группа находок наглядно демонстрирует, как первоначально выглядели пластины из Большого Византийского дворца.

Рис. 4. Предположительно фрагменты панцирной чешуи (?) из усадьбы Монбаруа и замка Гераме (в рамке), Франция

Fig. 4. Presumably fragments of armored scales (?) from the manor of Montbarois and the castle of Guéramé (framed), France

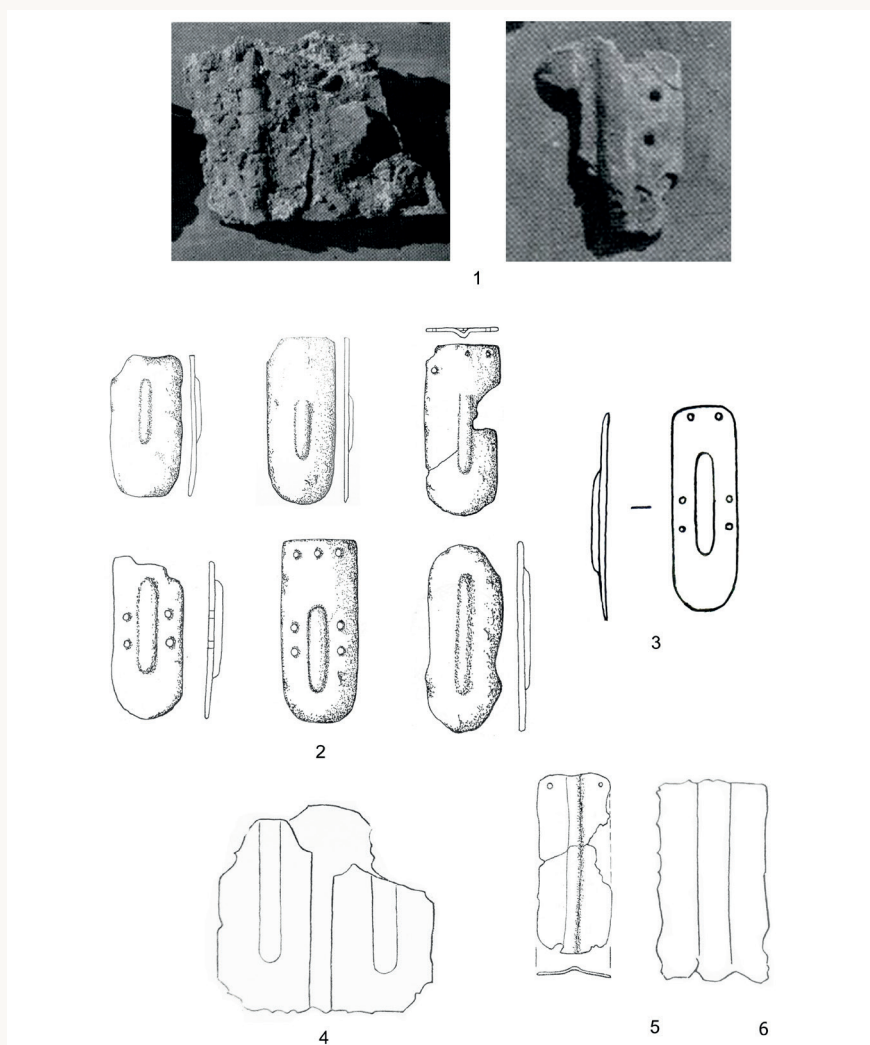

Рис. 5. Панцирная чешуя византийского типа: 1 – фрагменты чешуйчатого панциря, обнаруженного в развалинах Большого Византийского дворца; 2 – находки чешуйчатых пластин с территории Болгарии; 3 – чешуйка с поселения Бирка, Швеции; 4 – фрагмент спёкшейся панцирной чешуи из армянского г. Двин; 5 – осевая пластина (?) чешуйчатого панцирного набора из древнерусского г. Дорогобуж; 6 – осевая пластина (?) чешуйчатого панцирного набора из армянского г. Двин

Fig. 5. Byzantine-type armored scales: 1 – fragments of the scaled armor found in the ruins of the Great Byzantine Palace; 2 – finds of scaled plates from Bulgaria; 3 – scales from the settlement of Birka, Sweden; 4 – fragment of fused armored scales from the Armenian town of Dvin; 5 – axial plate (?) of a scale armor set from the Old Russian town of Dorogobuzh; 6 – axial plate (?) of a scale armor set from the Armenian town of Dvin

Здесь стоит упомянуть ещё две находки: в первом случае речь идёт о том же армянском г. Двин. Дело в том, что рядом с вышеуказанным фрагментом из трёх спёкшихся пластин была обнаружена ещё одна. Она имеет вытянутую прямоугольную форму со скруглёнными углами, а по центру её сверху вниз на всю высоту оттиснут желобок [Калантарян, 1965. С. 71. Рис. 1, 1] (рис. 5, 6). С очень большой долей вероятности в данном случае мы имеем дело с осевой пластиной лицевого набора панциря, который набирался из пластин описанного выше типа.

Вторая, абсолютно аналогичная пластинка была обнаружена в ходе исследования древнерусского г. Дорогобужа, на Волыни [Прищепа, Нікольченко, 1996. С. 200. Рис. 66, 5]. На этой находке частично сохранилось у левого верхнего угла одно монтажное отверстие. Пластинка сломана на две части, с левой стороны и снизу имеет незначительные утраты (рис. 5, 5). Что касается хронологии находки, то она была сделана в культурном слое, прилегающем к жилищу № 20, и датируется концом XI – первой половиной XII в. [Прищепа, Нікольченко, 1996. С. 110].

К этому же времени относятся и письменные свидетельства поставок византийского вооружения на Русь. Так, В.Н.Татищев в своем труде «Исторія Россійская», в ходе работы над которым, как известно, исследователь использовал источники, не дошедшие до наших дней, сообщает, что в 1151 г. на тот момент киевский князь Изяслав Мстиславич «довольно (то есть в достатке. – Ю. К.) от греков оружия купил и войскам своим раздавал» [Аристов, 1866. С. 115]. Данное сообщение подтверждается и находками прочих категорий вооружения, имеющего византийское происхождение, на Киевщине, Черниговщине, в Галиции, Подолии, на Буковине и в землях Червенских городов [Баранов, 2016. С. 85–88. Рис. 1–4; Баранов, 2017. С. 280. Рис. 22, 4; Baranov, 2023, в печати; Котович, 2019. С. 100–116. Рис. 2–4].

В свою очередь, подтверждения использования для чешуйчатого панциря именно профилированных пластин мы видим в памятниках византийского искусства (рис. 3, 1–3) и синхронных произведениях искусства из других регионов, изображающих византийский комплекс вооружения (рис. 3, 4–7). Более того, судя по имеющемуся на сегодняшний день материалу, мы можем констатировать, что традиция профилированных чешуек восходит ещё к Имперскому Риму [Wijnhoven, 2009; 2009a; Симоненко, 2015. С. 125]. В пользу этого предположения говорят более ранние свидетельства бытования доспеха из профилированных чешуек, чем вышеприведённый археологический материал, но при этом уже и достаточно дистанцированный

от конца эпохи Античности. В данном случае мы имеем в виду миниатюры Штутгартской псалтыри, на ряде которых отчётливо можно видеть панцири из чешуек интересующего нас профиля. Создание этого памятника относится к концу так называемой эпохи Каролингского возрождения и надёжно датируется 820–830 гг. При этом на миниатюрах, о которых идёт речь, представлены исключительно библейские сюжеты [Weski, 2015. Р. 434, 438–439. Abb. 4; 8–9]. В то же время, как показывают современные исследования, иллюстрации Штутгартской псалтыри достаточно самобытны по отношению к изобразительным канонам предыдущих эпох, а вещи, показанные на них, включая вооружение, соответствуют времени её создания [Weski, 2015. Р. 451]. Однако персонажи, на которых изображены данные панцири, судя по иным элементам одежды и снаряжения, явно к франкам и их культуре не относятся [Weski, 2015. Р. 447].

С большой долей вероятности стоит полагать, что здесь мы имеем дело с началом западноевропейской изобразительной традиции, когда античных героев или представителей всех чуждых тогдашнему католическому миру народов облачают в чешуйчатые панцири. Самое интересное, что уже в эпоху Высокого Средневековья именно в плане вещей это не было просто клише, то есть миниатюрист или скульптор показывали реалии своего времени. В этом прекрасно можно убедиться, если обратиться к памятникам с высокой детализацией.

Что касается находок чешуйчатых панцирей на Ближнем Востоке, здесь ситуация скромнее, чем на Балканах, и на сегодняшний день для этого региона нам известен всего один эпизод. Речь идёт о двух фрагментах доспеха, которые предположительно происходят из замка аль-Рахба в Сирии. Сейчас они хранятся в коллекции Музея исламского искусства в г. Доха, Катар. Эти обломки были исследованы упомянутым английским оружейником Дэвидом Николлом. Без всяких на то оснований, на наш взгляд, специалист отнёс упомянутые находки к элементам конского доспеха [Nicolle, 2017. Р. 24. Ph. 12]. Между тем стоит отметить, что для данного исследователя характерно относить к указанной категории защитного снаряжения панцирные элементы, которым он затрудняется дать определение [Nicolle, 2011. Р. 284–293. Fig. 59–80].

Находка представляет собой два относительно крупных фрагмента доспеха, на кожаную основу которого набраны железные чешуйки. Судя по второму фрагменту, предположительно часть панцирного набора была закрыта матерчатой крышкой. При этом панцирь не относился к доспеху типа бригадина, у которого панцирный набор снаружи не было видно, так как он набирался под основу.

Сами металлические чешуйки вырезаны из листового железа и по форме напоминают уплощённую каплю. На основе они фиксируются железными заклёпками посредством трёх отверстий в верхнем основании пластинки и одним по центру (рис. 6, 2).

Автор публикации отнёс находку к концу правления династии Айюбидов – середине XIII в. или ранним мамлюкам, XIV в. [Nicolle, 2017. P. 24].

Между тем в пользу второй датировки свидетельствует весьма любопытный элемент доспеха из коллекции Лионского музея изобразительных искусств (Musée des Beaux-Arts de Lyon), Франция. Указанная деталь панциря была приобретена музеем в 1888 г. и происходит из бывшей коллекции французского художника Жана-Батиста Адольфа Гупиля (Jules-Adolphe Goupil, 1806–1893 г.), известного тем, что он являлся ведущим арт-дилером во Франции второй половины XIX в. Сеть его представительств «Goupil & Cie», открытая в 1850 г, имела филиалы в крупных столицах по всей континентальной Европе, а также в Нью-Йорке и Австралии.

Фрагмент доспеха представляет собой подквадратный по форме с тремя фестонами снизу элемент. Его основа сшита как минимум из двух слоёв ткани, причём, судя по всему, между слоями простелен какой-то амортизирующий материал. Сверху на основу набраны металлические чешуйки, полностью аналогичные пластинам из катарской коллекции, за исключением того, что у них отсутствует дополнительная фиксация по центру, а заклёпки изготовлены из меди. Отдельно стоит отметить, что на трёх центральных пластинах самого верхнего ряда удалена приострённая часть, а остальные чешуйки в этом ряду смонтированы ровной боковой гранью вверх.

В центре элемента поверх панцирного набора опять же посредством медных заклёпок, только более крупных, смонтирован металлический диск, на который золочением в технике плакировки навешен мамлюкский личный герб – *ранк*. В верхнем поле изображена крупная чаша с ромбом над ней и двумя саблями по бокам, в нижнем поле – вторая чаша меньших размеров (рис. 6, 3).

В музее эта часть чешуйчатого мамлюкского панциря датируется первой половиной – серединой XV в. [Taburet-Delahaye и др., 2020. P. 57. № 28]. Однако это только подтверждает, что подобная форма пластин носила достаточно устойчивый характер в регионе.

Там образом, мы можем констатировать, что в регионе Ближнего Востока для изготовления чешуйчатых панцирей использовались элементы каплевидной формы.

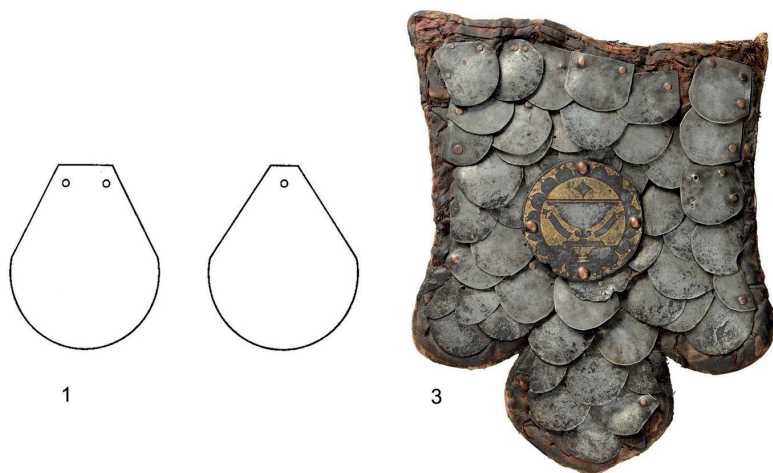

Рис. 6. Панцирная чешуя Ближнего Востока: 1 – прорисовки двух типов чешуек с кожного фрагмента доспеха из бывшей коллекции графа Ганса Вильчека; 2 – фрагмент чешуйчатого доспеха из замка аль-Рахба, Сирия; 3 – деталь чешуйчатого мамлюкского панциря из коллекции Лионского музея изобразительных искусств (Musée des Beaux-Arts de Lyon), Франция

Fig. 6. Panzer scales of the Middle East: 1 – drawings of two types of scales from a leather fragment of armor from the former collection of Count Hans Wilczek; 2 – fragment of scaled armor from the castle of al-Rahba, Syria; 3 – detail of a scaled Mamluk armor from the collection of the Musée des Beaux-Arts de Lyon, France

В то же время, помимо вышеуказанных двух ближневосточных фрагментированных доспехов, в литературе есть информация о ещё одной находке с подобным панцирным набором.

В начале 1970-х гг. французский исследователь Франсуа Бюттен (François Buttin) в своей работе по европейскому доспеху эпохи Средневековья сообщил о том, что в бывшей коллекции крупнейшего гуманитария Австро-Венгерской Империи последних десятилетий её существования, графа Ганса Вильчека (Hans Wilczek), хранится кожаный фрагмент 14 × 15 см, на который при помощи медных заклёпок набраны железные чешуйки. Он привёл прорисовки двух типов данных пластин, судя по которым оба варианта практически аналогичны вышеописанным ближневосточным, с той лишь разницей, что у них чуть срезан верхний угол и меньше количество монтажных отверстий (рис. 6, 1).

Бюттен указал, что они были найдены в некоей башне на берегу Адриатического моря близ Венеции [Buttin, 1971. Р. 54, 57]. К сожалению, мы не можем сказать, заимствование ли это или подобные доспехи использовались и на Апеннинском полуострове. В любом случае, ни о каком широком использовании чешуйчатого доспеха в X–XIII вв. на территории Европы речи не идёт.

Более того, панцирный набор панциря из Музея Алавы ни в Европе, ни в ближайших регионах аналогий не имеет. Поэтому стоит расширить поиск аналогий как территориально, так и хронологически.

Обращают на себя внимание два полных доспешных гарнитура: первый из собрания Музея армии в г. Толедо, Испания (Museo del Ejército of Toledo) (рис. 7, 2), второй из коллекции музея «Метрополитен», Нью-Йорк, США (The Metropolitan Museum of Art) (рис. 7, 1). Оба комплекта полностью схожи между собой, они набраны из пластин, абсолютно аналогичных пластинам панциря из Музея Алавы. Каждый гарнитур состоит из пяти конструктивных элементов: мягкого шлема в виде капюшона, низ которого спереди застёгивается; панциря, полностью, включая покрыв, аналогичного хранящемуся в Музее Алавы; двух оплечий и двух набедренников в виде лопастей. Все элементы обоих комплектов по нижнему краю оторочены шёлковой бахромой. Более того, они позолочены и, как и на панцире из Музея Алавы, поверх покрытия драгоценным металлом несут наводку широкими полосами, опять же оксидом меди. С одной лишь разницей, что на этих гарнитурах линии даны в горизонтальном положении и на экземпляре из коллекции «Метрополитена» их на одну больше (рис. 8).

Рис. 7. Аналогии панцирю из коллекции Museo de Armería de Álava: 1 – доспешный гарнитур из коллекции музея «Метрополитен», г. Нью-Йорк, США (The Metropolitan Museum of Art); 2 – доспешный гарнитур из собрания Музея армии в г. Толедо, Испания (Museo del Ejército of Toledo)

Fig. 7. Analogies to the armor from the collection of the Museo de Armería de Álava: 1 – armor set from the collection of the Metropolitan Museum of Art, New York, USA; 2 – armor set from the collection of the Army Museum in Toledo, Spain (Museo del Ejército of Toledo)

Что касается атрибуции обоих комплексов доспехов, то в отношении экземпляра из собрания Музея армии в Толедо, на сайте музея его приписывают касику – племенному вождю индейцев Мексики периода Конкисты. Что, в свою очередь, маловероятно, так как материал гарнитура – железо – в качестве сырья для местных ремесленников на тот период было попросту неизвестно, а для металлообработки технически недоступно.

Рис. 8. Нагрудник доспешного гарнитура из коллекции музея «Метрополитен», г. Нью-Йорк, США (The Metropolitan Museum of Art)

Fig. 8. Armor breastplate from the collection of the Metropolitan Museum of Art, New York, USA (The Metropolitan Museum of Art)

Более ясная картина с гарнитуром из музея «Метрополитен»: на сайте музея он атрибутирован как китайский и датирован XVIII в. К сожалению, история происхождения комплекта остаётся туманной, указано лишь то, что в 1913 г. он был преподнесён в дар известным коллекционером и меценатом Уильямом Х. Риггсом. До этого

дважды, в 1878 и 1900 гг., гарнитур экспонировался на Всемирной выставке в Париже. Полноценная его публикация тоже отсутствует.

Между тем хорошо известно, что уже в начале XVIII в. доспех практически полностью исчезает из китайского вооружения, за исключением парадного, но и тот остаётся только у офицеров и свиты императора [Peers, 1997. Р. 45]. И действительно, в «Цзинъинь вэньюаньгэ сыку цюаньшу» (Записи об императорском дворе прошлого) помещено монаршее постановление от 1759 г. о парадном облачении выпускников Военной академии. В нем речь идёт о полноценном чешуйчатом панцире, состоящем из защиты корпуса, дополненном оплечьями и набедренниками. К сожалению, нам оказался недоступен оригинальный текст, и приходится полагаться исключительно на английский перевод [LaRocca, Clarke, Heller, Jamspal, 2006. Р. 144]. В свою очередь, его точность вызывает ряд вопросов. Дело в том, что компоновка гарнитуров из Музея армии в Толедо и музея «Метрополитен» полностью совпадает с элементами кроя описанного доспеха. Более того, в тексте говорится и о красной кайме с золотой вышивкой, которую мы видим на обоих комплектах. И об оторочке бахромой, и о неких зелёных лентах (полосах?).

На основании вышеприведённого у нас есть серьёзные аргументы полагать, что оба интересующих нас доспешных гарнитура являются парадным облачением выпускников Военной академии Империи Цин, описанные в императорском постановлении от 1759 г.

Заключение

Таким образом, на основании всего вышесказанного не остаётся никаких сомнений, что панцирь из Музея Алавы являлся частью гарнитура типа представленных в коллекциях Музея армии в Толедо и музея искусств «Метрополитен».

Что касается отсутствия красной каймы и бахромы на доспехе из Музея Алавы, то, скорее всего, они были сознательно удалены нечистыми на руку антикварами, дабы придать ему более старый вид.

Работа по исправлению ошибок прошлых поколений в области оружейведения необходима. Дело в том, что «эксклюзивные» вещи со временем обрастают историографией и становятся предметом серьёзных исследований. Но ввиду очень затруднительной их атрибуции жертвами подобной мифологии могут стать даже весьма уважаемые специалисты. В перспективе это ведёт к очень серьёзным искажениям реальности при изучении военного дела и вооружения

того или иного периода или культуры [Кулешов, Артемьева, 2022. С. 193]. На примере панциря из Музея Алавы мы имеем уже минимум три подобных прецедента [Nicolle, 1988. А, 3; Nicolle, 2001. F, 2; D'Amato, Negin, 2020. А, 2].

Список литературы

Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб.: Тип. Королева и К°, 1866. 321 с.

Баранов Г. В. Находки раннесредневековых сабель «болгарского типа» в бассейне верхнего и среднего течения Днестра (к вопросу о византийской воинской традиции в Восточной Европе) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск: Нижневарт. гос. ун-т, 2016. Вып. 8. С. 76–92.

Баранов Г. В. Византийские (средиземноморские) мечи с перекрестьями с муфтой IX–XI вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. М.; Тюмень; Нижневартовск: Нижневарт. гос. ун-т, 2017. Вып. 9. С. 248–283.

Димидюк Д. Озброєння вірменського воїна наприкінці IX – в середині XI ст. // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Історія. Тернопіль: Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, 2017. Вип. 1. Ч. 2. С. 3–11.

Йотов В. Вѣорѣженіето и снаряженіето от бѣлгарското средновековіе (VII–XI век). Варна: Зограф; Велико Търново: Абагар, 2004. 218 с.

Калантарян А. А. Защитное снаряжение раннесредневековой Армении (Зрах, сагаварт, ваган) // Изв. Акад. наук Армянской ССР. Сер.: обществ. науки. Ереван: б/и, 1965. № 10. С. 68–74. (на арм. яз.)

Котович П. Нетипичный клинок «болгарского типа» из Терки, юго-восточная Польша // Военная археология: Сб. материалов науч. сем. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 5. С. 100–116.

Кулешов Ю. А., Артемьева Н. Г. Новый тип чжурчжэньских боевых масок (к вопросу о кросс-культурных связях Мусульманского Востока и Восточной Азии в свете военного дела) // Средневековые древности Приморья. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2022. Вып. 5. С. 187–217.

Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников // Византийский временник. М.: Наука, 1981. Т. 42. С. 35–48.

Прищепа Б. А., Нікольченко Ю. М. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі. До історії населення Західної Волині в Х–XIII століттях. Рівне: Держ. ред.- вид. п-во, 1996. 247 с.

Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. 2-е изд., испр. и доп. Киев: Видавец Олег Філюк, 2015. 465 с.

Alfaro Fournier F., Vidal-Abarca J. Museos de Armería y Heráldica Alavesa. Vitoria-Gasteiz, 1983. 219 p.

Baranov G. V. Byzantine (Mediterranean) swords with sleeve cross-guards: constructing a typology // The Sword and the Faith. Nikephoros Phokas and His Time. Amsterdam, 2023. (в печ.)

Brett G., Macaulay W. J., Stevenson R. B. K. The Great palace of the Byzantine emperors: Being a first report on the excavations carried out in Istanbul on behalf of the Walker trust (The University of St. Andrews) 1935–1938. L., 1947. 187 p.

Bruhn Hoffmeyer A. Arms and Armour in Spain: A Short Survey. Vol. 1; The Bronze Age to the End of High Middle Ages. Madrid, 1972. 199 p.

Buttin F. Du costume militaire au Moyen Age et la Renaissance. Barcelona, 1971. P. 420.

D'Amato R., Negin A. Roman Heavy Cavalry. Vol. 2: AD 500–1450. Elite Series: Osprey, Oxford, 2020. № 235. 65 p.

D'Amato R., Dymydyuk D. The Sword with the Sleeve Cross-Guard in the Fresco from the Cathedral of the Holy Cross on Aghtamar Island // Studia Ceranea: Journal of the Waldemar Cera Research Centre. Łódź, 2021. Vol. 11. P. 107–144.

LaRocca D. J., Clarke J., Heller A., Jamspal L. Warriors of the Himalayas: Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.

Nicolle D. El Cid and the Reconquista 1050–1492. (Men-at-Arms Series.) Osprey: Oxford, 1988. № 200. 47 p.

Nicolle D. Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350. T. I: Western Europe and the Crusader States. – London: Greenhill Books, 1999. 636 p.

Nicolle D. The Moors: The Islamic West 7th–15th Centuries AD. (Men-at-Arms Series.) Osprey: Oxford, 2001. № 348. 47 p.

Nicolle D. Late Mamlūk Military Equipment. Travaux et Études de la Mission Archéologique Syro-Française Citadelle de Damas (1999–2006). Damas, 2011. Vol. III. 396 p.

Nicolle D. Horse Armour in the Medieval Islamic Middle East // *Arabian Humanities*. El Ahmadi, 2017. Vol. 8. P. 1–60.

Peers Ch. Late Imperial Chinese Armies 1520–1840. (Men-at-Arms Series.) Osprey: Oxford, 1997. № 307. 49 p.

Querrien A., Blanghard J. La résidence aristocratique rurale de Montbaron: structures et mobilier // *Archéologie médiévale*. Paris, 2004. T. XXXIV: La résidence aristocratique rurale de Montbaron (Levroux, Indre), fin XIe-début XIIIe siècle. P. 67–130.

de Riquer M. L'arnès del cavaller: Armes i armadures catalanes medievals. Barcelona, 1968. 239 p.

Stjerna N. Steppe nomadic armour from Birka // *Fornvannen*. Stockholm, 2004. Vol. 99. P. 27–32.

Taburet-Delahaye E., Huynh M., Juvin C. Furûsiyya – L'art de la chevalerie entre Orient et Occident. Abu Dhabi, 2020. 208 p.

Valais A., Schmitt L., Coffineau E. La motte castrale de Guéramé à Courgain (Sarthe), aux confins du Maine et du Perche // *Revue archéologique de l'Ouest*. Paris, 2010. Vol. 27. P. 149–170.

Weski T. Der Stuttgarter Psalter – (K)eine Quelle für die Archäologie des Frühmittelalters? // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. Mainz, 2015. Bd. 62. № 1. S. 425–457.

Wijnhoven M.A. Lorica Hamata Squamataque: A Study of Roman Hybrid Feathered Armour // *The Journal of the Mail Research Society*. St. Cloud, 2009. P. 30–50, 52–55, 62–65.

Wijnhoven M.A. The Ouddorp Lorica: A Case Study of Roman Lorica Hamata Squamataque // *The Journal of the Mail Research Society*. Vol. 2. № 1. St. Cloud, 2009a. Vol. 2. № 1. P. 30–50, 56–65.

References

Aristov N. Promy'shennost' drevnej Rusi. Sankt-Peterburg, 1866. 324 p.

Baranov G. V. Naxodki rannesrednevekovy'x sabel' «bolgarskogo tipa» v bassejne verxnego i srednego techeniya Dnestra (k voprosu o vizantijskoj voinskoj tradicii v Vostochnoj Evrope) // *Materialy' po arxeologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kry'ma*. Vy'p. 8. Sevastopol', Tyumen', Nizhnevartovsk, 2016. P. 76–92.

Baranov G. V. Vizantijskie (sredizemnomorskie) mechi s perekrest'nyami s muftoj IX-XI vv. // *Materialy' po arxeologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kry'ma*. Vy'p. 9. M.; Tyumen'; Nizhnevartovsk, 2017. P. 248–283.

Bobrov L. A. Srednevekovaya boevaya maska-lichina iz Muzeya iskusstv Metropoliten (N'yu-Jork) // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. T. 10. Vy'p. 3: Arxeologiya i e'tnografii. Novosibirsk, 2011. P. 204–209.

Dymidyuk D. Armament of the Armenian Warrior at the end of the IX – middle of the XI century. // scientific notes of the Ternopil National Pedagogical University named after Vladimir Hnatyuk. Series: History. Issue 1. Part 2. Ternopil, 2017. P. 3–11.

Jotov V. Vooruzhenie i snaryazhenie bolgarskogo srednevekov'ya (VII–XI veka). Varna, 2004. 283 p.

Kalantaryan A. A. Zashhitnoe snaryazhenie ranne-srednevekovoj Armenii (Zrax, sagavart, vagan) // Izvestiya akademii nauk Armyanskoj SSR. Seriya: obshhestvenny'e nauki. №. 10. Erevan, 1965. P. 68–74. (na armyanskom yazy'ke.)

Kotovitch P. Netipichny'j klinok «bolgarskogo tipa» iz Terki, yugo-vostochnaya Pol'sha // Voennaya arxeologiya. Sbornik materialov nauchnogo seminar. Vy'p. 5: V chest' 90-letiya vy'dayushhegosya otechestvennogo oruzhieveda doktora istoricheskix nauk A.N. Kirpichnikova. M., 2019. P. 100–116.

Kuleshov Yu. A. K voprosu ob atribucii "tibetskogo antropomorfного zabrала" iz kolekcii The Metropolitan Museum of Art // Istoricheskoe oruzhie: pamyatniki, sobraniya, osobennosti issledovaniya. Vy'p. 3. M., 2022. P. 56–65.

Kuleshov Yu. A., Artem'eva N. G. Novy'j tip chzhurchzhe'n'skix boevy'x masok (k voprosu o kross-kul'turny'x svyazyax Musul'manskogo Vostoka i Vostochnoj Azii v svete voennogo dela) // Srednevekovy'e drevnosti Primor'ya. Vy'p. 5. Vladivostok, 2022. P. 187–217.

Litavrin G. G. Puteshestvie russkoj knyagini Ol'gi v Konstantinopol': Problema istochnikov // Vizantijskij vremennik. № 42. M., 1981. P. 35–48.

Prishhepa B. A., Nikol'chenko Yu. M. Letopisny'j Dorogobuzh v period Kievskoj Rusi. K istorii naseleniya Zapadnoj Voly'ni v X–XIII vekax. Rovno, 1996. 248 p.

Simonenko A. V. Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya (izdanie 2-e ispravlennoe i dopolnennoe). Kiev, 2015. 465 p.

Сведения об авторе / Information about the Authors

Кулешов Юрий Алексеевич, заведующий сектором военной истории Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (300041, г. Тула, пр. Ленина, 47); yurah1@mail.ru

Yuriy A. Kuleshov

Head of the Military History Sector The State Military-Historical and Natural Museum-Reserve «Kulikovo Field» (47 Lenin Ave., Tula, 300041); yurah1@mail.ru

Мундир первых солдат Петровской эпохи в Сибири Историческая реконструкция мундира, комплекса вооружения и снаряжения Сибирского драгунского гарнизонного полка 1715 г.

Ю. С. Ермолаев

*Клуб исторической реконструкции
«Сибирский драгунский гарнизонный полк»
г. Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье, на основе комплексного анализа источников, реконструирован мундир, вооружение и снаряжение драгунов Сибирского драгунского гарнизонного полка времен похода И.Д. Бухгольца 1715–1716 гг. Установлено, что сибирские драгуны носили зеленый мундир с красными обшлагами, красные камзолы и штаны. В качестве головного убора, вероятно, использовалась одна из разновидностей картузов («карпусов»). Широкое использование шляп – «треуголок» маловероятно. Основной разновидностью оружия дистанционного боя драгун были фузеи и, возможно, карабины. В ближнем бою применялись палаши. Собранные материалы позволили воссоздать внешний облик сибирского драгуна начала XVIII в.

Ключевые слова

Петр I, драгун, мундир, Сибирь, реконструкция.

Благодарности

за помощь в создании мундира Сибирского драгунского гарнизонного полка и написании статьи Борису Вадимовичу Мегорскому, историку, писателю, руководителю клуба исторической реконструкции «Лейб-гвардии Преображенский полк, 1709»;

Дмитрию Алексеевичу Лобанову, научному сотруднику отдела истории Пермского краеведческого музея, руководителю клуба исторической реконструкции «Тобольский гарнизонный полк».

Для цитирования

Ермолаев Ю. С. Мундир первых солдат Петровской эпохи в Сибири Историческая реконструкция мундира, комплекса вооружения и снаряжения Сибирского драгунского гарнизонного полка 1715 г. // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. С. 164–197.

DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-164-197

Uniform of the first soldiers of the Peter the Great era in Siberia

Historical reconstruction of the uniform, weapons and equipment complex of the Siberian Dragoon garrison regiment of 1715

Ermolaev Y. S.

*Historical Reconstruction Club «Siberian Dragoon Garrison Regiment»,
Novosibirsk, Russia*

Abstract

In the article, on the basis of a comprehensive analysis of sources, the uniform, armament and equipment of dragoons of the Siberian Dragoon garrison regiment during the campaign of I.D. Buchholz 1715-1716 is reconstructed. It was established that the Siberian dragoons wore a green uniform with red cuffs, red doublets and trousers. One of the varieties of caps ("carpuses") was probably used as a headdress. Widespread use of "cocked hats" is unlikely. The main type of remote combat weapons of dragoons were fuseses and, possibly, carbines. Broadswords were used in close combat. The collected materials made it possible to recreate the appearance of the Siberian dragoon of the beginning of the XVIII century.

Keywords

Peter I, dragoon, uniform, Siberia, reconstruction.

Acknowledgements

for the help in creating the uniform of the Siberian Dragoon Garrison Regiment and writing an article using the opportunity the author would like to thank Boris Vadimovich Megorsky, historian, writer, head of the historical reconstruction club «Life Guards Preobrazhensky Regiment, 1709».

Dmitry Alekseevich Lobanov, researcher at the History Department of the Perm Museum of Local Lore, head of the historical reconstruction club «Tobolsk Garrison Regiment».

For citation

Ermolaev Y. S. Uniform of the first soldiers of the Peter the Great era in Siberia. Historical reconstruction of the uniform, weapons and equipment complex of the Siberian Dragoon garrison regiment of 1715 // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. P. 164–197. DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-164-197

Введение

История Сибирского драгунского гарнизонного полка полковника Давида Мейна начинается на рубеже двух столетий, XVII и XVIII,

когда он был сформирован из поселенных драгун Тобольского уезда. В течение первой четверти XVIII в. полк нес «береговую службу» на окраинах Тобольского уезда, на севере Башкирии и на Урале [Памятники... XVIII в., 1885. Т. 1. С. 290; Рабинович, 1977. С. 85]. С 1706 г. полком командовал полковник Иван Аршанский, с 1714 г. – полковник Леонтий Парфентьев.

Наиболее известной страницей истории полка стал поход в составе отряда И. Д. Бухгольца на Ямыш-озеро в 1715 г. В юности Иван Дмитриевич Бухголец состоял в потешных войсках Петра I, затем служил офицером Преображенского полка. Участвовал в Азовских походах и Северной войне. В мае 1714 г. И. Д. Бухголец, уже в чине подполковника, получил Высочайшие указы Петра I ехать в Тобольск, собирать там отряд и двигаться вверх по Иртышу к Ямыш-озеру. Там он должен был остановиться на зимовку, построить крепость, оставить в ней гарнизон, а затем продолжать путь дальше. Помимо поиска золотоносной руды, ему было велено построить Омскую, Железенскую, Ямышевскую, Семипалатную и Усть-Каменогорскую крепости на реке Иртыш. Тридцать первого ноября того же года И. Д. Бухголец в сопровождении офицеров и солдат Преображенского полка прибыл в Тобольск, где под его командованием был сформирован отряд численностью почти 3000 человек. В состав отряда вошли солдаты Московского, Санкт-Петербургского и Сибирского драгунского гарнизонных полков. При подготовке к походу эти солдаты получили мундир европейского образца. Этот факт можно считать первым документально подтвержденным случаем появления формы Петровской эпохи в Сибири.

Поход отряда И.Д. Бухгольца закончился трагически. В феврале 1716 г., после строительства Ямышовской крепости на правом берегу реки Иртыш, в границах владений джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана, десяти тысячное войско джунгар осадило крепость. В результате зимней блокады, от голода и болезней русский отряд потерял 2300 человек. Весной 1716 года оставшиеся в живых члены отряда разрушили укрепления и спустились вниз по Иртышу до слияния с рекой Омь, где они получили помощь из Тобольска, Тары и Томска и заложили Омскую крепость.

Основная часть

До нас дошли два документа, составленные во время расследований Сенатом печальных последствий похода отряда И.Д. Бухгольца. Первый документ: «Ведомость о количестве денег, военных и продо-

вольственных припасов, принятых для похода. Копия с табеля каков прислал в сенат подполковник господин Бухгольц, коликое число, для военного похода, в Тобольск из большой канцелярии, в полки и в гарнизон артиллерии, ружья, мундиру, и всякой амуниции, денег и провианту принято» [Памятники..., 1885. С. 127]. Сам табель за личной подписью И.Д. Бухгольца был подан в Сенат 3 января 1717 г. (Далее в тексте этот документ называется «Табель»).

Второй документ: «Ведомость за приписью дьяка Максима Романова, за справкою подьячего Максима Онучина, присланная с той ведомости в сенат копия за рукою лантрихтера Ивана Чепелева». [Памятники..., 1885. С. 130] Документ прислан в Сенат 7 января 1718 г. (Далее в тексте этот документ называется «Ведомость»).

Табель и Ведомость описывают одно и то же снаряжение, но часть снаряжения, указанного в Ведомости, не указано в Табеле, и наоборот. Таким образом, оба документа дополняют друг друга и дают достаточно четкое представление о припасах отряда И.Д. Бухгольца в 1715 году. Среди прочего, в этих документах есть описание материалов, использованных для пошива военных мундиров, снаряжения и вооружения.

В Табеле числится следующее:

«В полки принято...

Портупей – 2011,

Драгунских перевязей – 500,

Бушматов – 500,

Нагалищ – 2777,

Сум гренадерских с трубками и с перевязями – 156,

Ночников капральских гренадерских – 8,

Сум драгунских переметных – 500,

Сум каптенармусских – 36,

Лядунок с ремнями драгунских и солдатских – 2000,

Шапок гренадерских – 164,

Кафтанов васильковых – 332,

Кафтанов красных – 944,

Штанов васильковых – 36,

Штанов красных – 407,

Епанч зеленых старых – 38,

На дело к палашам ножен и погонных ремней кож красных юфтей – 121, средней и малой рук, Лядунок драгунских старых – 500» [Памятники... 1885. Т. 2. С. 127]. В Ведомости содержится следующая информация: «Коликое число отправлено с подполковником Бухгольцом драгун и солдат и других чинов... в поход в 1715 году:

драгун и солдат 2862 человека. Мастеровых людей 70 человек... Московской присылки 80 сум солдатских ... Сукон английских, гамбургских локтевых шибутов, яренгов и лятчины, Московской и верхотурской присылки, и покупных 13 738 аршин 3 вершка. А из тех сукон сделано мундиру на драгун и солдат на бомбардиров и канониров 918 кафтанов зеленых, 1000 кафтанов красных, 438 кафтанов васильковых, 950 камзолов красных, 384 камзола васильковых, 407 штанов красных, 86 штанов лазоревых, гренадерских шапок зеленых и красных 164... 1825 нагалищ, 1200 и 11 портупей, 50 каптенармусских мешков, 2067 сум солдатских, 36 сум каптенармусских, 95 сум мушкетонных, 50 сум бомбардирских, 156 сум гренадерских. Да послано в полки на дело узд и на оклейку к палашам ножен и на иные расходы 55 юфтей кож красных, 79 кож сыромятных» [Памятники... 1885. Т. 2. С. 130].

Анализ перечисленного снаряжения показывает, что в состав отряда И.Д. Бухгольца входили, в том числе, 500 драгун. Этот вывод сделан на основании 500 старых драгунских лядунок, 500 сум драгунских переметных, 500 драгунских перевязей, 500 бушматов, перечисленных в Табеле.

В процессе изучения Ведомости и Табеля нами, новосибирскими реконструкторами, было принято решение с максимальной степенью исторической достоверности воссоздать облик драгун Сибирского драгунского гарнизонного полка, как одного из первых подразделений, получивших мундир европейского образца Петровской эпохи в Сибири в 1715 году. Недостающие сведения дополняли информацией из письменных источников: «Русская полевая армия 1700 – 1730 Обмундирование и снаряжение» [Татарников, 2008. С. 28] и регламентированных табелей гарнизонных драгунских полков 1720 г. [Сперанский, 1830. С. 18].

Кроме упомянутых кафтанов, камзолов и штанов, в комплект одежды драгун могли входить головной убор, чулки, обувь, галстук, нательная рубаша [Татарников, 2008. С. 42]

Драгунские кафтаны, судя по Ведомости, были либо зеленые (918 штук), либо красные (1000 штук.). Количество васильковых кафтанов (438) меньше, чем количество драгун. Но могло быть и так, что разные роты драгун носили кафтаны разного цвета.

В Табеле указаны 944 красных и 332 васильковых кафтана. Получается, что в Табеле зеленые кафтаны не указаны, а количество красных и васильковых в обоих документах различается незначительно.

С учетом того, что драгуны и гренадеры были наиболее элитными частями в отряде, мы первоначально предположили, что драгу-

ны были одеты в мундиры цветов Преображенского полка, где ранее служил И. Д. Бухгольц, то есть зеленого цвета. Позднее эта гипотеза получила подтверждение благодаря данным табеля Сибирского драгунского гарнизонного полка 1720 г.: «Кафтан зеленого сукна. Моченого оной же ширины 3 аршина 7 вершков. На обшлага, на воротник и на оторочку петель красного сукна 5 вершков. Итого 3 $\frac{3}{4}$ аршина по 58 копеек аршин, а на умочку 5 $\frac{3}{8}$ копеек за аршин, 63 $\frac{3}{8}$ копейки. На подбой красной каразеи в 1 аршин с тремя вершками 3 $\frac{1}{2}$ аршин по 15 копеек за аршин. На умочку каразеи по вершку на аршин по 2 $\frac{1}{2}$ копейки. В фалды и над рукава и под обшлага и на карманы крашенины 5 аршин по 1 $\frac{1}{4}$ копейки. Пуговиц медных 2 портища по 1 $\frac{1}{4}$ копейки. За шитье 9 копеек. На мелочные расходы 5 $\frac{5}{8}$ копеек. Итого за кафтан на 4 года 3 рубля 27 $\frac{7}{8}$ копеек» [Сперанский, 1830. С. 18].

В Табеле указаны 407 красных и 36 васильковых штанов, камзолы не упоминаются. В Ведомости указаны 950 красных, 384 васильковых камзола, 407 красных и 86 лазоревых штанов. Штаны и камзолы разных рот могли быть разного цвета, но вероятность того, что одна или несколько рот драгун носила красные камзолы и штаны выше, поскольку их было пошито больше. Опять же ношение красных штанов и камзолов не противоречит предположению, что драгуны носили мундиры, похожие на мундиры Преображенского полка. Таким образом, наиболее вероятно, что драгуны интересующей нас воинской части носили зеленых кафтаны с красными обшлагами, красные камзолы и штаны.

Многочисленные источники говорят о том, что мундиры европейского образца, и русские в том числе, были изначально скопированы с французских, поэтому при изготовлении кафтанов, камзолов и штанов были использованы французские выкройки начала XVIII века [Waugh, 1964. С. 52]. У К. В. Татарникова неоднократно и достаточно подробно описаны варианты строения кафтанов. Для драгун в 1712–1720-х годах верх кафтана строился из качественного сукна (английского). Полы, клапаны карманов, воротник, обшлага, оторочка петель, задние прорехи строились из сукна более низкого качества и другого цвета (яренки). На подклад в спину и фалды шла крашенина, в рукава и карманы – холст [Татарников, 2008. С. 28].

С учетом вышеуказанных выкроек и описаний мы приступили к изготовлению кафтана. В качестве доступного материала была выбрана 100% шерстяная ткань. Цветовая гамма материала подбиралась в соответствии с цветами аналогичных предметов из гардероба Петра I из коллекций музеев Москвы и Санкт – Петербурга. Для по-

лучения необходимого оттенка зеленого цвета шерсть была окрашена вручную. Определенные проблемы возникли при построении выкройки воротника кафтана. Поскольку драгуны передвигались конными, было принято решение сшить «кавалерийский» воротник с пуговицами, пришитый к кафтану на одну треть посередине спины. Подобная конструкция позволяла поднимать воротник и застегивать его вокруг шеи.

Камзол, в целом, повторяет крой кафтана, только делается короче, без обшлагов и складок в боковых швах, как правило, без воротника. Штаны шились безразмерные и подгонялись по фигуре владельца за счет разреза сзади, ширина которого регулировалась при помощи шнурка, либо хлястиков с пуговицами или пряжками [Татарников, 2008. С. 42]. В соответствии с этими описаниями нами были пошиты камзол и штаны из красного сукна с подкладом из домотканого льняного полотна.

Из головных уборов Табель и Ведомость упоминают только «гренадерские шапки зеленые и красные». Регламент 1720 г. содержит информацию о шляпах – «треуголках»: «Шляпа с обшитым белым шерстяным галуном и с шнуром на 3 года 19 1/2 копеек» [Сперанский, 1830 С. 18]. Но на текущий момент ни в одном документе не найдено сведений о покупке шляп для гарнизонных полков в Сибири, зато встречается информация о ношении карпусов (картузов). В результате нами было принято решение изготовить и шляпу и карпус и сравнить их качества во время ношения. Если в 1715 г. сибирским драгунам шили и выдавали карпусы, то не исключено, что на их изготовление было использовано сукно такого же цвета, что и на гренадерские шапки (зеленые с красным).

В Ведомости упоминаются ручные мортиры, которые использовали только гренадеры в драгунских полках [Мегорский, 2016. С. 138], на основании этого мы предположили, что гренадеры находились в составе драгунского полка, что не исключает ношение драгунами и гренадерами головных уборов одинакового цвета. Наиболее вероятно, что основной разновидностью головных уборов сибирских драгун был зеленый карпус с красными отворотами. Карпус был сшит согласно описаниям К. В. Татарникова и образцам из музеев Швеции. Шляпа была изготовлена аутентичным методом валяния из войлока. На практике носить карпусы оказалось более удобно и практично. Например, в случае непогоды поля карпуса можно опустить и застегнуть под подбородком, прикрыв шею от ветра и влаги. Шляпы же, наоборот, после нескольких дней использования теряют форму, и их

ношение вызывает постоянное неудобство, особенно в дождливую погоду.

Наибольшее количество вопросов возникло по поводу реконструкции элементов одежды, не описанных в Табеле и Ведомости: рубаха, галстук, обувь.

Регламент 1720 г. описывает сапоги, а также башмаки с чулками [Сперанский, 1830. С. 18].

Возможно, в случае отряда И.Д. Бухгольца, проблема с обувью не была решена вовсе, и каждый член отряда вышел в поход в той обуви, какую имел при себе. При реконструкции же нами был выбран вариант ношения башмаков с чулками, в соответствии с регламентом. Чулки были сшиты из сермяжной домотканой шерсти. Башмаки изготавливались по образцам башмаков шведской армии периода Северной войны, хранящимся в Army Museum в Стокгольме. Оттуда же в качестве образца были взяты подвязки с пряжками для чулок. Главной проблемой при изготовлении башмаков стало то, что в начале XVIII в. обувь не разделялась на «правую» и «левую», любой башмак можно было надеть на любую ногу. Таким образом, пошив башмаков пришлось начать с изготовления «универсальных» колодок.

Нательные рубахи не описаны в Табеле и Ведомости, не выдавались они солдатам и в последующие десятилетия. Соответственно, был рассмотрен вариант, что каждый драгун носил ту рубаху, какую уже имел. В ГИМе и музее Ливрусткаммарен экспонируются четыре такие рубахи, произведенные в конце XVII – начале XVIII вв. Это традиционные русские «косоворотки» без воротника. На практике оказалось, что носить подобные рубахи с галстуком абсолютно невозможно. Таким образом, мы пришли к выводу, что к новым мундирам драгуны шили рубашки европейского образца с воротником. Косвенным подтверждением этому может служить гравюра 20-х годов XVIII в. из монографии 1735 г. «Описание Уральских и Сибирских заводов», подготовленная коллективом авторов под руководством Г. В. де Геннина. На одном из рисунков указанного издания изображен солдат в рубашке европейского образца (рис. 1). Для изготовления рубах были использованы французские выкройки начала XVIII в. [Vaugh, 1964. С. 52].

У К.В. Татарникова неоднократно описаны драгунские галстуки, изготовленные из черного трипа. С одной стороны, этот материал в Сибирь точно поставлялся. Например, «Трип черный травчатый» упоминается в таможенной ведомости г. Томска 1640 г. С другой стороны, возникает вопрос, могло ли быть в Тобольске в 1715 г. достаточное количество черного трипа для изготовления галстуков на 500

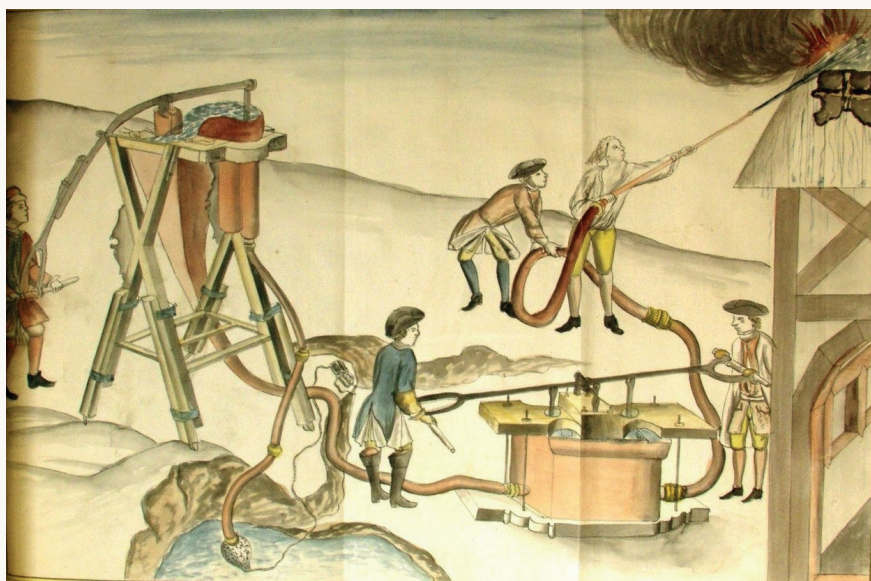

Рис. 1. Гравюра из монографии «Описание Уральских и Сибирских заводов».

Коллектив авторов под руководством Г. В. де Геннина, 1735 г.

Fig. 1. An engraving from the monograph «Description of Ural and Siberian factories».

A team of authors led by G. V. de Gennin, 1735

или более человек? В описании имущества драгун первой четверти XVIII в. встречаются черные платки. Возможно, в Сибири, помимо установленного регламентом ношения триповых галстуков, также допускалось ношение черных холстяных платков вместо них. Для реконструкции был выбран вариант ношения галстука из трипа, сшитого по французским выкройкам начала XVIII в. [Waugh, 1964. С. 52].

Из элементов снаряжения в Ведомости и Табеле упоминаются: перевязь драгунская, сума драгунская переметная, лядунка драгунская, портупея, нагалище (чехол для огнестрельного оружия), ножны к палашам из красной кожи, погонные ремни из красной кожи.

На представленном на иллюстрации реконструированном комплекте (рис. 2) можно увидеть портупею (ремень для ношения холодного оружия) и перевязь. В отличие от солдат, у которых перевязь предназначалась для ношения патронной сумы, драгунская перевязь заканчивалась карабином, к которому прикреплялось огнестрельное оружие при верховой езде. Перевязь носилась через левое плечо, продетой под погоном, пришитым к кафтану.

Табель и Ведомость указывают 2011 портупей, которые, по всей видимости, были одинаковые и предназначались и драгунам и солдатам. Более нам о них ничего неизвестно.

Чтобы реконструировать портупею, мы обратились к следующим описаниям: «Подавляющая часть амуничных вещей – солдатские и драгунские портупеи, перевязи, лядуночные ремни – сделана из яловичной кожи с медной или железной полуженной «приправой»» [Татарников, 2008. С. 27]. Там же приводится описание амуничных вещей в бумагах Военной канцелярии, датированной маем 1713 г.: «... драгунские с медным убором: перевязь строченая подшита тесьмою нитяною с двумя медными пряжками и наконечником, узкий лядуночный ремень с медною пряжкой, строченый, подшит такую ж (как перевязь) тесьмою, портупей с медною ж пряжкою, подшит такую ж тесьмою. Солдатские: перевязь, портупей с железною пряжкою и с крюком» [Татарников, 2008. С. 27]. Некоторое представление об указанном изделии дают шведские портупеи из Музея Армии в Стокгольме. Ширина полотна ремня портупеи 55 мм и шире, изготовлены они мездрой наружу, гладкой стороной внутрь. Изнутри портупея подшита тесьмой. Ф-образная пряжка, в отличие от современных ремней, не пришита – она подвижная. Кроме привычного шпенька, к пряжке крепится крючок, который цепляется ко второй «пряжке» с петлей, неподвижно закрепленной на другом конце портупеи. Ширину ремня портупеи приблизительно в 5–7 см также подтверждает барельеф (медальон) работы Растрелли 20-х годов XVIII в. из коллекции Государственного Эрмитажа (Рис. 3). В качестве основного образца мы использовали портупею из «Полтавского» комплекта Петра I. В итоге была изготовлена портупея с шириной полотна ремня 75 мм, медной фурнитурой, подвижной Ф-образной пряжкой, из толстой (3 мм) рыхлой кожи растительного дубления мездрой наружу.

При изготовлении перевязи мы ориентировались на следующие описания: «Драгуну для ношения ружья была положена погонная перевязь – надевавшийся через левое плечо широкий ремень с железным крюком, который цеплялся за скобу на левой стороне ружья, не давая ему упасть на землю при стрельбе с лошади. Металлический прибор перевязи, помимо погонного крюка, включал пряжку, петлю и запряжник; как правило, они были медные». [Татарников, 2008. С. 42] Там же описание амуничных вещей в бумагах Военной канцелярии, датированной маем 1713 г.: «... драгунские с медным убором: перевязь строченая подшита тесьмою нитяною с двумя медными пряжками и наконечником» [Татарников, 2008. С. 42].

Рис. 2. Реконструкция мундира, комплекса снаряжения и вооружения драгуна Сибирского драгунского гарнизонного полка 1716 г. в шляпе, кафтане с «кавалерийским» воротником, чулках и башмаках. Фото автора

Fig. 2. Reconstruction of the uniform, equipment and armament complex of a dragoon of the Siberian Dragoon Garrison regiment of 1716 in a hat, a caftan with a «cavalry» collar, stockings and shoes. Photo of the author

Рис. 3. Барельеф (медальон) «Взятие Нарвы». Экспонат Государственного Эрмитажа. Авторы: Бартоломео Карло Растрелли, мастер из «Токарни» Петра I, 1720-е гг. Фото с сайта Государственного Эрмитажа. Публикуется в образовательных целях
Fig. 3. Bas-relief (medallion) «Narvo expugni 1704». An exhibit of the State Hermitage Museum. Authors: Bartolomeo Carlo Rastrelli, master of the «Lathe» of Peter I, 1720s. Photo from the website of the State Hermitage Museum. It is published for educational purposes

Ещё одно интереснейшее описание перевязи содержит ее точные размеры: «Чертеж полкового убору Азовского драгунского полка. Образец: ширина перевязе лосиной 11 см. длина полтретья аршина (180 см). Пряшки и наконешники медные» [Егоров, 2023. С. 71]. Перевязь шириной приблизительно 10–12 см также можно наблюдать на медальоне работы Растрелли (рис. 4). Судя по этому изображению, перевязь носили, размещая пряжку на спине. На основании перечисленной информации, нами была изготовлена перевязь шириной 11 см, длиной 180 см, мездрой наружу, с одношпёньковой Ф – образной пряжкой 12 X 8 см, подпряжником, латунным наконечником и металлическим карабином.

По остальным, указанным в Табеле и Ведомости элементам драгунского снаряжения (сума драгунская переметная, лядунка драгунская, нагалище), на момент написания статьи, ведется поиск источников, на основании которых возможно было бы представить внешний вид, размеры и конструкцию этих элементов.

Среди прочего вооружения, Табель описывает «175 фузей со штыками старых, 486 фузей старых без штыков, палашей 200» [Памятники... 1885. Т. 2. С. 127]. В Ведомости же указано совершенно другое количество этих видов оружия: «Фузей московской присылки 2000, палашей 2000 по цене 3300 рублей. За дело 1000 эфесов и крючков

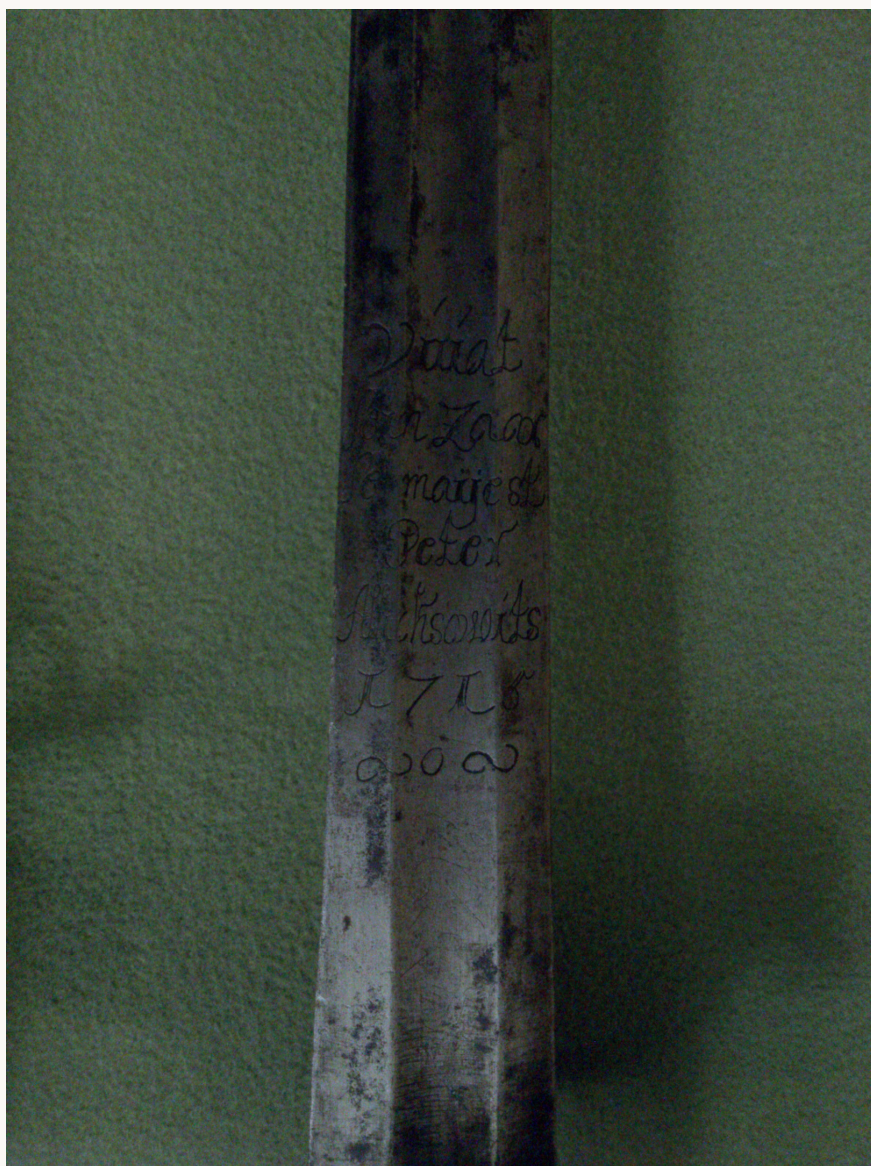

Рис. 4. Надпись «Vivat sein Zaar se mjerst Peter Allickseveits 1715» на клинке драгунского палаша из коллекции Государственного учреждения культуры «Забайкальский краевой краеведческий музей имени А.К. Кузнецова».

Фото А. В. Черепанова. Публикуется с разрешения автора

Fig. 4. The inscription «Vivat sein Zaar se mjerst Peter Allickseveits 1715» on the blade of a dragoon broadsword from the collection of the State Cultural Institution «Zabaikalsky Regional Museum of Local Lore named after A.K. Kuznetsov».

Photo by A. V. Cherepanov. Published with the permission of the author

к палашам 120 рублей. Тобольских нового дела 495 фузей по цене 742 рубля 16 алтын 4 денги. Старого 385 фузей по цене 346 рублей 16 алтын 4 денги» [Памятники... 1885. Т. 2. С. 130]. Какой именно вид оружия называется «фузеей старой» и чем он отличается от «фузеи московской присылки» определить невозможно. Нас заинтересовал тот факт, что в тобольской Росписи служилых людей и военных запасов и прочего 1684–85 гг. в казне, среди невостребованного «мелкого ружья» числятся «62 карабина с ложами и замками, 17 крюков карабинных» [Балюнов, 2022. С.111]. То есть, часть драгун могли использовать излюбленное оружие всадников – карабин с «крюками карабинными», пришитыми к перевязи. Образцом подобного оружия является карабин второй половины XVII в. из собрания ВИМАИ-ВиВС (Инв. №1/888). Карабин имеет характерную скобу – «погон» для крепления к крюку [Маковская, 1992. Рис. 108].

В качестве вспомогательного холодного вооружения драгуны использовали палаш. Для реконструкции, в качестве образца, нами был выбран драгунский палаш из коллекции КГАУК «Красноярский краевой краеведческий музей», который интересен тем, что на правой стороне пятки клинка буквами латинского алфавита выгравирована надпись «VIVAT ZAARE MAGES PETER ALEXSSITS» и дата «1714». На левой стороне пятки клинка выгравировано изображение герба Российской империи в виде двуглавого орла, короны и надпись латинскими буквами «SOLINGEN». Интересно, что похожий палаш 1715 г. хранится в ГУК «Забайкальский краевой краеведческий музей имени А.К. Кузнецова» (Рис. 4). Благодаря наличию статьи с указанием размеров и подробным описанием палаша из Красноярского краеведческого музея [Привалихин, Новоселов, 2021], нам удалось изготовить его массо-габаритный макет в деревянных ножнах, оклеенных красной кожей.

Заключение

Комплексный анализ источников позволил воссоздать внешний вид бойцов Сибирского драгунского гарнизонного полка, выступившего в поход в составе отряда И. Д. Бухгольца в 1715 г. В числе прочего, реконструированы мундир, снаряжение и вооружение гарнизонных драгун указанного периода.

На рис. 2 представлен реконструированный комплект из мундира, снаряжения и вооружения драгуна (рис. 2). На рис. 5 представлена графическая реконструкция со следующими вариациями: на голове надет карпус вместо шляпы; кафтан показан с «классическим»,

Рис. 5. Графическая реконструкция комплекса снаряжения и вооружения драгуна Сибирского драгунского гарнизонного полка 1716 г. в карпусе, кафтане с «классическим» воротником, в сапогах.

Рисунок Д. А. Лобанова, публикуется с разрешения автора
Fig. 5. Graphic reconstruction of the equipment and armament complex of a dragoon of the Siberian Dragoon Garrison regiment of 1716 in a carpus, a caftan with a «classic» collar, in boots. Drawing by D. A. Lobanov, published with the author's permission

а не «кавалерийским» воротником; вместо башмаков с чулками наде- ты сапоги (рис. 5).

Не смотря на некоторые региональные особенности, униформа, вооружение и снаряжение сибирских гарнизонных драгун не слиш- ком отличались от военного костюма и вооружения их соратников из европейской части России. В исторической перспективе поход И.Д. Бухгольца 1715–1716 гг. стал важным этапом в «вестернизации» воинского комплекса армейский подразделений Зауралья.

Список литературы

Балюнов И. В. Тобольский арсенал ручного огнестрельного ору- жия в эпоху Петра I (1680–1720) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманит. исслед. Humanitates. 2022. Т. 8. №3(31). С. 108–124.

Егоров В. И. Мундир петровской армии 1706–1710 в письмах А. Д. Меншикова // <http://books.reenactor.ru/?bookid=1653> (дата обра- щения: 02.09.2023)

Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XVI – XVIII веков: Справочник-определитель. М.: Воен. изд-во, 1992. 222 с.

Мегорский Б. В. Вооружение и снаряжение русской пехоты в 1704 г. О реконструкции комплекса по документальным источни- кам // История военного костюма: от древнего мира до наших дней: Материалы Междунар. воен.-ист. конф. / Под ред. А. В. Арановича, Д. Ю. Алексеева. СПб., 19 ноября 2015 г. СПб.: СПбГУПТД, 2016. 414 с.

Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1885. 541 с.

Привалихин В. И., Новоселов М. Ю. Проект «Что расскажет нам предмет»: драгунский палаш начала XVIII века // <https://www.kkkm.ru/posetitelyam/stati-i-publikacii/proekt-chto-rasskazhet-nam-predmet-dragunskij-palash-nachala-xviii-v> (Дата обращения 12.02.2021 г.)

Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698–1725: Краткий справочник / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Сов. Россия, 1977. 112 с.

Сперанский М.М. Полное собрание законов российской империи. Том 43: Книга штатов. СПб., 1830. 979 с.

Татарников К.В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундиро- вание и снаряжение. М., 2008. 352 с.

Waugh N. The cut of mens clothes 1600–1900. N. Y., 1964. 196 p.

References

Balyunov I.V. Tobol'skiy arsenal ruchnogo ognestrel'nogo oruzhiya v epokhu Petra I (1680-1720) // Vestn. Tuymen. Gos. Un-ta. Gumanit. Issled. Humanitatis. 2022. T. 8. № № (31). S. 108–124.

Egorov V. I. Mundir petrovskoy armii 1706-1710 v pis'makh A. D. Men-shikova // <http://books.reenactor.ru/?bookid=1653> (accessed: 02.09.2023)

Makovskaya L. K. Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie russkoy armii konza XVI – XVIII vekov: spravochnik-opredelitel'. M.: Voen. izd-vo, 1992. 222 s.

Megorsky B. V. Vooruzhenie i snaryazhenie russkoy pekhoty v 1704 g. O rekonstruktsii kompleksa po dokumental'nym istochnikam // Istoriya voennogo kostuyma ot drevnego mira do nashikh dney: materialy Mezhdunar. voen.-ist. konf. SPb.: SPbGUPTD, 2016. 414 s.

Pamyatniki sibirskoy istorii XVIII veka. St. Petersburg: tip. M-va vn. del, 1885. 541 s.

Privalikhin V. I., Novoselov M. Yu. Proyekt «Chto rasskayhet nam predmet»: dragunskiy palash nachala XVIII veka // <https://www.kkkm.ru/posetitelyam/stati-i-publikacii/proekt-chto-rasskazhet-nam-predmet-dragunskij-palash-nachala-xviii-v> (Accessed 12.02.2021)

Rabinovich M.D. Polka petrovskoy armii 1698–1725: kratkiy spravochnik M.: Sov. Rossiya, 1977. 112 s.

Speransky M.M. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Tom 43: kniga shtatov. St. Petersburg, 1830. 979 s.

Tatarnikov K.V. Russkaya polevaya armiya 1700–1730. Obmundirovanie i snaryazhenie. M., 2008. 352 s.

Wagh N. The cut of mens clothes 1600–1900. N. Y., 1964. 196 p.

Материал поступил в редакцию

Recived

29.08.2023 г.

Сведения об авторе / Information about the Author

Ермолаев Юрий Сергеевич. Исторический реконструктор. Руководитель клуба исторической реконструкции «Сибирский драгунский гарнизонный полк». Тел. (+7) 913 906 03 02. E-mail: sibpatriot-nsk@yandex.ru

Ermolaev Yuri Sergeevich. Historical reenactor. Head of the historical reconstruction club «Siberian Dragoon Garrison Regiment». Tel. +7 913 906-03-02. E-mail: sibpatriot-nsk@yandex.ru